

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Рассказов Вячеслав Леонидович

**УГОЛОВНЫЙ СЫСК НА КУБАНИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIXв. – 1917 г.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность: 12.00.01. – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Курдюк П.М.**

КРАСНОДАР

2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Становление и развитие сыскной полиции в Российской империи	22
Глава II. Полиция Кубани в борьбе с преступностью.....	49
§ 1. Организация деятельности полиции по борьбе с уголовной преступностью (вторая половина XIX в. – 1908 г.)	49
§ 2. Осуществление правовых и административно-полицейских мер по борьбе с преступностью в условиях обострения криминогенной обстановки (на примере Армавира).....	77
Глава III. Организационно-правовые основы функционирования сыскной полиции Кубани (1908–1917 гг.).....	100
§ 1. Правовые основы организации и деятельности сыскной полиции.....	100
§ 2. Екатеринодарское сыскное отделение: структура, функции и формы деятельности.....	123
Заключение.....	175
Список использованных источников и литературы.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время органы криминальной полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимая доминирующее место в системе правоохранительного ведомства, функционируют в условиях довольно сложной оперативной обстановки, обусловленной ростом преступности, миграционными процессами, социально-экономическими факторами. Для достижения стабилизации положения, реального прогресса в сфере борьбы с преступностью и взятия ситуации под контроль, необходимо дальнейшее совершенствование оперативно-розыскной деятельности, поиски новых путей повышения эффективности использования ее непроцессуальных форм и негласных методов, разработка и внедрение новейших методик регистрации преступников на основе достижений фундаментальной и прикладной науки, оптимизация структуры и кадрового состава субъектов оперативно-розыскной деятельности, в первую очередь МВД, включая и профессиональную подготовку сотрудников уголовного розыска, корректура основ взаимодействия с другими правоохранительными органами и спецслужбами России, а также иностранными коллегами в системе международного партнерства.

Успешное разрешение этих задач предполагает, в том числе, и кропотливый анализ исторического опыта организационно-правовых основ деятельности сыскной полиции Российской империи в целом и их специфики в некоторых регионах, с исторически сложившимися геополитическими, социально-экономическими и этническими особенностями в частности. Изучение практики функционирования сыскной полиции в «казачьих» регионах, к каковым относится и Кубань, имеет сегодня не только теоретическую, но и практическую значимость в свете привлечения администрацией Краснодарского края к участию в охране общественного порядка, профилактике и пресечению преступлений особо на то уполномоченных подразделений Кубанского казачьего войска.

В этой связи, обращение к истории организационно-правового строительства органов уголовного сыска в России и их особенностям на Кубани, изучение и объективная оценка их деятельности приобретает особую актуальность, научную и общественную значимость.

Хронологические рамки исследования определены периодом с 1866 по 1917 гг. Выбор начальной даты исследования связан с учреждением Петербургской сыскальной полиции как первого специализированного органа уголовного сыска. Конечная дата явилась моментом крушения монархии в России и расформированием уголовно-сыскальных структур «старого» режима.

Объектом исследования является государственная политика в сфере уголовного сыска в Российской империи.

Предмет исследования составляют органы полиции Кубани, занимающиеся уголовным сыском и соответствующая нормативная база, регламентирующая структуру и деятельность органов сыскальной полиции по предотвращению, пресечению и раскрытию уголовных преступлений, процесс их формирования, становления и развития.

Методологической основой исследования являются различные методы изучения государственно-правовых явлений и процессов. В диссертации используется принцип историзма, предусматривающий логически последовательный и всесторонний анализ исторических событий в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Комплекс методов научных познаний, используемых в диссертации, включает: диалектический, системный, статистический, логический и формально-юридический. Помимо этого, автор привержен принципу объективности, избавленного от идеологических догм и конъюнктуры.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные источники. Среди открытых публикаций следует выделить, прежде всего, корпус правовых документов: Полное собрание законов Российской империи, Собрание узаконений и распоряжений Правительства, положения, инструкции, правила, отчеты и другие внутриведомственные

документы, а также опубликованные в дореволюционное и постсоветское время, материалы, систематизированные в специальных тематических сборниках¹. Нельзя обойти вниманием статистические сборники и такие источники, как еженедельник «Вестник полиции», а также газеты «Кубанский край», «Кубанский курьер», «Кубанские областные ведомости». Определенный интерес представляют мемуары, записки современников, в первую очередь тех, чья служебная деятельность была связана со структурами сыскной полиции.

Основу неопубликованной источниковой базы составили архивные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (Ф. 102. «Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917»; Ф. 117. «Русский народный союз имени Михаила Архангела. 1908–1917»), Российского государственного исторического архива (Ф. 1276. «Совет Министров. 1905–1917»), Государственного архива Краснодарского края (Ф. 249. «Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска (бывшая канцелярия кошевых и войсковых атаманов Черноморского казачьего войска). 1783 – 1870»; Ф. 318. «1-е и 2-е казачьи отделения Кубанского казачьего войска. 1820–1917»; Ф. 449. «Кубанское областное правление. 1870–1917»; Ф. 454. «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. 1870–1917»; Ф. 468. «Канцелярия Черноморского губернатора. 1896–1917»; Ф. 583. «Кубанское областное жандармское управление. 1880–1917»; Ф. 584. «Канцелярия помощника начальника Кубанского областного жандармского управления. 1881–1917»; Ф. 585. «Екатеринодарское отделение жандармско-полицейского управления Владикавказской железной дороги. 1904–1917»; Ф. 586. «Екатеринодарский охранный пункт. 1907–1914»; Ф. 723. «Пристав Таманского полуострова. 1872–1887»; Ф. Р-1547. «Коллекция документальных материалов по истории Кубани, собранная П.В. Мироновым»; Ф. Р-1700. «Управление по делам архивов Краснодарского края и ГУКК

¹Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции / Сост. К. Бахмутов. – СПб, 1870; Инструкция чинам полиции округа С.-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. В 2-х частях / Сост. прокурор С.-Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев. – СПб., 1882; Сборник циркуляров МВД за период март – апрель 1917 г. – Пг., 1917; История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998.

«Государственный архив Краснодарского края») и Новороссийского филиала Государственного архива Краснодарского края (Ф. 2.«Новороссийская городская управа. 1893–1920»).

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе изучения нормативных актов, архивных материалов и документов, теоретических подходов и выводов историко-правовой науки проанализировать процесс становления и развития уголовного сыска на Кубани, рассмотреть организационно-правовые основы деятельности сыскной полиции по предотвращению, пресечению и раскрытию уголовных преступлений.

Сформированная цель может быть конкретизирована и реализована в следующих задачах:

1) осуществить анализ общего состояния системы уголовного сыска в Российской Империи, исследовать общие вопросы формирования и функционирования органов сыскной полиции в исследуемый период;

2) рассмотреть процесс организации деятельности полиции Кубани по борьбе с уголовной преступностью;

3) выявить особенности осуществления правовых и административно-полицейских мер по борьбе с преступностью в условиях обострения криминогенной обстановки на примере Армавира;

4) проанализировать предпосылки для создания в Кубанской области сыскной полиции, ее финансовое и кадровое обеспечение;

5) рассмотреть особенности оперативно-розыскной деятельности Екатеринодарского сыскного отделения и его взаимодействия с административно-полицейскими органами на местах в сфере уголовного розыска;

6) выявить роль администраций Кубанской области и Кавказского наместничества по оптимизации борьбы с преступностью и раскрытию преступлений.

Степень научной разработанности проблемы. Историко-правовая и историческая науки уделяли определенное внимание проблемам уголовного

сыска России. Помимо корпуса нормативных актов и архивных фондов, информация о них содержится в различного рода открытых источниках, которые условно можно разделить на дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

В дореволюционной историографии специальных исследований, посвященных историко-правовому анализу органов уголовного сыска, нами не выявлено, поскольку общегосударственная система органов сыскальной полиции была сформирована только в 1908 г. В этой связи отдельные аспекты сыскальной деятельности были отражены в различного рода служебных сборниках и справочниках, предназначенных для чинов полиции², и в работах, в контексте исследований по истории полиции России второй половины XIX – начала XX вв.³ В ряде публикаций, связанных с анализом эффективности судебно-полицейских реформ 1860-х гг., раскрывались вопросы о месте и роли пореформенных органов уголовного сыска⁴.

Особо следует выделить мемуары видных руководителей сыскальной полиции: Петербурга – И.Д. Путилина⁵, Москвы – А.Ф. Кошко⁶, Харькова и Одессы – В.В. фон Ланге⁷. Небезынтересны и воспоминания чинов полицейского и судебного ведомств, в которых содержатся сведения об уголовном сыске второй половины XIX века⁸. Заметим, что в Советском Союзе

² См., например: Изложение обязанностей полиции по уголовным делам на основании Устава Уголовного Судопроизводства 20-го ноября 1864 года. – Одесса, 1869; Фукс В. Суд и полиция. В 2-х частях. – М., 1889; Генсиор И.П. Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. – Ревель, 1914 и др.

³ Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903: Краткий исторический очерк. – СПб., 1903; Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта. – М., 1907; Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. – СПб., 1913.

⁴ Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Сост. по распоряжению Министра внутренних дел, Чиновником особых поручений при Министре Е. Анучиным. – СПб., 1872; Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. – М., 1885; Бразоль Б.П. Очерки по следственной части: история, практика. – Пг. 1916.

⁵ [Путилин И.Д.] Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскальной полиции И.Д. Путиным. – СПб., 1904; Путилин И.Д. Сорок лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскальной полиции. Т. 1-2. – Пг.; М., 1916.

⁶ Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Т. 1-3. – Париж, 1929.

⁷ Ланге, фон В.В. Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове. – Одесса, 1908; Он же. Истина о «Золотой ручке». – Одесса, 1913.

⁸ Максимов М. Московские тайны, рассказ сыщика. – М., 1862; Соколовский Н.М. Острог и жизнь: Из записок следователя. – СПб., 1866; Селезнев В.П. Воспоминания старого исправника. – Верхнеднепровск, 1902; Чулицкий М. Петербургские бродяги. Из записной книжки бывшего судебного деятеля. – СПб., 1904; Кони

указанные мемуары сыщиков не издавались; только в новейшей истории России и Украины им была возвращена вторая жизнь, и они неоднократно переиздавались⁹.

Советский период историографии сыскной полиции крайне беден: вплоть до 1960-х годов труды по данной проблематике отсутствовали. Новый подход к освещению истории полиции и структур, ее составляющих, происходит в 1960–1980-х годах, когда впервые публикуются труды по истории государственных учреждений дореволюционной России, включая общую полицию, в которых затрагиваются отдельные стороны становления и развития уголовного сыска¹⁰. Однако крайне незначительное количество привлеченных архивных источников и ранее опубликованных нормативно-правовых материалов, с использованием, главным образом, основных законов и подзаконных актов, регулирующих организацию и деятельность сыскной полиции, приводило к недостаточному объему и узости содержания работ. Так, в работе Д.И. Шинджикашвили, состоящей из пяти глав и с «говорящим» за себя названием, только одна глава непосредственно посвящена истории органов уголовного сыска¹¹. Аналогичный подход прослеживается и в работе И.Ф. Крылова и А.И.

А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин. Из записок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. – 1907. – № 12. – С. 507-512.

⁹ См., например: Иван Путилин. Гений русского сыска / Сост. Г. Беляев. М., 2002; Шеф столичной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Собрание сочинений в 2 т. / Сост. Л. Беляева, Д. Нечевин. – М., 2012; Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России: В 3 т. – М., 2001; Кошко А.Ф. Король сыска: Рассказы. – М., 2002; Ланге, фон В.В. Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове / Публикация и предисловие В. Чисникова // Именем закона: издание МВД Украины. – 1997. – № 27-28; Он же. Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове. – М., 2013; Максимов М. Записки сыщика. – М., 2000; Он же. Прodelки аферистов. Рассказы сыщика. – М., 2010.

¹⁰ Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. – М., 1964; Он же. Система государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1974; Он же. Общеуголовная полиция дореволюционной России, ее классовый характер. – М., 1979; Он же. История полиции дореволюционной России. – М., 1981; Eroшкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов Ю.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1965; Eroшкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983; Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. – Киев, 1973; Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. – Омск, 1974; Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. – Ростов-на-Дону, 1976; История полиции дореволюционной России (сборник документов) / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1981; Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России: 1826–1880 гг. – М., 1982.

¹¹ Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск, 1973.

Быстрова, где лишь в одном параграфе раскрывается история российской сыскной полиции XIX–начала XX веков¹².

Следует подчеркнуть, что фактически во всей советской историографии сыскная полиция, ровно как и все государственные институты самодержавной России в целом, рассматривалась с крайне негативной стороны, с акцентом на ее «классовый, антинародный характер» и «реакционную сущность», в рамках установленных идеологических догм, что, в конечном счете, выразилось в утрате объективности и искажении истины¹³.

Постсоветский период историографии характеризуется практически полным отказом от жестко установленных идеологических установок, что позитивно повлекло за собой как новый вектор в развитии исторической и историко-правовой наук в целом, так и объективное освещение рассматриваемой проблемы в частности. В этот период публикуются работы, в которых хотя и фрагментарно, но затрагиваются проблемы сыскной полиции России в историческом и историко-правовом аспектах, с учетом нового концептуального подхода¹⁴. В сфере исследования деятельности органов уголовного сыска значительный вклад был привнесен Р.С. Мулукаевым, в работах которого на новом уровне был исследован институт уголовного сыска с момента его возникновения до упразднения в 1917 г. и рассмотрены организационно-правовые основы деятельности органов уголовного сыска в контексте функционирования и реформирования общей полиции¹⁵. Дальнейшее развитие эта проблема получила в работе В.И. Власова и Н.Ф. Гончарова,

¹² Крылов И.Ф., Быстрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: Учебное пособие. – Л., 1984.

¹³ Рассказов В.Л., Гучетль А.А. – Историография специальных служб императорской охраны России. / Философия права. 2014 г. № 3 (64), С. 113-116.

¹⁴ Сизиков М.И. Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. – М., 1992; Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995; Борисов А.В., Детков М.Г., Кузьмин С.И., Малыгин А.Я., и др. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996; Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппов С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. – СПб., 1996; История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998.

¹⁵ Мулукаев Р.С. Из истории борьбы с профессиональной преступностью в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Материалы научно-практической конференции (17–18 мая 1994 г.). Вып. I. – М., 1994. – С. 55-62; Он же. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). – Н.-Новгород, 1993; Мулукаев Р.С., Полубинский В.И. Сказ о сыске // Советская милиция. – 1990. – № 1-12; Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественный органов внутренних дел. – М., 2005.

которые расширили круг использованных источников и разнообразили ее вновь установленными фактами из области использования оперативно-розыскных методик из арсенала сыскной полиции¹⁶. Такую же оценку вполне заслуживает и исследование В.И. Елинского¹⁷.

В постсоветский период впервые в историографии появляются публикации, посвященные деятельности руководителей сыскной полиции России – И.Д. Путилина¹⁸, А.Ф. Кошко¹⁹, В.В. фон Ланге²⁰, а также В.Г. Филиппова и А.А. Кирпичникова²¹, возглавлявших Петроградское сыскное отделение.

Представляет интерес и три сборника «Полиция Российской империи», «Русская полиция» и «Полиция России», посвященные 175-летию И.Д. Путилина и 140-летию учреждения сыскной полиции Петербурга, в которые вошли воспоминания, документы и статьи по истории Петербургской и российской полиции, в том числе и сыскной, второй половины XIX – начала XX веков, ранее опубликованные в различных дореволюционных

¹⁶ Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (историко-правовое исследование). – Домодедово, 1997.

¹⁷ Елинский В.И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX вв.). – М., 1997.

¹⁸ Хлысталов Э.А. Он служил отечеству (К 100-летию кончины известного русского сыщика И.Д. Путилина) // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. – 1993. – № 1. – С. 258-264; Пазин М. Маэстро сыска // Секретные материалы 20 века: Криминальный отдел. – 2005. – № 3. – С. 93-96; Энтина О. Гений русского сыска // Секретные материалы 20 века: Досье. – 2005. – № 6. – С. 55-62; Логинов О. Легенды русского сыска // Секретные материалы 20 века. – 2005. – № 25. – С. 18-19.

¹⁹ Хлысталов Э.А. Аркадий Кошко (Невыдуманный Шерлок Холмс России) // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. – 1993. – № 2. – С. 190-197; Руднев П.И. Начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко // Вопросы истории. – 1999 – № 4/5. – С. 136-143; Михайлов М.А. Аркадий Францевич Кошко и его «Очерки уголовного мира царской России» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2010. – Т. 23. – № 2. – С. 44-51; Жаров С.Н. А.Ф. Кошко и его подчиненные в воспоминаниях и документах // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 4. – С. 110-113.

²⁰ Файтельберг-Бланк В.Р., Шестаченко В.В. В «клещах» знаменитого сыщика / Бандитская Одесса. «Двойное дно» Южной Пальмиры. – Одесса, 1999. – С. 268-277; Любвин Р. Он сажал Соньку Золотую ручку // Милиция. – 2000. – № 3. – С. 47-49; Чисников В.Н. Забытые имена (о царском сыщике фон Ланге) // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 1. – С. 7-9; Он же. Три портрета мастеров сыска / Антология сыска: От полиции к внешней разведке. Т. 2. Сыск, сыщики и преступный мир. – Киев, 2006. – С. 249-310; Он же. В.В. фон Ланге – сыскных дел мастер // Юго-Запад. Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 7. – Одесса, 2009. – С. 229-337

²¹ Зуев Г. Съезжий дом второй Адмиралтейской части // Нева. – 2003. – № 11. – С. 246-250; Зуев А.В. Петербургская Коломна. – СПб., 2013.

периодических изданиях, включая официальный еженедельник МВД «Вестник полиции»²².

Небезынтересны и работы в историко-публицистическом жанре, основанные на архивных материалах, и освещающие, главным образом, уголовный сыск Петербурга и Москвы²³.

Современный этап постсоветского периода историографии знаменуется появлением достаточно разноплановых направлений в исследованиях деятельности сыскной полиции. Так, например, ряд авторов анализируют источники по истории создания и функционирования полиции, в том числе и сыскной: С.Н. Токарева классифицирует и характеризует различные группы источников – от фондов ГАРФ до региональных госархивов Центрального Черноземья²⁴, а М.В. Тушемилов раскрывает структуру и деятельность полиции на основе нормативно-правовых актов, опубликованных в ПСЗРИ²⁵. Другие авторы рассматривают историю уголовного сыска России в целом²⁶. Третьи – дают анализ организационно-правовым основам деятельности сыскной полиции²⁷.

²² Полиция Российской империи / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2005; Русская полиция / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2007; Полиция России / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2010.

²³ Ярхо В. Байки русского сыска. – М., 2004; Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений. Блистательный и преступный криминальный Петербург. 1861–1917. – СПб., 2007; Москва криминала и сыска. – М., 2009; Руга А., Кокорев А. Московский городской, или Очерки уличной жизни. – М., 2012; Они же. Сыщики и воры // Наш современник. – 2013. – № 2. – С. 240-263; Курукин И. Полиция старой России: будочники, жандармы, «фараоны» // Отечественные записки. – 2013. – № 2;

²⁴ Токарева С.Н. Источники по исследованию деятельности полиции Российской империи начала XX в.: По материалам федеральных архивов и архивов Центрального Черноземья // Вестник архивиста. – 2012. – № 1. – С. 18-37.

²⁵ Тушемилов М.В. Организация и деятельность полиции России в XIX – начале XX в. в документах Полного собрания законов Российской империи // Власть. – 2010. – № 5. – С. 135-138.

²⁶ Власов В.И., Гончаров Н.Ф. История розыскного процесса в России (законодательство и практика): Монография. – Домодедово, 1997; Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв.: Учебное пособие. – Челябинск, 2002; Паталашко С.В. История возникновения оперативно-розыскной деятельности и ее развитие в дореволюционной России // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2008. – № 2. – С. 121-125; Пачин П.А. Становление и развитие сыска в дореволюционной России // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 361-365; Матиенко Т.Л. «Сыск» как специальное научное понятие: историко-правовые доводы // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 121-127; Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2. – С. 4-11; Говоров И.В. «Полиция не была приучена к какой-либо активной службе»: Письмо московского градоначальника А.А. Рейнбота сенатору Н.П. Гарину // Исторический архив. – 2011. – № 4. – С. 140-149.

²⁷ Полубинский В.И. Сыскная полиция царской России // Журнал российского права. – 2000. – № 5/6. – С. 202-208; Рыжов Д.С., Горожанин А.В., Малыгин А.Я. Борьба полиции России с профессиональной преступностью. – Самара, 2001; Шаламов А.Ю. Развитие организационной структуры сыскной полиции Российской империи:

Помимо общих вопросов, затрагивались и более узкие темы: проблемы подготовки полицейских кадров²⁸, финансирования сыскной полиции и использование секретной агентуры²⁹, применения полицейской фотографии при регистрации и розыске преступников³⁰; взаимодействия сыскных отделений с другими правоохранительными органами³¹, нарушения законности при исполнении функциональных обязанностей³².

(вторая половина XIX - начало XX в.) // Вестник Московского университета. – 2001. – № 4. – С. 39-62; Кравченко С.А. Организационно-правовая основа сыскной полиции в пореформенной России второй половины XIX – начала XX века // Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Нижегородской Академии МВД РФ. – 2003. – № 1. – С. 113-129; Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской Империи в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 134-137; Фролов В.В. Организация и деятельность сыскных отделений // История государства и права. – 2004. – № 3. – С. 26-28; Матиенко Т.Л. Организационно-структурные особенности сыскной полиции Российской империи (1908–1917) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18. – С. 31-41; Жилина Ю.А. Создание сыскной полиции в России // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: Сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей Белгородского юридического института МВД России. – 2008. – № 5. – С. 3-5; Лясевич Т.Г., Фролов В.В. Особенности правовой регламентации деятельности сыскных полицейских подразделений в начале XX века в Российской империи / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 4-х ч. Ч. III. – Тамбов, 2011. – С. 134-136; Петров А.В., Девятков В.Ю. К вопросу о системе органов охраны общественного порядка в дореволюционной России // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2011. – С. 108-114; Голдинов В.Ю. Обеспечение правопорядка и особенности борьбы с уголовной преступностью в предреволюционной России (1901–1904 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1. – С. 242-244; Жаров С.Н., Спиришевский Н.С. О создании системы правового регулирования политического и уголовного сыска России в XIX – начале XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 20. – С. 9-12; Невский С.А. Создание сыскных отделений в Российской империи // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1. – С. 257-262; Огурцов А.Е. Становление и развитие оперативно-поисковых подразделений в полиции МВД России: исторический аспект // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 1. – С. 111-114; Луговин С.М. Правовой статус сыщика общеуголовной полиции в дореволюционный период (историко-правовой аспект) / Осуществление и защита прав граждан в современном обществе: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. – Омск, 2013. – С. 3-5.

²⁸ Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. – М., 1994; Байкиева С.Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 37-42; Жилина Ю.А. Профессиональная подготовка чинов сыскной полиции России в начале XX века: цели, средства и результаты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 112-115.

²⁹ Жилина Ю.А. Вопросы финансирования сыскной полиции России в начале XX века / Проблемы права. – 2011. – № 1. – С. 115-118; Она же. Использование секретного агентурного аппарата в деятельности чинов сыскного отделения // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – № 2. – С. 138-141.

³⁰ Крылова Н.А. Из истории полицейской фотографии в России второй половины XIX – начала XX столетия // Исторический вестник. – 2013. – Т. 6. – С. 270-295.

³¹ Панько И.В. Нормативно-правовые и организационные основы взаимодействия сыскной полиции и судебных следователей в дореволюционной России (историко-правовой аспект): Монография. – СПб., 2007; Невский С.А. Взаимоотношения сыскных отделений и общей полиции Российской империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 1/2. – С. 83-90; Жилина Ю.А. Участие чинов сыскных отделений в производстве дознания и предварительного следствия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2011. – № 1. – С. 131-135.

³² Масалимов А.С., Масалимов Т.С. Нарушение законности полицией Российской империи при осуществлении полномочий по охране общественного порядка (1900–1917 гг.) // Вестник Академии Восточного экономико-юридического государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 112-120; Жилина Ю.А. Коррупция в сыскной

Отдельно выделим публикации, рассматривающие деятельность сыскных отделений: Петербургского³³, Московского³⁴, Киевского³⁵, Владимирского³⁶, Пензенского³⁷, Псковского³⁸, Самарского³⁹, Тамбовского⁴⁰, Уфимского⁴¹, органов уголовного сыска, дислоцировавшихся на Урале и в Сибири⁴², а также на Дальнем Востоке⁴³.

Из последних значительных работ особо отметим монографии Т.Л. Матиенко «Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление» (М., 2010), А.Ю. Шаламова «Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.» (М., 2013) и Р.С. Мулукаева, А.В. Борисова и А.Я. Малыгина «Полиция Российской империи» (М., 2013). Первый из авторов – Т.Л. Матиенко – обобщает особенности развития и методы уголовно-сыскной деятельности в IX – первой половине XIX вв. На основе анализа широкого круга нормативно-правовых актов, архивных материалов и других источников она рассматривает природу и

полиции в России в начале XX века // Вестник Белгородского юридического института. – 2011. – № 1. – С. 43-46; Говоров И.В. Проблемы коррупции в российской полиции на рубеже XIX – XX вв. // Новейшая история России. – 2011. – № 2. – С. 122-140.

³³ Сидоренко В.П., Говоров И.В., Николаенко П.Ф., Ремнева С.В. Полиция в событиях февраля 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 27-30; Гуркин Я.А. Как создавалась Санкт-Петербургская сыскная полиция // История Петербурга. – 2011. – № 3. – С. 42-45; Он же. Санкт-Петербургская сыскная полиция: совершенствование структуры и методов работы в начале XX в. // Клио. – 2012. – № 7. – С. 87-92; Очкур Р.В. «По своей выдающейся служебной деятельности обращает на себя особое внимание» // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 69-70.

³⁴ Гурьев В.И. Организация и кадровый состав Московской полиции в 1898 г. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 3. – С. 47-53; Он же. Московская сыскная полиция // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 87-97.

³⁵ Самойленко Е.А. Киевская городская полиция. – Киев, 2000; Пиджаренко А. Криминальный сыск Киева во II половине XIX – начале XX вв. – Киев, 2006.

³⁶ Кокшаров А.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1999.

³⁷ Кладов В.Ю. Организация службы Пензенской городской полиции в начале XX века // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 3. – С. 108-112.

³⁸ Седунов А.В. История Псковской городской полиции в XVIII–начале XX вв. – Псков, 2004.

³⁹ Короткова С.В. Сыскное отделение Самары (К истории вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 353-357.

⁴⁰ Политов В.Е. Тамбовская криминальная полиция в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – № 1. – С. 123-127.

⁴¹ Сичинский Е.П., Хакимов С.Х. Из истории формирования органов полиции г. Уфы в XVIII– начале XX вв. // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12. – № 4. – С. 125-127.

⁴² Петров А.В. К вопросу о функциях полиции Урала и Западной Сибири в начале XX века: историко-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 20-24; Коновалов И.А. Организационно-правовое развитие полиции Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 24-37.

⁴³ Гамерман Е.В. Сыскные отделения дореволюционной России: уголовный мир на службе дальневосточной полиции / Полиция России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 28-29 июня 2012 г. – Хабаровск, 2012. – С. 40-43.

сущность сыска как вида правоохранительной деятельности, выявляет организационно-правовые принципы розыскной деятельности в различных исторических условиях. В свою очередь, А.Ю. Шаламов привлекает ранее неизвестные архивные материалы, на основе которых анализирует отдельные аспекты повседневной деятельности чинов сыска второй половины XIX – начала XX веков. Наконец, Р.С. Мулукаев, А.В. Борисов и А.Я. Малыгин обобщают имеющиеся научные достижения в изучении истории полиции, в том числе сыска, в дореволюционной России, а также проводят анализ реформы полицейских учреждений, определяют роль и место полиции в государственном механизме, выявляют ее функции и организационно-правовые основы деятельности.

Проблемам деятельности сыска полиции России посвящено достаточное количество диссертационных исследований как историков, так и юристов. Условно их можно разделить на две группы: 1) общий анализ деятельности органов уголовного сыска в России, основные этапы их становления и пределы компетенции, и 2) проблемы функционирования сыска отделений в столице, крупных городах России, а также на региональном уровне.

К первой группе можно отнести диссертации Р.В. Нарбутова, О.Я. Лядова, Ю.А. Ершова, В.В. Гибова, Т.Л. Матиенко, Д.С. Рыжова, Е.Г. Юдина, Ю.А. Реента, Е.А. Ивановой⁴⁴.

Ко второй группе – А.В. Кокшарова, Г.Г. Небрятенко, А.М. Назаренко, Ю.Б. Сысуева, М.В. Макаричева, А.А. Сысоева, Ю.Н. Москвитина, Д.В.

⁴⁴Нарбутов Р.В. Полиция дореволюционной России (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992; Лядов А.О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997; Ершов Ю.А. Полиция России в пореформенный период: комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998; Гибов В.В. Сыска полиция в механизме Российского государства. (Теоретический и историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998; Матиенко Т.Л. Организация сыска в России в IX - начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010; Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866–1917 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000; Юдин Е.Г. Организационно-правовые основы развития уголовного сыска в системе МВД России в 1866–1917 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2001; Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002; Иванова Е.А. Правовые основы организации и деятельности общей полиции России (XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.

Захватова, Е.П. Сичинского, С.И. Калашниковой, С.В. Коротковой, А.С. Гусенкова, А.А. Помигалова, В.И. Гурьева, С.А. Гомоновой⁴⁵.

Вместе с тем, проблемы сыскной полиции исследователи, за редким исключением, рассматривают достаточно узко, с незначительным или фрагментарным использованием архивных сведений и пренебрегая полицейскими статистическими материалами в опубликованных источниках второй половины XIX – начала XX вв.

Нелишне отметить и тот факт, что до настоящего времени фактически не исследована деятельность сыскной полиции на Кубани, с учетом административно-территориальной специфики этого казачьего региона. Если в диссертациях А.В. Тарасова и А.В. Карякина сыскная полиция эпизодически затрагивается в контексте взаимодействия с органами предварительного следствия и прокуратуры⁴⁶, то в исследованиях В.А. Карлебы и А.Б. Канцева сыскная полиция Кубани едва упоминается⁴⁷. Крайне ограниченные сведения о Екатеринодарском сыском отделении содержатся в юбилейном издании, посвященном 200-летию МВД России «Очерки истории органов внутренних

⁴⁵ Кокшаров А.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1999; Небратенко Г.Г. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001; Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция, 1906–1913 гг.: Дис. ... ист. наук. – СПб., 2000; Сысуев Ю.Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск в конце XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003; Сысоев А.А. Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730-х – 1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2004; Москвитин Ю.Н. Полиция в Томской губернии в 1867–1917 гг. (Устройство, численность и материальное обеспечение служащих): Дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004; Захватов Д.В. Сыскная полиция Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005; Сичинский Е.П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра.ист. наук. – Челябинск, 2006; Калашникова С.И. История уголовного сыска в России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Забайкальской области: Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2007; Короткова С.В. Уголовная полиция в системе органов охраны общественного порядка Российской империи в начале XX века: по материалам Самарской, Саратовской и Пензенской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2008; Гусенков А.С. Полиция Новгородской губернии и борьба с преступностью во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Новгород, 2009; Помигалов А.А. Санкт-Петербургская полиция в XIX в.: структура, организация, деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009; Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012; Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851 – 1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2012.

⁴⁶ Тарасов А.В. Институт судебных следователей по реформам середины XIX века (историко-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001; Карякин А.В. Становление и развитие органов прокуратуры на Кубани в 1801–1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2013.

⁴⁷ Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области: 1860–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006; Канцев А.Б. Формирование органов полиции Черноморской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009.

дел Кубани (1793–1917 гг.)» (Краснодар, 2002) и статье В.Н. Ратушняка⁴⁸. Все это явно недостаточно для комплексного исследования функционирования одной из ведущих служб по борьбе с уголовной преступностью в Кубанской области.

Научная новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту. Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в историко-правовой науке предпринята попытка комплексного исследования уголовного сыска на Кубани во второй половине XIX – начале XX вв., который ранее в таких историко-временных рамках не исследовался.

На основании выполненных соискателем исследований:

- с новых позиций рассмотрен процесс организационно-правового строительства и модернизации сыскной полиции в Российской Империи, ее компетенция, формы деятельности;
- по-новому исследованы общие вопросы формирования и функционирования органов полиции Кубани, выявлена особенность их служебной деятельности по борьбе с преступностью, показана специфика борьбы с преступностью в некоторых районах области.

Впервые автором:

- определена специфика для создания в Кубанской области сыскной полиции, охарактеризовано ее финансовое и кадровое обеспечение;
- охарактеризована практическая деятельность Екатеринодарского сыскного отделения и его взаимодействие с административно-полицейскими органами на местах в сфере уголовного розыска;
- раскрыт механизм реализации правотворческих, исполнительно-распорядительных функций администраций Кубанской области и Кавказского наместничества по оптимизации борьбы с преступностью и раскрытию преступлений.

⁴⁸Ратушняк В.Н. Об организации сыскной полиции на Кубани в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3 – С. 90-95.

В результате исследования разработаны **основные положения, которые выносятся автором на защиту:**

1. Во второй половине XIX – начале XX вв. уголовный сыск в России осуществлялся территориальными органами общей полиции, за исключением Петербурга и Москвы, а также ряда крупнейших губернских городов, в которых были учреждены специализированные подразделения сыскной полиции. Исходя из источников финансирования (государственного и местного) они подразделялись на постоянные штатные и временные (или «внештатные») подразделения. С принятием закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. и последовавшей в его развитие «Инструкции чинам сыскных отделений» от 10 августа 1910 г., уголовный сыск выделяется из функций полиции и сосредоточивается в специально на то уполномоченных сыскных отделениях при полициях 89-ти губернских и иных городов, имевших стратегическое значение в связи с их геополитической дислокацией. Таким образом, в Российской Империи в начале XX века была создана нормативная база деятельности сыскных отделений. Соответствующие органы на Кубани вносили свою лепту в ее имплементацию применительно к региональным особенностям. Руководство Кубанской области было прекрасно осведомлено о прохождении через Государственную Думу проекта закона «Об организации сыскной части», с причислением штатного Екатеринодарского СО к 3-му разряду. Поэтому, после принятия закона и вступления его в силу, процесс учреждения СО в Екатеринодаре прошел гладко и быстро, в отличие от других городов, где они были сформированы только спустя 4-5 месяцев после вступления закона в силу.

2. В процессе становления и развития уголовного сыска в Кубанской области выделяются три этапа: 1) вторая половина XIX в. - 1908 г. На этом этапе полиция в городах и отделах (уездах) осуществляла розыск преступников и раскрытие преступлений наряду с иными, достаточно многообразными функциями; 2) 1908 - 1914 гг. С учреждением Екатеринодарского сыскного отделения вырабатываются формы и методы его деятельности, в том числе и за

пределами областного центра; 3) 1914 - 1917 гг. В условиях военного времени и обострения оперативной обстановки происходит совершенствование функционирования сыскного отделения, модернизируется специализация работы сыщиков по видам преступлений, на новый уровень выходит организация агентурной деятельности, штат пополняется за счет прикомандированных к отделению полицейских чинов.

3. В начале XX в. на Кубани осложнилась криминогенная обстановка. Вместе с тем выявились слабые стороны органов охраны общественного порядка: стремительное отставание штатной численности полиции от реалий жизненной необходимости; крайне низкое материальное содержание полицейских, в особенности нижних чинов; их недостаточная профессиональная подготовка; слабое техническое оснащение полиции; недостаточное финансирование уголовного сыска из бюджета местных властей (областной, городских, отдельных, станичных и т.д.) и Департамента полиции МВД.

4. На Кубани в исследуемый период особой спецификой в сфере охраны правопорядка и общественной безопасности отличалось селение Армавир, которое из небольшого аула черкесских горских армян (черкесо-гаев) превратилось в конце XIX начале XX вв. в крупный торгово-промышленный центр. В истории не только Кубани, но и Северного Кавказа, Армавир в это время занимает особое место, играющим важную роль в социально-экономической и культурной жизни региона, представляющим собой феномен геополитических устремлений Российской империи на Кавказе. В условиях существования в Армави́ре острой проблемы специфических национальных отношений, при том, что он являлся крупным промышленно-экономическим центром и транспортным железнодорожным узлом не только на Кубани, но и в Кавказском наместничестве, этот фактор не мог не сказаться на состоянии оперативной обстановки, особенно обострившейся в период Первой русской революции. В связи с этим заслуживает внимания опыт содержания временного штата Армавирской полиции за счет финансирования сельским обществом и

организация сыскной части в период нахождения Кубанской области на военном положении, позволившим достичь стабилизации в борьбе с уголовной преступностью.

5. Екатеринодарское сыскное отделение в сфере оперативно-розыскной деятельности было абсолютно самостоятельным и полицмейстеру не подчинялось, несмотря на то, что состояло при городской полиции областного центра, являясь ее структурным подразделением. С полицией сыскное отделение объединяли общие задачи борьбы с уголовной преступностью. Однако формы и методы реализации задач были различны: у полиции – гласные, процессуальные, у сыскного отделения – негласные, непроцессуальные. Это приводило, на первых порах, к недопониманию и неправильному истолкованию своих функциональных обязанностей руководства полицией, не обладавших специальной уголовно-розыскной подготовкой.

6. При небольшом постоянном штате Екатеринодарское сыскное отделение добилось стабильно положительной динамики в раскрытии преступлений и розыске лиц, их совершивших. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий им использовались процессуальные и не процессуальные формы деятельности, осуществление розыска по зональному и линейному принципам. При совершении особо тяжких преступлений по области, на места командировались сыщики, которые способствовали их раскрытию. Однако они не всегда в полной мере находили взаимопонимание по вопросам взаимодействия в раскрытии преступлений со стороны станичных и сельских административно-полицейских властей.

7. В целях широкомасштабной оптимизации розыска преступников и раскрытия преступлений на всей территории региона, администрация Кубанской области предложила создать Кубанскую областную сыскную полицию, финансируемую из средств Кубанского казачьего войска и предназначенную для обслуживания всех отделов (уездов) области в сфере уголовного сыска. Екатеринодарское сыскное отделение, финансируемое из

казны, органично вливалось в структуру областного органа, а его начальник получал статус помощника руководителя сыскной полиции Кубани. Однако инициатива не нашла поддержки у МВД, исповедавшего консерватизм в вопросах структурно-полицейского реформирования.

8. Предпринятые руководством Кубани меры в сфере реорганизации уголовного сыска на ее территории получили поддержку Кавказского наместничества, в военно-административном ведении которого состояла Кубанская область. С начала 1914 г. Кавказская администрация начинает прорабатывать осуществление комплекса реформ, направленных на оптимизацию борьбы с уголовной преступностью и взаимодействия сыскных отделений с общей полицией в губерниях и областях, подведомственных Кавказскому наместничеству, в целях упорядочения уголовного сыска на местах. Однако реформирование института уголовного сыска на Кавказе в силу военного времени затормозилось и не было доведено до своего логического завершения в связи с крахом монархии в России.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные выводы и положения, а также архивные материалы, большей частью впервые вводимые в научный оборот, в определенной мере развивают и дополняют раздел историко-правовой науки исследуемого периода.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что собранные и проанализированные материалы исследования могут представлять несомненный интерес для сотрудников криминальной полиции МВД РФ и других субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г., в плане совершенствования их нормативно-правовой базы, в том числе внутриведомственной, и практической деятельности, включая специфику форм и методов работы. Помимо этого, материалы исследования могут быть использованы преподавателями и студентами юридических факультетов и вузов при преподавании и изучении

истории государства и права, правоохранительных органов, основ оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и других дисциплин.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях по теме диссертации и выступлениях диссертанта на научно-практических конференциях.

Структура диссертации определена с учетом характера и специфики темы, а также степени научной разработанности затрагиваемых в ней проблем. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих пять параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. Становление и развитие сыскной полиции в Российской империи

В различные исторические эпохи охрана общественного порядка и борьба с уголовной преступностью издревле неизменно являлись важнейшими функциями Русского государства. Формы, методы и субъекты противостояния преступности видоизменялись в зависимости от общественно-политического и социально-экономического развития государства, однако, как совершенно справедливо отмечал начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР (1969–1979), генерал-лейтенант милиции, доктор юридических наук, профессор И.И. Карпец, «...сыск, розыск, уголовный розыск, криминальная полиция существовали и будут существовать всегда и во всех системах, и в их работе, методах, приемах было и всегда будет много общего»⁴⁹. Вместе с тем, как пишут Р.С. Мулукаев, А.В. Борисов и А.Я. Малыгин, «история полиции в отличие от истории армии, флота, государственных учреждений находилась на периферии интересов дореволюционной отечественной исторической и историко-правовой науки»⁵⁰, что не способствовало развитию и распространению положительного практического опыта полицейской деятельности.

На всех этапах исторического развития термин «сыск» и его производные используются в юридическом языке для определения деятельности, направленной на борьбу с преступностью, имеющей организационно-упорядоченную форму, регулируемой и регламентированной нормами права. Совершенно права Т.Л. Матиенко, говоря что «сыск – это исторически обусловленный вид государственной деятельности, направленной на защиту государства, общества и частных лиц от преступных посягательств, имеющей организационно и структурно упорядоченную форму, урегулированной

⁴⁹ Карпец И.И. Сыск: Записки начальника уголовного розыска. – М., 1994. – С. 8.

⁵⁰ Мулукаев Р.С., Борисов А.В., Малыгин А.Я. Полиция Российской империи: Монография. – М., 2013. – С. 6.

нормами права, реализуемой специальными средствами и методами»⁵¹. Видный деятель уголовного сыска Российской империи В.И. Лебедев писал: «...главнейшею мерою уголовного сыска является умелое систематическое негласное расследование преступления, ведущее к выяснению его виновников, собиранию данных для их изобличения и, наконец, отыскание, задержание и передача их в руки судебной власти»⁵². Из этого вытекает, что уголовный сыск – регулируемая нормами права специальная функция соответствующих правоохранительных органов по предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств на охраняемые законом интересы государства, общества и физических лиц. Мы сознательно оставили за рамками настоящего исследования проблематику функционирования органов политической полиции, поскольку специализация в сфере борьбы с преступностью посредством уголовного сыска (розыска), осуществлением оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений против личности, собственности, общественного порядка и безопасности к их компетенции не относилась.

Термин «сыскная полиция» прочно закрепился в обиходной речи и литературе, начиная со второй половины XIX в., после того, как 31 декабря 1866 г. (12 января 1867 г. по новому стилю) приказом № 266 по Санкт-Петербургской полиции был утвержден штат сыскной части – специализированного подразделения по борьбе с уголовной преступностью. По определению Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «сыскная полиция – в крупных городах отделение общей полиции для розыска преступников (преимущественно воров и убийц)»⁵³. К функциям сыскной полиции были отнесены: «...1) производство дознаний по требованию судебных властей и административных учреждений, 2) розыск, по сообщениям участковых

⁵¹ Матиенко Т.Л. «Сыск» как специальное научное понятие: историко-правовые доводы // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 126.

⁵² Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. – СПб., 1909. – С. X.

⁵³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Общество и государство. Правители и полководцы, Народы и страны. – М., 2003. – С.716.

приставов, о кражах, грабежах и убийствах и 3) исполнение приказаний градоначальника по предупреждению и пресечению преступлений»⁵⁴.

С момента учреждения полиции в начале XVIII в., уголовно-розыскная деятельность постепенно сосредотачивается в ее руках. Однако вплоть до второй половины XIX в. в структуре полиции отсутствовали специализированные подразделения по розыску преступников. Необходимость создания сыскной полиции возникает в ходе общедемократических преобразований в России в 1860-х годах, в том числе и судебно-полицейской реформы.

Образованию сыскной полиции в Петербурге предшествовала реформа в сфере административно-полицейского управления столицы и губернии. 4 мая 1866 г. по Именному указу императора Александра II должность Петербургского военного генерал-губернатора была упразднена. В указе особо подчеркивалось: «Признав нужным, для предоставления полицейскому управлению в городе Петербурге бóльшей самостоятельности и упрощения нынешнего порядка производства дел этого управления, преобразовать оное на новых основаниях». Все дела военного ведомства были переданы под начало Командующего войсками Петербургского военного округа, общее управление губернией и административная часть городского управления отошло к Петербургскому губернатору, а дела полицейской сферы в столице – в ведение управления Петербургского обер-полицмейстера, «с подчинением его по делам охранения общественной безопасности и общественного порядка III Отделению Собственной [Его Императорского Величества] Канцелярии, а по делам полиции исполнительной – Министерству Внутренних Дел»⁵⁵. Несомненно, подобное двойное подчинение руководителя столичной полиции двум силовым ведомствам, да и сама реорганизация административно-полицейского управления столицы, были связаны с терактом 4 апреля 1866 г. в отношении Александра II, впрочем, благополучно завершившимся для императора. Однако

⁵⁴ Они же. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. 24. – СПб., 1898. – С. 333.

⁵⁵ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 41. – № 43262.

сам факт покушения на государя показал всю слабость и несостоятельность оперативных позиций, занимаемых всемогущим III Отделением – спецслужбой политического розыска, особенно если принимать во внимание тот казус, что злоумышленник Д.В. Каракозов был задержан городовым при попытке скрыться с места совершения преступления⁵⁶.

Реформирование Петербургской полиции было возложено на столичного обер-полицмейстера (1866–1873) генерал-лейтенанта Ф.Ф. Трепова, о котором А. Иконников-Галицкий писал: «...Трепов – фигура двойственная. Прекрасный организатор, добивавшийся на всех занимаемых им постах высокой эффективности работы подчиненных ему полицейских и жандармских структур, создатель сыскной полиции и охранного отделения, человек безусловно честный, простой и доступный в общении. В то же время грубый солдафон, малообразованный и малограмотный...»⁵⁷. Именно Ф.Ф. Трепов осуществил «переустройство Санкт-Петербургской полиции» по нескольким направлениям, взяв за основу следующие критерии: 1) более правильное и соразмерное разделение столицы в полицейском отношении; 2) упразднение излишних инстанций и образование новых специальных частей полицейского управления; 3) правильное и точное определение отношений и круга деятельности всех лиц и мест управления; 4) сокращение и упрощение делопроизводства; 5) возможное уменьшение личного состава полиции; 6) предварительная подготовка к полицейской службе и строгая затем разборчивость при определении на должности; 7) обеспечение служащих достаточным содержанием⁵⁸. Последующие события показали правомерность избранного Ф.Ф. Треповым стратегического курса, в частности, относительно образования службы, специально предназначенной для борьбы с уголовными преступлениями.

⁵⁶ Рассказов Л.П., Сирица И.В. Спецслужбы монархической России: Монография. – Краснодар, 2003. – С. 110.

⁵⁷ Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений: Криминальный Петербург. 1861–1917. – СПб., 2007. – С.53-54.

⁵⁸ Очкур Р. О полицейской реформе 1866–1867 гг. и учреждении Сыскной полиции / Полиция Российской Империи. – М.; СПб., 2005. – С. 48.

Некоторые авторы заблуждаются и относительно даты учреждения столичной сыскной полиции. Так, например, А. Иконников-Галицкий пишет, что «в 1868 году при градоначальнике Петербурга было сформировано Отделение сыскной полиции»⁵⁹. Ему практически вторит В.М. Курицын: «...в 1868 г. при петербургском градоначальстве создается сыскное отделение как специализированный орган уголовного розыска»⁶⁰. И.Ф. Крылов и А.И. Бастрыкин заявляют, что сыскная часть при канцелярии Петербургского градоначальника образована в 1873 г., со штатом – начальник, его помощник, 4 чиновника, 20 полицейских надзирателей, сыскной делопроизводитель, его помощник и архивариус⁶¹. Полагаем, такие дискуссионные расхождения в выводах исследователей стали возможными или в виду различного истолкования хронологии «первоначального этапа» становления столичной сыскной полиции, который фактически занял почти полгода, или в связи с использованием недостоверных источников.

Между тем, столичная сыскная полиция фактически функционировала еще до ее официальной организации. Об этом свидетельствует документ из фондов Центрального государственного исторического архива Петербурга, который приводит В.Ю. Пиотровский, обнаруживший черновик письма столичного обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова руководителю III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии П.А. Шувалову, написанного в феврале 1867 г. В нем, излагая процедуру раскрытия убийства некоего «мещанина Суслова», совершенного 25 января 1867 г. в Петербурге, Ф.Ф. Трепов подчеркивает, что «успех этого дела принадлежит начальнику Сыскной полиции Титулярному Советнику Путилину и действовавшему под руководством его чиновнику для поручений при Сыскной Полиции Коллежскому Регистратору Блоку». Далее Ф.Ф. Трепов «покорнейше просит»

⁵⁹ Иконников-Галицкий А. Указ.соч. – С. 56.

⁶⁰ История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998. – С. 36.

⁶¹ Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – Л., 1984. – С. 92.

П.А. Шувалова «повергнуть на всемилостивейшее Государя Императора воззрение ходатайство» о награждении сыщиков орденами.⁶² При этом обер-полицмейстер отмечает полный успех «деятельности Сыскной Полиции, начавшей официальное свое существование лишь с 1-го Января сего [1867] года, но занимавшейся уже производством розысков в составе одного начальника и двух чиновников с Октября прошлого [1866] года». Особо Ф.Ф. Трепов выделяет роль руководителя столичного уголовного сыска: «Благодаря редким дарованиям, неутомимому трудолюбию и опытности Начальника Сыскной Полиции Титулярного Советника Путилина, вверенная ему часть преобразованного Полицейского Управления доказала в столь короткое время своего существования всю пользу и необходимость такого учреждения в столице»⁶³.

Следует сказать, что овеянная легендами незаурядная личность Ивана Дмитриевича Путилина, руководившего сыскной полицией Петербурга с первого дня образования в 1866 и по 1889 гг. (с перерывом в 1875–1878 и 1881–1883 гг. по болезни) и вышедшего в отставку в чине действительного тайного советника, что соответствует армейскому званию полного генерала по «Табели о рангах»⁶⁴, и сегодня привлекает внимание многих исследователей⁶⁵. Видный русский юрист А.Ф. Кони вспоминал: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность... соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. ...К этому присоединялись крайняя находчивость в

⁶² Рассказов В.Л. – Учреждение Санкт-Петербургской сыскной полиции. / Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015 г. № 3 (82), С. 106-110.

⁶³ Пиотровский В.Ю. Легенда русской полиции / Полиция Российской Империи. – М.; СПб., 2005. – С. 70-72.

⁶⁴ Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. – СПб., 2002. – С. 82.

⁶⁵ См., например: Хлысталов Э.А. Он служил отечеству (К 100-летию кончины известного русского сыщика И.Д. Путилина) // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. – 1993. – № 1. – С. 258-264; Пазин М. Маэстро сыска // Секретные материалы 20 века: Криминальный отдел. – 2005. – № 3. – С. 93-96; Энтина О. Гений русского сыска // Секретные материалы 20 века: Досье. – 2005. – № 6. – С. 55-62; Логинов О. Легенды русского сыска // Секретные материалы 20 века. – 2005. – № 25. – С. 18-19.

затруднительных случаях»⁶⁶. По свидетельству А.Я. Гуркина, «еще при жизни И.Д. Путилина сравнивали с великими литературными сыщиками Леккоком, Пинкертоном, Шерлоком Холмсом. Переодевшись и загримировавшись, он проникал в преступную среду, в которой завел многочисленных осведомителей»⁶⁷. После выхода в отставку, И.Д. Путилин писал мемуары, опубликованные лишь после его смерти⁶⁸.

Обосновывая образование сыскной полиции в Петербурге, Ф.Ф. Трепов писал: «Существенный пробел в учреждении столичной полиции до 1866 года составляло отсутствие особой части с специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений. Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся на себе всю тяжесть полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении. Для устранения этого недостатка и учреждена Сыскная полиция»⁶⁹. В задачи сыскного ведомства И.Д. Путилина, помимо «обнаружения преступлений в связи с предупреждением и пресечением их», входили: «справочная часть о лицах, задерживаемых участковой полицией за безписьменность или по обвинению в каких-либо преступлениях»; «высылка из столицы лиц предосудительного поведений»; «вообще сыскная деятельность»⁷⁰.

В первый же год функционирования сыскной полиции (1867), как следует из Всеподданнейшего отчета, «из 719 розысков с успехом закончено 319». В контексте задач, поставленных перед сыскной полицией, под «розыском» понимался комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных, кроме обнаружения похищенного имущества, на выявление, установление и

⁶⁶Кони А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин. Из записок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. – 1907. – № 12. – С. 508.

⁶⁷Гуркин А.Я. Как создавалась Санкт-Петербургская сыскная полиция // История Петербурга. – 2011. – № 3. – С. 44.

⁶⁸[Путилин И.Д.] Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. – СПб., 1904; Путилин И.Д. Сорок лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции. Т. 1-2. – Пг.; М., 1916.

⁶⁹Всеподданнейший отчет о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции за 1867 год. – С. 25.

⁷⁰Высоцкий И.П. Указ.соч. – С. 287.

задержание следующих категорий лиц: совершивших преступление; скрывающихся от исполнения обязательств или от последствий решения судебной власти, либо административных органов; совершивших побег или пропавших без вести; проживающих без соответствующих, либо с фальшивыми документами или под вымышленными фамилиями; незаконно проживающих в Петербурге евреев; владельцев изъятых у преступников или найденных вещей; родителей подкинутых младенцев или заблудившихся детей. В процессе «розысков» были раскрыты преступления: убийств – 6, грабежей – 4, краж – 72, контрабанда – 2. За совершение преступлений были задержаны: убийцы и их «подельники» – 15, воры – 95, фальшивомонетчики – 18, совершившие другие преступления – 206, беглые арестанты – 13, бродяги – 682. Предотвращено: убийств – 2, краж – 10. Помимо этого, осуществлялись дознания о причинах самоубийств и скоропостижных смертей; собиралась информация о лицах, занимающихся незаконными промыслами, шулерством, мошенничеством, а также ведущих «предосудительный» или «подозрительный» образ жизни; принимались меры к предупреждению преступлений, посредством наблюдения за лицами, освобожденными из мест заключения по отбытии срока наказания, а также надзоре за местами сбора «людей сомнительной честности» и в общественных местах⁷¹. Учитывая штатную численность личного состава сыскной полиции Петербурга и фактор начального периода становления вновь созданной службы, а также количество населения Петербурга – более полумиллиона человек⁷², можно признать ее деятельность вполне успешной (44% раскрытых «розысков». – авт.). Однако, еще в 1903 г. чиновник особых поручений при столичном градоначальнике И.П. Высоцкий достаточно критично оценивал роль сыскной полиции в борьбе с уголовной преступностью в Петербурге: «В виду своего ограниченного состава чины Сыскной полиции не могли быть прикреплены к известному району и приурочены к участкам, где они могли бы действовать совместно с чинами наружной полиции,

⁷¹ Всеподданнейший отчет о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции за 1867 год. – С. 133-135.

⁷² Статистический временник Российской Империи. Т. 1. – СПб., 1866. – С. 13.

сосредоточение же всего личного состава в центральном Управлении не отвечало нуждам такого обширного города, как Петербург, и создало таким образом формальные, чисто канцелярские отношения чинов Сыскной полиции к своим обязанностям... Исключением были лишь некоторые случаи более важных преступлений, как например убийства и другие из ряда выходящие происшествия, когда чины Сыскной полиции, по сообщению наружной полиции или по требованию судебных властей, являлись на место преступления»⁷³.

В 1867 г. при сыскной полиции создается специальное фотоателье, – «фотография», в котором осуществлялось фотографирование наиболее опасных преступников. Известно, что в 1868 г. было сфотографировано 564 человека⁷⁴. По мнению Н.А. Крыловой, оно было создано на базе бывшей «фотографии» городской полиции при Тюремном замке, существовавшей с 1864 г.

В соответствии с Именным указом «О преобразовании Петербургского столичного управления» от 17 июля 1871 г., Петербург «в пределах городской черты» был выведен из состава губернии, с образованием в нем «особого градоначальства». Главой столичной полиции становится градоначальник, должности обер-полицмейстера и его помощника упразднены, министру внутренних дел совместно с шефом жандармов предписывалось предоставить градоначальнику «инструкцию по делам об охране общественной безопасности и общественного порядка в столице»⁷⁵. 20 марта 1873 г., в контексте административно-полицейских реформ в столице, было Высочайше утверждено «Положение о Петербургском Градоначальстве», включая штаты «состоящих при оном отдельных частей полицейского управления». Градоначальник получил право непосредственного доклада императору «как о наиболее важных преступлениях в столице, так равно о главнейших предметах полицейского управления в оной». При этом, он подчинялся министру внутренних дел и

⁷³ Высоцкий И.П. Указ.соч. – С. 287-288.

⁷⁴ Всеподданнейший отчет о деятельности Санкт-Петербургской полиции за 1868 год. – СПб., 1869. – С 104.

⁷⁵ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 46. – № 49833.

шефу жандармов «по принадлежности предметов полицейского управления»⁷⁶. Между тем, штаты сыскной полиции, а также расходы на канцелярские нужды и «по полицейским розыскам» остались прежними⁷⁷. Не мудрено, что должность градоначальника автоматически занял бывший обер-полицмейстер Ф.Ф. Трепов, остававшийся на своем посту вплоть до 1878 г., когда его тяжело ранила во время приема в градоначальстве небезызвестная Вера Засулич, и он был вынужден завершить свою многолетнюю службу⁷⁸.

Административно-полицейские реформы в столице не отразились на работе сыскной полиции, которая, по словам вновь назначенного градоначальника, «продолжала свою деятельность с тем же рвением и успехом, о которых мною было засвидетельствовано в прежних Всеподданнейших отчетах»⁷⁹. Как следует из отчета за истекший 1873 г., было «произведено чинами Сыскной Полиции розысков по особым поручениям – 1851. Из них окончено с успехом – 1050 (раскрываемость 57% – авт.). В том числе открыто: а) убийств – 2; б) краж – 360; в) случаев подделки разного рода документов и денежных бумаг – 3». Помимо этого, было задержано 2 убийц, 352 воров и «лиц с краденными вещами», 3 «делателей фальшивых документов», 26 дезертиров, 1197 лиц, «укрывающихся без прописки», 486 бродяг, а также 335 «задержано и выслано из столицы по неимению письменных видов». В рассматриваемый период «фотография» сыскной полиции изготовила 7500 фотографических карточек. Помимо этого, сыскная полиция располагала сведениями, аккумулированными в «алфавитной» картотеке: о лицах, содержащихся в местах заключения; о лицах, разыскиваемых по требованиям присутственных мест и должностных лиц; о лицах подозрительных; о евреях, прибывших в столицу; о выбывших из столицы евреях. Всего 45 тыс. «листочков с этими сведениями»⁸⁰. В сравнении с раскрываемостью шестилетней давности («из 719 розысков с успехом закончено 319»), итоги деятельности сыскной

⁷⁶ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 48. – Отделение 1. – № 52032.

⁷⁷ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 48. – Отделение 3. – Штаты и табели. – к № 52032.

⁷⁸ Очкур Р. Венок на могилу первого градоначальника Санкт-Петербурга / Русская полиция. – М.; СПб., 2007. – С. 235-236.

⁷⁹ Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1873 год. – СПб., 1874. – С. 137.

⁸⁰ Там же. – С. 59-60.

полицейские выглядят достаточно убедительными, особенно если принимать во внимание, что количество личного состава оставалось неизменным, а численность населения Петербурга возросла до 700 тыс. человек⁸¹.

Статистические данные о работе сыскной полиции за последние три года, предшествовавшие учреждению столичного градоначальства, также свидетельствуют о положительной динамике: в 1870 г. было «произведено розысков» 1420, из них «успешно» – 890 (раскрываемость 63%. – авт.); в 1871 г. – 1120 и 740 (66%); в 1872 г. – 1564 и 980 (63%). Задержано «подозрительных лиц и преступников»: в 1870 г. – 1232; в 1871 г. – 1577; в 1872 г. – 1613. Составлено «листочков, со сведениями о подозрительных лицах вообще»: в 1870 г. – 30086; в 1871 г. – 30000; в 1872 г. – 37000. «Снято фотографических карточек с преступников»: в 1870 г. – 6084; в 1871 г. – 6112; в 1872 г. – 8230⁸². Следует обратить внимание на последние цифры: они не должны вводить в заблуждение – безусловно, здесь речь идет не о количестве сфотографированных преступников, а о количестве изготовленных фотографий.

В течение десяти лет с момента учреждения столичной сыскной полиции возросло не только количество уголовных преступлений, но и численность населения Петербурга, а штат личного состава ведомства уголовного розыска оставался по-прежнему небольшим и настоятельно нуждался в увеличении. Необходимо было принимать кардинальные меры, направленные на оптимизацию сложившейся ситуации в сфере борьбы с преступностью. Первый шаг в этом направлении был предпринят 30 декабря 1876 г., когда Александр II утвердил мнение Государственного Совета «По проекту штатов Петербургского Градоначальства и Петербургской городской полиции»⁸³. Власти впервые системно озаботились как штатным, так и материальным состоянием столичной сыскной полиции: добавилась должность помощника начальника сыскной полиции, а количество штатных полицейских

⁸¹ Петербург весь на ладони: Настольно-справочная книга / Сост. Вл. Михневич. – СПб., 1874. – С. 269.

⁸² Петербург весь на ладони ... – С. 335.

⁸³ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 51. – Отд. 2. – № 56784.

надзирателей увеличилось до 20-ти. Возросло содержание «чиновникам сыскной полиции» (бывшие «чиновники для поручений») и полицейским надзирателям, а на канцелярские расходы и «полицейский розыск» теперь выделялось по 3800 руб. и 20000 руб. ежегодно. По решению градоначальника в канцелярию, при необходимости, можно было добавить еще двух чиновников⁸⁴. Помимо этого, к утвержденному штату были прикомандированы на постоянной основе полицейский чиновник, полицейский надзиратель и околоточный надзиратель, а также имелась возможность содержать еще 9 вольнонаемных писцов в канцелярии и 4 сторожей⁸⁵.

12 августа 1881 г. по указу вступившего на престол императора Александра III «Об упразднении должности Петербургского Градоначальника с возложением тех обязанностей на Обер-Полицеймейстера» было признано необходимым «предоставить Полицейскому Управлению Петербургской столицы бóльшую возможность сосредоточить свою деятельность на охранении общественного спокойствия и порядка». Должность градоначальника была упразднена, а все функции по «административному заведыванию городом» были переданы столичному губернатору. Управление столицей в «полицейском отношении» было возложено на обер-полицеймейстера⁸⁶. Такая «обратная рокировка» фактически никак не отразилась на организационно-правовых аспектах деятельности сыскной полиции.

Конец XIX в. знаменуется привлечением последних научных достижений и разработок, как прикладного инструментария, в сферу борьбы с преступностью, и первым из них стала специальная методика описания признаков внешности человека⁸⁷. Ее «отцом» стал письмоводитель 1-го отделения полицейской префектуры Парижа (французской уголовной полиции Сюртэ) Альфонс Бертильон, который разработал антропометрический метод измерения и фиксации отдельных частей тела преступника специальными инструментами по 11-ти параметрам, получивший название «бертильонаж». 20

⁸⁴ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 51. – Отд. 3. – Штаты и табели. – к № 56784.

⁸⁵ Обзорение настоящего состояния и деятельности Санкт-Петербургской полиции. – СПб., 1883. – С. 103-113.

⁸⁶ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – № 347.

⁸⁷ Криминалистика / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М., 1984. – С. 216.

февраля 1883 г. им впервые была установлена личность преступника, доставленного в полицию, который ранее уже совершал преступления, по регистрационной карточке с результатами измерений, находящейся в картотеке А. Бертильона, к тому времени насчитывавшей около 1800 карточек⁸⁸. Через семь лет французский опыт был адаптирован в России, а точнее – в Петербурге. 1 июня 1890 г., «в видах пресечения рецидивистам возможности скрывать свою прежнюю судимость, а также с целью установления личности бродяг, беспаспортных и всякого рода людей, скрывающих свое действительное звание», при столичной сыскной полиции было учреждено «особое измерительное (антропометрическое) отделение, организованное по системе французского антрополога Бертильона». За 7 месяцев деятельности отделение провело измерение 2375 человек, «из числа которых 8 оказались умышленно сообщившими первоначально ложные данные о своей личности»⁸⁹. Как отмечалось в еженедельнике «Вестник полиции», в 1915 г. состоялся «25-летний юбилей русской научной полиции», ведущей свой отчет с учреждения в 1890 г. «первой в России станции для антропологического измерения преступников при столичной полиции... под непосредственным руководством специально для этого приглашенного инженер-полковника Н.А. Козлова, автора многих трудов по опытной криминалистике»⁹⁰.

Не остается без внимания и совершенствование оперативно-розыскной деятельности сыскной полиции. По распоряжению градоначальника (1895–1904), генерал-майора Н.В. Клейгельса, с 1896 г. внедряется территориальный метод работы, суть которого заключалась в распределении чиновников сыскной полиции по отделениям Петербурга, а полицейских надзирателей – по участкам; каждый из чинов отвечал за приданный им район ответственности. Таким образом, вся столица находилась под контролем и надзором сыскной полиции⁹¹. Подобное новшество в организации деятельности сыщиков сразу же принесло свои положительные плоды: в течение 1896 г. «по требованиям

⁸⁸ Торвальд Ю. Век криминалистики / Пер. с нем. И.С. Власова, Л.А. Пэк. – М., 1984. – С. 38-39.

⁸⁹ Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1890 год. – СПб., 1891. – С. 45.

⁹⁰ Вестник полиции. – 1915. – № 23. – С. 726.

⁹¹ Высоцкий И.П. – Указ.соч. – С. 289.

судебных властей» и «сообщениям подлежащих участковых приставов» было осуществлено 3244 «розысков»; задержано 5 убийц и 27626 «других преступников, дезертиров, бродяг и укрывавшихся от прописки». Антропометрическое отделение оказало «важные, по обыкновению, услуги»: в период с 1 июня 1890 г. по 1 января 1897 г. оно подвергло измерению 27316 человек, в результате чего было выявлено 89 рецидивистов. Помимо этого, было составлено 11039 «алфавитных листков» и произведено 444 фотографических снимков. По всем другим показателям были также достигнуты высокие результаты⁹² – лучшие, с момента учреждения столичной сыскной полиции.

В начале XX в. деятельность столичной сыскной полиции продолжает совершенствоваться: устанавливаются «постоянные сношения с Сыскными отделениями других городов Империи, а также с полицией иностранных государств» для взаимодействия в сфере борьбы с «гастролерами» как на всероссийском уровне, так и межгосударственном. Такие меры значительно снизили уголовную преступность в столице. Так, в 1901 г. сыскная полиция провела 2943 дознаний и розысков (на 300 меньше, чем пять лет назад. – авт.), задержано 22 убийц и 25648 других преступников. «Фотографией» при сыскной полиции изготовлено 729 снимков; по лицам, представляющим оперативный интерес, составлено и влито в картотеку 15860 «алфавитных листков». В антропометрическом отделении к рассматриваемому времени было оформлено 47437 «измерительных листовок» по столичным жителям и 10453 – по провинциальным⁹³. В следующем, 1902 г. в производстве сыскной полиции было 3094 дознаний и розысков; антропометрическое отделение измерило 4083 лица и обнаружило 117 рецидивистов, к 1 января 1903 г. в его картотеке содержалось 51520 «измерительных листовок»⁹⁴. При этом необходимо иметь в

⁹² Обзор деятельности С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции за 1896 год. – СПб., 1897. – С. 62.

⁹³ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1901 год. – СПб., 1902. – С. 25-26.

⁹⁴ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1902 год. – СПб., 1903. – С. 31.

виду регулярный рост населения Петербурга, которое к концу XIX в. составляло около 1 млн. 300 тыс. человек⁹⁵.

В октябре 1902 г. при сыскной полиции был учрежден «Стол о дворниках и швейцарах», в котором сосредоточилась информация о благонадежности, помимо лиц указанных профессий, также о служащих в питейных заведениях и извозчиках. К началу 1904 г. в алфавитную картотеку было влито около 30 тыс. листков с подробными сведениями о каждом, из названной категории лиц⁹⁶. Полагаем, подобные меры были предприняты в целях более эффективного привлечения к конфиденциальному сотрудничеству с сыщиками лиц из этих слоев петербургского общества, могущих систематически предоставлять оперативно значимую информацию для использования при раскрытии преступлений.

И без того хорошо отлаженный механизм функционирования столичной сыскной полиции начинает набирать обороты с приходом в феврале 1903 г. на должность начальника Петербургской сыскной полиции (1903–1915) Владимира Григорьевича Филиппова, который перестроил и интенсифицировал работу сыщиков. Главными инновационными формами деятельности сыскной полиции, которые он привнес, являлись: организация систематического контроля за деятельностью каждого чина уголовного сыска; ведение широкомасштабных оперативно-розыскных мероприятий по профилактике преступлений; учреждение в своем ведомстве дежурной части для максимально оперативного реагирования на совершенные преступления; широкое внедрение научных методов уголовного сыска (регистрация преступников, оперативная фотография, фотоэкспертиза)⁹⁷. По словам Г. Зуева, главный столичный сыщик «особое внимание уделял внедрению в работу уголовного розыска новейших достижений криминалистики. При нем российская сыскная полиция одна из первых в мире стала широко применять дактилоскопию и фотографирование

⁹⁵ Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 года / Сост. Центр. стат. ком. на основании подсчетов местных особых комиссий. – СПб., 1898. – С. 8.

⁹⁶ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1903 год. – СПб., 1904. – С. 13.

⁹⁷ Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / Под ред. В.Л. Телицына. – М., 2013. – С. 50.

преступников... По его инициативе и при содействии его ближайшего помощника Л.К. Петровского в практику работы полиции были впервые внедрены «летучие отряды»⁹⁸.

С 1903 г. активизируется и деятельность городских властей по формированию нового штата столичной сыскной полиции. По проекту градоначальника Н.В. Клейгельса предусматривалось увеличить вдвое полицейских надзирателей – с 50-ти до 100. Помимо этого, предлагалось учредить еще одну должность чиновника сыскной полиции, который бы заведовал арестантской частью. Дело в том, что в течение года через столичную сыскную полицию проходило порядка 30 тыс. арестантов, а все дела по ним находились в ведении помощника начальника сыскной полиции, на которого, помимо этого, возлагались и другие функции: производство дознаний по важнейшим делам, надзор и контроль за деятельностью личного состава сыскной полиции, замещение начальника в его отсутствие и проч. Кроме этого предлагалось ввести штатные должности фотографа и фельдшера, а также увеличить на одну единицу состав канцелярии, разделив обязанности журналиста и архивариуса. Планировалось поднять расходы на розыск с 15 до 30 тыс. руб., а на канцелярские надобности – с 7 до 12 тыс. руб. Увеличение на розыск аргументировалось выездами сыщиков в другие губернии России и за границу по делам, в том числе и общегосударственного значения, а также на создание разветвленной сети секретной агентуры во всех слоях столичного общества, в первую очередь среди прислуги увеселительных заведений, трактиров, ресторанов, гостиниц, постоялых дворов, общественных и частных учреждений и т.п. В число канцелярских расходов предполагалось включить деятельность антропометрического бюро, издержки на фотографию и наем писцов⁹⁹.

2 февраля 1904 г. император Николай II утвердил мнение Государственного Совета «Об усилении штата сыскной полиции города С.-

⁹⁸ Зуев Г. Указ.соч. – С. 247.

⁹⁹ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 52-53.

Петербурга»: к штату, утвержденному 12 мая 1887 г., были добавлены должности чиновника сыскной полиции, фельдшера и 25 полицейских надзирателей 3-го разряда. Практически всем чинам были повышены оклады содержания, на разъезды полицейским надзирателям ежегодно отпускалось 7000 руб., канцелярские расходы увеличились на 3000 руб. и на наем фотографа – 100 руб. ежегодно¹⁰⁰. Как видим, не все важные аспекты реализованного проекта нашли свое окончательное утверждение. По всей видимости, это было связано с началом русско-японской войны 1904–1905 гг., потребовавшей больших финансовых вливаний из государственной казны на военные нужды.

Увеличение штата сыскной полиции, как следует из ежегодного отчета, «дало возможность некоторым образом реорганизовать деятельность сыскной полиции и уже к 1-му июля отчетного года был сформирован в целях принятия более энергичных мер к охранению общественной безопасности и предупреждению преступлений так называемый «Летучий отряд» сыскной полиции из одного чиновника для поручений и 12 постоянных полицейских надзирателей...»¹⁰¹. В задачи вновь образованной структуры входило: 1) «Принимать все зависящие меры к удалению из Петербурга порочного элемента и предупреждению и пресечению преступлений...»; 2) Наблюдать: за значными местами и «накрывать азартные игры»; «за правильной пропиской и ведением книг в домах, меблированных комнатах и гостиницах»; 3) Пресекать хулиганские проявления; 4) «Вести фотографические альбомы преступников»; 5) «Исполнять поручения по расследованию преступлений». Результатом деятельности Летучего отряда в период с 1 июля по 31 декабря 1904 г. стало задержание 1652 лиц, представлявших оперативных интерес¹⁰². Говоря современным языком, Летучий отряд Петербургской сыскной полиции стал своеобразным отрядом быстрого реагирования по предотвращению и раскрытию преступлений.

¹⁰⁰ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – № 23974.

¹⁰¹ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1904 год. – СПб., 1905. – С. 40.

¹⁰² Там же. – С. 41-42.

7 мая 1907 г. градоначальник Петербурга генерал-майор Д.В. Драчевский вошел с ходатайством к министру внутренних дел П.А. Столыпину о переименовании столичной сыскной полиции, подобно аналогичным западноевропейским службам, в «уголовную полицию»¹⁰³. В качестве аргумента он ссылаясь на то, что термин «сыск» ассоциировался у обывателей и даже у государственных чиновников с политическим сыском (розыском) – «охранкой». (В скобках заметим, что американский историк Чарльз Рууд и его российский коллега С.А. Степанов, занимавшиеся исследованием органов политического розыска России, отмечают, что под охранкой в то время подразумевалась вся политическая полиция, и предполагают, что слово «охранка» лучше всего характеризовало главную задачу тайной полиции – «охранять, защищать государственный строй»¹⁰⁴). Градоначальник обращал внимание министра на два фактора: 1) в годы революционных волнений 1905–1907 гг. общество относилось к охранке достаточно настороженно, если не сказать враждебно, и смена названия должна была способствовать укреплению авторитета учреждения уголовного розыска; 2) в столичную сыскную полицию по ошибке направлялось значительное количество материалов (заявлений, документов и т.п.), касавшихся государственных преступлений и отнесенных законом к компетенции Петербургского охранного отделения, что обременяло сыщиков излишней перепиской. Однако директор Департамента полиции МВД М.И. Трусевич в удовлетворении ходатайства отказал, сославшись на то, что наименование «сыскная полиция» установлено в законодательной форме и «изменение названия не избавит от указанных в ходатайстве затруднений»¹⁰⁵.

Отдельно отметим, что 1907 г. стал последним годом, накануне образования общероссийской структуры уголовно-сыскной полиции в соответствии с законом «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г., и Петербургская сыскная полиция эффективно закончила 1907 г., осуществив 8726 дознаний, причем «все выдающиеся преступления были открыты и

¹⁰³ Рассказов В.Л. – Деятельность сыскной полиции Петербурга в начале XX века. // Общество и право. 2015г. № 3 (53) С. 40-43

¹⁰⁴ Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М., 1993. – С. 5.

¹⁰⁵ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 55.

преступника задержаны». Неплохо сработал и Летучий отряд, задержавший 2114 человек. Антропометрическое бюро зафиксировало 19418 лиц, сфотографировав 2138¹⁰⁶.

Таким образом, за сорок лет своей деятельности столичная сыскная полиция трансформировалась из небольшого по штату подразделения в эффективную специальную полицейскую службу уголовного сыска, оснащенную последними научными разработками и методиками, располагавшую действенной внутриведомственной организацией и достаточным финансированием. Петербургская сыскная полиция стала своеобразным эталоном для учреждения аналогичных служб в других крупных городах Российской империи. Именно по примеру столичной сыскной полиции стали организовываться органы уголовного розыска: в 1874 г. – сыскное отделение Варшавской полиции, в 1880 г. – сыскная часть Киевской городской полиции, в 1881 г. – Московская сыскная полиция, в 1888 г. – Рижское сыскное отделение, в 1898 г. – временное сыскное отделение при канцелярии Одесского полицейского управления, в 1902 г. – сыскное отделение при Харьковской городской полиции, в 1906 г. – Ростово-Нахичеванская и Бакинская сыскные части.

Так, 17 марта 1874 г. Александр II утвердил положение Комитета по делам Царства Польского, рассмотренного по представлению МВД, «О новом штате Варшавской городской полиции», которым преобразовывалось Управление Варшавского обер-полицмейстера и его канцелярия¹⁰⁷. В соответствии с новыми штатами при канцелярии учреждалось сыскное отделение в составе: начальник; делопроизводители – 2; помощники – 2; канцелярские чиновники – 5. На розыски полагалось 2030 руб. в год. Помимо сыскного отделения к канцелярии обер-полицмейстера были придан адресный стол¹⁰⁸. По мнению А.Ю. Шаламова, Варшавское сыскное отделение было создано на базе действовавшего с 1868 г. следственного отделения Варшавской полиции под

¹⁰⁶ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1907 год. – СПб., 1908. – С. 20-22.

¹⁰⁷ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 49. – Отд. 1. – № 53274.

¹⁰⁸ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 49. – Отд. 3. – Штаты и таблицы. – к № 53274.

началом опытного Карла Игнатьевича Витвицкого, который и стал руководить уголовным сыском (1873–1881)¹⁰⁹. Подобная метаморфоза достаточно парадоксальна с юридической точки зрения: функции следователей и сыщиков, как представителей полиции, в уголовном процессе существенно различались в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства¹¹⁰, Высочайше утвержденным 20 ноября 1864 г. и действовавшим на всей территории Российской империи, в которую входило и Царство Польское. Со временем не мог не возникнуть вопрос об усилении штатов сыскного отделения. 3 июня 1892 г. Александр III утвердил мнение Государственного Совета «О дополнительном штате Варшавской городской полиции»¹¹¹, которым на содержание полицейских надзирателей сыскного отделения ежегодно отпускалось по 18300 рублей¹¹². Характерно, что количество штатных сыщиков конкретно не указывалось, но если взять за основу денежное содержание за тот же период полицейских надзирателей столичной сыскной полиции, то в указанную сумму вполне укладывалось ежегодное содержание от 20 до 30 полицейских надзирателей в Варшаве.

В марте 1873 г., в порядке эксперимента, была создана Киевская сыскная полиция в самом «ограниченном составе». Отчет о ее работе обнадеживал, однако недостаточное финансирование и дефицит желающих служить в уголовном сыске не давали возможности своевременно раскрывать тяжкие преступления. Уже в следующем году эксперимент свернули¹¹³. Вероятно, о нем не позабыли, поскольку по предписанию Киевского губернатора от 14 июня 1880 г. была образована сыскная часть при Киевской городской полиции¹¹⁴. В 1902 г. при ней были учреждены антропометрическое бюро и «фотография», а в январе 1904 г. – дактилоскопическое бюро. Только за первый год своего существования в Киеве было подвергнуто дактилоскопированию

¹⁰⁹ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 56.

¹¹⁰ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 39. – № 41476.

¹¹¹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8661.

¹¹² ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – Штаты и табели. – к № 8661.

¹¹³ См.: Пиджаренко А. Криминальный сыск Киева во Ппол. XIX – нач. XX вв. – Киев, 2006.

¹¹⁴ Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.): Монография / Под общ.ред. А.В. Горожанина, А.Я. Малыгина. – Самара, 2001. – С. 9.

2987 лиц, представлявших оперативный интерес для сыщиков¹¹⁵. К началу XX в. личный состав сыскной части состоял из: заведующего; околоточные надзиратели – 2; городовые – 20. Фактически они были откомандированы из общей полиции и занимались деятельностью, не во всем им присущей, в связи с отсутствием профессиональных сыщиков и канцелярских чинов. Так, например, один городской ведал делопроизводством сыскной полиции, другой заведовал задержанными, третий – справками, четвертый – регистрацией происшествий, пятый – антропометрическим бюро, шестой – фотографией. Еще четверо городских, совместно с околоточными надзирателями, осуществляли производство дознаний, а остальные десять – проводили оперативно-розыскные мероприятия по предотвращению и раскрытию преступлений. Ежегодно содержание Киевской сыскной части обходилось в 5676 руб., в том числе на канцелярские расходы и розыски¹¹⁶.

Вторая столица – Москва – стала четвертым по хронологии городом Российской империи, где была учреждена сыскная полиция. Однако, еще в 1868 г. Московский обер-полицмейстер, генерал-майор Н.У. Арапов подготовил проект реформирования Московской городской полиции, в котором, по аналогии с Петербургом, предусматривалось учреждение специализированного подразделения уголовного розыска – сыскной полиции¹¹⁷. На деле вышло, что проект более 10 лет «рассматривался», и только 5 мая 1881 г. Александр III утвердил мнение Государственного Совета «О преобразовании Московской городской полиции», которым вводилось в действие «Положение о Московской городской полиции»¹¹⁸. В нем прямо указывалось, что при обер-полицмейстере Москвы, помимо других подразделений (канцелярии, адресного стола, полицейского архива и т.п.), состоит сыскная часть¹¹⁹. В п. 23 Положения особо подчеркивалось, что «начальник сыскной полиции и чиновники, при нем

¹¹⁵ Самойленко Е.А. Киевская городская полиция. – Киев, 2000. – С. 91.

¹¹⁶ Отчет о деятельности сысканого отделения Киевской городской полиции за 1906 год. – Киев, 1907. – С. 3-5.

¹¹⁷ Руга В., Кокорев А. Сыщики и воры // Наш современник. – 2013. – № 2. – С. 250.

¹¹⁸ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – № 131.

¹¹⁹ Рассказов В.Л. – Московская сыскная полиция в конце XIX – начале XX в.: организация, функции, штаты. / Гуманитарные и социальн-экономические науки. 2015 г. № 2 (81). С. 118-122.

состоящие, находятся в полном распоряжении Обер-Полицеймейстера». Штат Московской сыскной полиции составили: начальник; чиновники – 2; полицейские надзиратели – 12; делопроизводитель; помощник его¹²⁰.

Как указывает известный бытописатель Москвы В.А. Гиляровский, «настоящих сыщиков до 1881 года не было, потому что сыскная полиция как учреждение образовалась только в 1881 году. До тех пор сыщиками считались только два пристава – Замайский и Муравьев, имевшие своих помощников из числа воров, которым мироволили в мелких кражах, а крупные преступления они должны были раскрывать и важных преступников ловить»¹²¹. Позднее, в 1882–1886 гг. полковник Константин Гаврилович Муравьев состоял в должности начальника Московской сыскной полиции¹²². Первым же начальником Московской сыскной полиции 1 июля 1881 г. был назначен Николай Никифорович Струков, начинавший свою карьеру в 1862 г. с должности судебного следователя Малоярославского уезда Калужской губернии. В 1868 г. по собственному прошению он был переведен в Московскую полицию, где с 1870 г. занимал должность частного пристава¹²³.

Особую роль в развитии уголовного сыска Москвы сыграл Аркадий Францевич Кошко, назначенного начальником сыскной полиции (1908–1915). Ранее он занимал посты начальника Рижского сыскного отделения и помощника начальника Петербургской сыскной полиции. В Москве он начал с того, что лично осуществлял набор личного состава в штат. При этом его требованиями были не только «безусловная честность, трезвость, грамотность, способность к розыску, сообразительность, скромность, но и чистота платья, предупредительность и безусловная вежливость в обращении с публикой, недопущение каких-либо физических воздействий по отношению к задержанным, крепость здоровья, ловкость при задержаниях и негласных наблюдениях». На должность своего помощника А.Ф. Кошко взял Пензенского

¹²⁰ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – Штаты и табели. – к № 131.

¹²¹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – М., 2001. – С. 56.

¹²² Шаханов А. Московские обер-полицеймейстеры и начальники сыскной полиции // Московский журнал: История государства Российского. – 2005 – № 2. (Электронный ресурс <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801021>).

¹²³ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 58.

полицмейстера В.Е. Андреева, ранее служившего с ним в Риге¹²⁴. Характерно, что А.Ф. Кошко лично обучал вновь набранных в штат сыщиков методике и тактике наружного и внутреннего наблюдения. Так, в приказе по сысской полиции № 3 от 1 марта 1908 г. указывалось: «Замечено, что надзиратели и агенты не имеют никакого понятия о ведении всяких наблюдений, главным образом за лицами, почему предлагаю собраться 2 сего Марта к 11 часам утра всем Г.г. чиновникам, надзирателям и агентам, им будет мною преподано указание как следует вести наблюдение»¹²⁵.

В основу организации деятельности сысского отделения А.Ф. Кошко ввел территориальный принцип: к каждому полицейскому участку Москвы был прикреплен полицейский надзиратель, который вел учет совершенных преступлений на «своем» участке и осуществлял оперативно-розыскные мероприятия, направленные на их раскрытие. К нему в помощь прикомандировывались городские наружной полиции. Вся территория города была разделена на 4 района, по 12 полицейских участков в каждом. Руководить уголовным сыском в каждый район был поставлен чиновник особых поручений сысской полиции, контролировавший работу надзирателей «своих» участков и непосредственно проводивший оперативно-розыскную работу по наиболее сложным делам. Ежемесячно надзиратели представляли отчетные ведомости о раскрытых и нераскрытых преступлениях, на основании которых чиновник составлял «общую картограмму». Еще один чиновник возглавлял Летучий отряд, состоявший из полицейских надзирателей и городских, не закрепленных на участках¹²⁶. Как резюмировал В.И. Гурьев, со временем Московская сысская полиция превратилась в серьезную структуру: ее сотрудники занимались раскрытием наиболее опасных уголовных преступлений, «применяя новейшие методы криминалистики того времени (антропометрия, дактилоскопия)»¹²⁷.

¹²⁴ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 83-84.

¹²⁵ Жаров С.Н. А.Ф. Кошко и его подчиненные в воспоминаниях и документах // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 4. – С. 110.

¹²⁶ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 85.

¹²⁷ Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 18.

За год руководства А.Ф. Кошко сыскной полиции Москвы она стала одной из самых профессиональных учреждений уголовного сыска в России: процент раскрываемости преступлений вырос в 3,5 раза, были полностью ликвидированы организованные воровские сообщества, действовавшие на Московском железнодорожном узле, благодаря системному контролю за подчиненными удалось свести уровень коррупции в уголовном сыске фактически к нулю¹²⁸.

Необходимо отметить, что А.Ф. Кошко вводил и довольно любопытные, новаторские методы работы. Так, еженедельник «Вестник полиции» анонсировал, что 3 марта 1908 г. «новый начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко» в помещении сыскной полиции устраивает организованную выставку «из отобранных у воров и разных подозрительных лиц вещей, собственники которых не обнаружены». Всем обывателям предоставлялась возможность посетить данное мероприятие и тем, «кто признает себя владельцами вещей», необходимо было «представить доказательства на право собственности», после чего вещи были бы возвращены «по принадлежности»¹²⁹. Забегая вперед, заметим, что в 1913 г. Московская сыскная полиция, во главе с А.Ф. Кошко, была признана лучшей в Европе среди подобных учреждений¹³⁰. Между тем, некоторые авторы приписывают ему мифические заслуги. Так, В.И. Власов и Н.Ф. Гончаров утверждают, что А.Ф. Кошко впервые в мировой сыскной практике начал применять для идентификации, регистрации и розыска преступников дактилоскопию и антропометрический метод¹³¹, что явно не соответствует историческим фактам. Антропометрический метод первым разработал чиновник Парижской уголовной полиции «Сюртэ» Альфонс Бертильон, который 20 февраля 1883 г. впервые установил личность преступника. Что же касается дактилоскопии, то ее ввел в практику сыскной работы генеральный инспектор полиции Бенгалии

¹²⁸ Рыжов Д.С. Указ.соч. – С. 67.

¹²⁹ Вестник полиции. – 1908. – № 13. – С. 4.

¹³⁰ Руднев П.И. Начальник сыскной полиции А.Ф. Кошко // Вопросы истории. – 1999. – № 4-5. – С. 137.

¹³¹ Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв.: Историко-правовое исследование. – Домодедово, 1997. – С. 53.

(провинции Британской Индии) Эдвард Генри 12 июля 1897 г. При помощи дактилоскопии в 1898 г. по всей Бенгалии были идентифицированы 345, а в 1898 г. – 569 преступников, причем две трети из них с помощью «бертильонажа» идентифицировать не удалось¹³².

Как правильно отмечает Т.Л. Матиенко, «к середине XIX в., а именно к моменту буржуазных реформ 60-х годов, российский сыск приобретает все атрибутивные признаки особого вида правоохранительной деятельности, институализация которого завершается уже в первом десятилетии XX в.»¹³³. Отметим, что 12 марта 1908 г. по приказу директора Департамента полиции М.И. Трусевича, в нем был образован «Отдел уголовно-сыскной части», в котором сосредоточивались: «общее наблюдение за деятельностью сыскных отделений в Империи, руководство сформированием новых отделений, снабжение их необходимыми пособиями, сосредоточение регистрации преступности, издание инструкций и циркуляров»¹³⁴. Учреждение в Департаменте полиции такого структурного подразделения положило начало «упорядочению сыскной части, остававшейся до сего времени без всякого общего руководства и наблюдения, и лишенной какой-либо объединенности»¹³⁵. По мнению Е.П. Сичинского, руководство Департамента полиции оставило решение вопросов о структуре сыскных отделений и организации их деятельности в компетенции местных руководителей полиции (обер-полицмейстеров и полицмейстеров), что и определило их разнообразие форм функционирования¹³⁶. Как указывалось в «Вестнике полиции», «почти все западно-европейские государства давно обратили внимание на это дело (уголовный сыск. – авт.) свое внимание и сформировали в среде полиции особые органы, ведающие дело уголовного розыска. Деятельность таких

¹³² Торвальд Ю. Указ.соч. – С. 70-73.

¹³³ Матиенко Т.Л. Российский сыск в IX– первой половине XIX века. Генезис и становление: Монография. – М., 2010. – С. 8.

¹³⁴ Рассказов В.Л. – Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 года: недостатки и достоинства в регламентации деятельности сыскных отделений в системе общероссийского уголовного розыска. / Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г. , № 107. С. 259-271.

¹³⁵ Вестник полиции. – 1908. – № 15. – С. 4.

¹³⁶ Сичинский Е.П. Указ.соч. – С. 67.

учреждений, существующих в России в очень ограниченном количестве, с несомненностью подтверждает их целесообразность, т.к. по отзыву прокурорского надзора, в городах, где сформированы сыскные отделения, количество необнаруженных преступников значительно менее, чем в местностях, где борьбу с преступностью ведет одна наружная полиция. ...одновременное введение в действие целой сети сыскных отделений даст возможность устроить их по однородной системе работы и регистрации, держать личный состав их по указаниям из центра в курсе усовершенствований сыскного дела, а главное – связать органически их работу установлением правильного взаимодействия, каковое условие особенно важно при преследовании подвижных профессиональных шаек, причиняющих огромный ущерб населению и остающихся неуловимыми из-за отсутствия связи между органами, производящими уголовный розыск»¹³⁷. Говоря о проблемах противостояния криминалу, П.А. Пачин отмечает, что «отсутствие специального аппарата борьбы с уголовной преступностью не могло не отражаться на оперативной обстановке в стране. Необходимо было создание такого аппарата, который бы мог эффективно бороться исключительно с уголовной преступностью»¹³⁸. И такая структура было создана в Российской империи 6 июля 1908 г. в соответствии с законом «Об организации сыскной части».

С учетом изложенного, необходимо отметить, что, по большому счету, уголовный сыск в России во второй половине XIX – начале XX вв. по-прежнему проводился местными органами общей (наружной) полиции на значительных территориях страны, за исключением обеих столиц и крупных губернских городов, в которых учреждались специальные подразделения сыскной полиции. Причем, имели место две формы их финансирования: 1) на уровне законов, издаваемых высшей государственной властью, функционировали постоянные штатные подразделения (Петербургская сыскная

¹³⁷ Вестник полиции. – 1908. – № 20. – С. 11.

¹³⁸ Пачин П.А. Становление и развитие сыска в дореволюционной России // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 363.

полиция, сыскное отделение Варшавской полиции, Московская сыскная полиция, Рижское сыскное отделение, сыскное отделение Одесской городской полиции, Ростово-Нахичеванская сыскная часть и Бакинская сыскная часть), и 2) на уровне распоряжений местных территориальных (губернских или городских) властей – «временные» или «внештатные» (сыскная часть Киевской городской полиции, сыскное отделение при Харьковской городской полиции и др.). Положительный опыт и практика функционирования первых органов сыскной полиции впоследствии были взяты за основу при образовании общероссийской системы уголовного сыска в 1908 г. Этот опыт использовался и в органах уголовного сыска Кубани.

Глава II. Полиция Кубани в борьбе с преступностью

§ 1. Организация деятельности по борьбе с уголовной преступностью (вторая половина XIX в. – 1908 г.)

8 февраля 1860 г. по Именному указу императора Александра II была образована Кубанская область¹³⁹, включившая в себя территории Черномории, Северо-Восточной части Прикубанья и Закубанье¹⁴⁰. В п. 3 указа предписывалось всю территорию, занимаемую Кубанской и Терской областями, а также Ставропольской губернией, «именовать впредь Северным Кавказом». Как отмечает В.Н. Ковешников, «название реки Кубань с начала 2-й половины XIX в. административно-территориальным термином вошло в название Кубанской области (сокращенно – Кубань)»¹⁴¹. Таким образом, в рассматриваемое время под «Кубанью» понималось не только название реки, но и административно-территориальная единица Российской империи – Кубанская область.

19 ноября 1860 г. последовал указ Черноморскому казачьему войску впредь именоваться Кубанским¹⁴². Таким образом, «для большего единства управления, сообразно с настоящим положением Северного Кавказа и с общею системою администраций», Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское казачье войско, в состав которого вошли еще и «шесть бригад Кавказского линейного войска, в полном составе, с землею, которою оне доселе пользовались, со всеми войсковыми и общественными заведениями и зданиями, в районе этих бригад находящимися»¹⁴³. Екатеринодар, как бывшая столица Черномории, стал «местопребыванием

¹³⁹ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 35421.

¹⁴⁰ Рассказов Л.П. и др. Кубань и казачество (конец XVIII в.-1920 г.) (историко-правовое исследование: Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Ростов-на-Дону, 2003. – С.22.

¹⁴¹ Ковешников В.Н. Краеведческие статьи о Кубани. – Краснодар, 2006. – С. 46.

¹⁴² Рассказов Л.П. и др. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.): Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Краснодар, 2013. С. 19.

¹⁴³ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 36327.

главных управлений Кубанского войска», а «звание Наказного Атамана Кубанского войска» было присвоено начальнику Кубанской области.

В течение почти 30 лет (1860–1888) на территории Кубанской области проходили административно-территориальные переустройства, приводящие к увеличению числа уездов или их переименованию, пока ситуация не стабилизировалась и территория области в 1888 г. не была разграничена на семь отделов¹⁴⁴ (т.е. районов). Что же касается Екатеринодара, то согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета «О заселении и управлении города Екатеринодара» от 1 мая 1867 г., он получил «общее для всей Империи устройство», поменяв статус военного на гражданский город, «с тем отступлениями, которые будут вызваны местными условиями»¹⁴⁵. На основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г.¹⁴⁶, как Кубань в целом, так и Екатеринодар в частности, получили значительный прирост численности населения, что означало перспективу быстрого экономического развития. Этому способствовало и Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 30 декабря 1869 г., которым Екатеринодар «получил назначение областного города»¹⁴⁷. Так, если в 1868 г. в Екатеринодаре проживало 8343 жителя, то в 1871 г. – уже 17622¹⁴⁸, т.е. за три года городское население увеличилось более чем вдвое. В 1870-е годы Кубань стала самым заселяемым регионом России: за десятилетие сюда прибыло 175,4 тыс. человек, а прирост населения продолжался и в 1880–1890-е годы¹⁴⁹. Если в 1863 г. переселенцы составляли только 2,7% всего населения Кубанской

¹⁴⁴ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / Сост. А.С. Азаренков, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вершышева. – Краснодар, 1986. – С. 35.

¹⁴⁵ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 42. – № 44504.

¹⁴⁶ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 43. – № 45785.

¹⁴⁷ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 44. – № 47850.

¹⁴⁸ Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. – Краснодар, 2000. – С. 115.

¹⁴⁹ История Кубани / Под общ.ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар, 2005. – С. 142.

области, то к началу XX в. (1904 г.) невойсковое население уже насчитывало более половины всех жителей Кубани¹⁵⁰.

В период с 1869 по 1871 гг. на территории Кубанской области была проведена судебная реформа, в результате которой с 1 января 1871 г., вместе с образованием новых судебных органов, были учреждены органы прокурорского надзора Екатеринодарского окружного суда¹⁵¹. Количество судебных следователей, осуществлявших производство предварительного следствия, и их дислокация на следственных участках вплоть до 1900 г. изменялись, в связи с увеличением штатной численности следователей и реорганизацией территорий уездов (отделов). К 1900 г. в составе Екатеринодарского окружного суда числилось 33 судебных следователя, которые располагались на следственных участках в областном центре и в Екатеринодарском, Кавказском, Лабинском, Ейском, Баталпашинском, Майкопском, Темрюкском отделах, а также на Романовском железнодорожном участке. Такая дислокация сохранялась вплоть до 1917 г., за небольшими изменениями численного состава судебных следователей¹⁵².

25 декабря 1862 г., в целях «изменений и улучшений в устройстве полиции, особенно же в личном ее составе», Александр II утвердил «Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые предусматривали сохранение городской полиции исключительно в губернских и крупных уездных городах, «оставив ее в подчинении полицмейстерам»¹⁵³. Остальные же городские и уездные органы полиции подчинялись уездным полицейским управлениям во главе с уездными исправниками.¹⁵⁴ В свою очередь уезды подразделялись на станы под началом станowych приставов. Нижним звеном общей полиции в

¹⁵⁰ Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. – Краснодар, 2000. – С. 284.

¹⁵¹ Карякин А.В. Становление и развитие органов прокуратуры на Кубани в 1801–1924 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2013. – С. 22.

¹⁵² Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII – начало XXI в.): Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Краснодар, 2013. – С. 119-120.

¹⁵³ Рассказов В.Л. – Полиция Кубанской области на рубеже XIX-XX вв. / Аграрное и земельное право 2015 г., № 4 (124), С. 41-48.

¹⁵⁴ Рассказов В.Л. – Полиция Кубанской области в конце XIX – начале XX вв.: структура, функции, штаты и содержание. / Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г., № 107, С. 272-288.

уездах являлись сотские и десятские, которые избирались из состава сельских обществ¹⁵⁵. Применительно к Кубанской области, во главе уездных полицейских управлений стояли уездные начальники, а уезды разделялись на участки под началом участковых приставов. В пределах территории станиц полицейские функции выполняли местные казаки во главе со станичными атаманами, а в близлежащих поселениях и хуторах – сотские и десятские, избираемые из казаков, крестьян и отставных военнослужащих, присягнувших станичному атаману¹⁵⁶.

Во второй половине XIX в. штат полиции Екатеринодара составляли: полицмейстер, частные приставы – 2, следственный пристав, квартальные надзиратели – 5, урядники – 5, секретарь, писарь, столоначальник, полицейская стража: урядники – 5, казаки – 40¹⁵⁷. Как следует из доклада Екатеринодарского полицмейстера И.Г. Петина начальнику Кубанской области, графу Ф.Н. Сумарокову-Эльстон в 1865 г., «полиция Екатеринодара составлена из чинов, вообще не соответствующих целям учреждения оной, обязанности ее слишком многосложны и требуют много условий от служащих как по письменной части при разборе жалоб, тяжб и производства следствий, так и в охранении благосостояния граждан»¹⁵⁸. Главная проблема такого состояния дел крылась в довольно низком содержании полицейских, как и в целом по России, особенно нижних чинов: например, писарь получал 3,5 руб. в месяц¹⁵⁹. В других городах Кубани штат полиции был еще скромнее, например: в Ейске – полицмейстер, пристав, помощник пристава и письмоводитель; в Темрюке – полицмейстер и его помощник; в Майкопе – полицейский пристав¹⁶⁰.

12 января 1887 г. Александр III утвердил мнение Государственного Совета «По проекту штата Екатеринодарской городской полиции»¹⁶¹, которым предусматривалось на ежегодное содержание полиции 30430 руб., в том числе

¹⁵⁵ ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 37. – № 39087.

¹⁵⁶ ГАКК. – Ф. 723. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 17-31.

¹⁵⁷ ГАКК. – Ф. Р-1700. – Оп. 1. – Д. 2905. – Л. 35.

¹⁵⁸ ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2425. – Л. 1.

¹⁵⁹ ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2905. – Л. 35.

¹⁶⁰ Тарасов А.В. Реформа расследования преступлений в Российской империи XIX века и ее особенности на Кубани. – Краснодар, 2003. – С. 124.

¹⁶¹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 7. – № 4164.

из средств города 19212 руб., а из государственного казначейства временно – 11218 руб., причем, с таким расчетом, чтобы «последняя сумма уменьшалась ежегодно на одну пятую часть, с соответственным сему увеличением суммы, расходуемой городом; по истечении же пяти лет, весь расход на Екатеринодарскую полицию покрывать из городских доходов полностью». В этой связи был составлен график движения средств из казны на указанный срок: 1887 г. – 11218 руб., 1888 г. – 8974 руб. 40 коп., 1889 г. – 6730 руб. 80 коп., 1890 г. – 4487 руб. 20 коп., 1891 г. – 2243 руб. 60 коп. Следовательно, с 1892 г. финансирование городской полиции должно было полностью осуществляться из бюджета Екатеринодара, что и произошло.

В штат Екатеринодарской городской полиции вошли: полицмейстер с содержанием 1440 руб. в год (жалованье 800 руб. + столовых 400 руб. + квартирных 240 руб.) и ему «на разъезды» 360 руб.; помощник полицмейстера с содержанием 1400 руб. (жалованье 800 руб. + столовых 360 руб. + квартирных 240 руб.); полицейские приставы – 4, с содержанием каждому по 650 руб. (жалованье 500 руб. + квартирных 150 руб.) и на «канцелярские издержки» каждому по 125 руб.; помощники приставов – 8, с содержанием каждому по 520 руб. (жалованье 400 руб. + квартирных 120 руб.); письмоводитель (он же бухгалтер) с содержанием 650 руб. (жалованье 400 руб. + столовых 130 руб. + квартирных 120 руб.); «на писцов и канцелярские расходы общего полицейского управления в городе» – 2 тыс. руб.; городских: старших – 10, с жалованьем каждому по 216 руб.; младших – 90, с жалованьем каждому по 180 руб. Таким образом, ежегодная сумма на содержание Екатеринодарской городской полиции составляла 30430 руб. при штате 115 человек. Наем помещений, включая отопление и освещение их, для «общего управления полиции, равно как для полицейских частей и городских», были отнесены на средства Екатеринодара¹⁶².

Как следует из официального документа, служебные обязанности городских (нижних чинов) в Екатеринодарской полиции состояли «в несении

¹⁶² ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 7. – Штаты и табели. – к № 4164.

постовой службы с целью наблюдения за тишиной, порядком и благочинием и для ограждения общей безопасности, посредством предупреждения и пресечения преступлений и устранения несчастных случаев». В связи с тем, что штатом городской полиции не предусматривались должности других нижних полицейских чинов (околоточных надзирателей, конных стражников, полицейских служителей и рассыльных), в «многосторонние» обязанности городских входили: «...ночные объезды по городу; явка на пожар для охраны имущества и содействия пожарной команде при тушении огня; конвоирование задержанных полицией и судебными местами в областную тюрьму, Полицейское Управление, Управление Отдела, Воинскому Начальнику, в камеры Мировых Судей и Судебных следователей; ежедневное вручение по городу массы повесток Мировых и Судебных Установлений как местных, так и иногородних; вручение окладных листов и извещений торговым и промышленным заведениям от Казенной Палаты и Податных Инспекторов по взносу разного рода казенных пошлин, квартирного и государственного налога и проч.; наряды в городской театр, цирк, маскарады, концерты, в увеселительные сады, на гулянья, парады, в церкви и проч.; дежурства при полицейских частях и кардегардиях; наряды от 5 до 10 городских в камеры Мировых Судей и Съезда во время разбора полицейских дел...; весьма обременительный розыск, при отсутствии адресного стола, разных лиц и вызов их в Полицейское Управление и в камеры Полицейских приставов для объявления им разного рода бумаг, поступающих из разных Правительственных учреждений России; вручение паспортов и других документов; при этом на обязанности городских, при отсутствии околоточных надзирателей, лежит наблюдение за санитарным состоянием города, а также и обязанности секретных агентов так называемой сыскной полиции» (в данном контексте под секретными агентами подразумевались филеры, осуществлявшие наружное наблюдение. – авт.). В заключение констатировалось, что «вся эта разнообразная деятельность 100 человек полицейских городских на громадной территории города настолько переутомляет их, что они становятся

неспособными к точному исполнению своих обязанностей, что вредно отражается на правильном течении наружной полицейской службы»¹⁶³. Такого рода реалии полицейской службы приводили к тому, что, например, в 1887–1892 гг. только пять городских Екатеринодарской полиции из ста прослужили 5 лет, остальные – не более 1 года. В течение 1898 г. уволились из полиции 164 городских, а вновь поступило на службу – 172¹⁶⁴. Причина подобной ротации кадров крылась в низком материальном содержании нижних чинов, наряду с тяготами полицейской службы, отсюда и низкая профессиональная подготовка городских. В этой связи, характерно донесение полицмейстера Майкопа, подьесаула М.А. Левитеса начальнику Кубанской области от 1 мая 1907 г.: «...до 1 мая у меня было городских 50 человек, а в настоящее время ввиду наступления полевых работ, многие из них, не пожелав остаться на жаловании 15 рублей в месяц, оставили службу в полиции и в данное время я имею лишь 38 городских, которые и обслуживают весь город с его 40-тысячным населением. При таком незначительном штате охрана всего города, в особенности в ночное время, представляется весьма трудной задачей». На этом основании М.А. Левитес ходатайствовал «о командировании в Майкоп сотни казаков, т.к. одно лишь присутствие конной части в городе может сдерживать все порывы необузданности местных обывателей»¹⁶⁵.

11 июня 1892 г. было Высочайше утверждено «Городовое Положение», порядок действия которого применялся и для городов Кубанской и Терской областей. В ст. 138, помимо прочих, указывались предметы расходов «на средства городского поселения»: «6) ...по содержанию чинов полиции, снабжением их провиантом, амуницией, вооружением и квартирным довольствием, согласно действующим штатам и росписаниям, а также пользование сих чинов в больницах; 7) Устройство или наем помещения для местного Полицейского Управления (где оно учреждено отдельно от Уездного), с отоплением и освещением». А ст. 140 предписывала: «При взимании

¹⁶³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 719. – Л. 10-11.

¹⁶⁴ Ратушняк В.Н. Реорганизация Кубанской полиции в 1860–1890-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 4. – С. 30.

¹⁶⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 93-93об.

городских сборов и производстве расходов из городских сумм в руководство принимается смета»¹⁶⁶. Позднее канцелярия Наместника на Кавказе разъясняла, что «города Терской и Кубанской областей, в коих введено Городовое Положение 11 июня 1892 г., переданы, на основании Высочайше утвержденного 16 апреля 1902 г. мнения Государственного Совета, в ведение МВД лишь в отношении городского хозяйства, почему переписка по делам городской полиции должна быть направляема по Окружному Штабу»¹⁶⁷.

Острое обострение криминальной обстановки в Екатеринодаре в начале XX в. позволило городским властям увеличить штат полиции: летом 1904 г. численность городских выросла до 160 человек, причем 100 городских получали содержание за счет расходов «на средства городского поселения», т.е. из городского бюджета, а 60 – от частных лиц¹⁶⁸. В Майкопской полиции, за счет денежных средств частных лиц, штат был увеличен на 25 пеших и 15 конных нижних чинов полиции, а также повышены содержание старшим и младшим городовым¹⁶⁹. Тем не менее, Майкопский полицмейстер М.А. Левитес сетовал начальнику Кубанской области на «все возрастающую преступность, бороться с которой, как я несколько раз доносил, нет возможности за малочисленностью штата чинов вверенной мне полиции»¹⁷⁰.

В соответствии с «Учреждением управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа», утвержденного 21 марта 1888 г. императором Александром III¹⁷¹, к началу XX в. система административно-полицейской власти на Кубани выглядела следующим образом. Во главе ее находился начальник Кубанской области (он же наказной атаман Кубанского казачьего войска) с Областным Правлением. Среднее звено составляли полицмейстеры пяти городов – Екатеринодара, Майкопа, Ейска, Анапы, Темрюка, и атаманы семи отделов – Екатеринодарского, Майкопского, Ейского, Темрюкского (с 1910 г. – Таманского), Лабинского, Кавказского и

¹⁶⁶ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8708.

¹⁶⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 379. – Л. 19-19об.

¹⁶⁸ Кубанские областные ведомости. – 1904. – 17 июля.

¹⁶⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 271об.

¹⁷⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 272. – Л. 72-72об.

¹⁷¹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 8. – № 5077.

Баталпашинского, в подчинении которых находились участковые начальники. И, наконец, нижнее звено – станичные и хуторские атаманы, волостные и аульные старшины.

Кубанская область по административной и полицейской части находилась в ведении Военного министерства, но как административно-территориальная единица, входила в состав Кавказского края (Бакинская, Елисаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Черноморская и Эриванская губернии; Батумская, Дагестанская, Карская и Терская области; Закатальский и Сухумский округа), которым руководил Наместник Его Императорского Величества на Кавказе (дислоцировавшийся в Тифлисе), назначаемый императором и непосредственно ему подчинявшийся в соответствии с Именным указом Николая II от 26 февраля 1905 г. «О восстановлении должности Наместника Кавказского»¹⁷². По гражданской части Наместник был подведомствен МВД, а по военной, будучи по должности еще и командующим Кавказским военным округом, а также «Войсковым Наказным Атаманом Кавказских казачьих войск», – Военному министерству. Согласно Именному указу от 3 мая 1905 г. «О предоставлении Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе новых полномочий», власть главы Кавказа еще более расширилась: ему была предоставлена бóльшая независимость по отношению к центральным органам власти, а по своему статусу Наместник приравнивался к министрам¹⁷³. На этот ответственный пост в самый разгул революционных волнений Николай II назначил ближайшего сподвижника своего отца, покойного императора Александра III, графа И.И. Воронцова-Дашкова, который считал, что «Кавказ – это величина совершенно особого рода». Эта мысль легла в основу его деятельности и политики на посту главы Кавказской администрации¹⁷⁴.

В свою очередь, начальник Кубанской области (как губернатор) по гражданской части подчинялся МВД, а по военной (как командир дивизии) – Военному министру, однако не иначе как через Кавказское наместничество.

¹⁷² ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – № 25891.

¹⁷³ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – № 26166.

¹⁷⁴Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005. – С. 150.

Такой принцип двойного подчинения в громоздкой системе властной вертикали неизменно приводил к бюрократизации и рутинности управления государственного аппарата, в данном случае – на Кавказе.

В начале XX в. на Кубани сложилась крайне неблагоприятная оперативная обстановка, которая определялась рядом факторов – экономическим, социальным, политическим, криминогенным, идеологическим и др. Одним из них являлся приток в область иногородних, главным образом рабочих, прибывающих из центральных регионов страны на заработки. Кубань представлялась им бескрайним источником естественных богатств с дефицитом рабочей силы. Так, только в 1902 г. таких рабочих было около 90 тыс. человек¹⁷⁵. Другой поток мигрантов составляли лица, прибывающие в регион с криминальными целями. В период с 1898 по 1913 гг. численность населения Кубани выросла на 62%, а число осужденных за совершение преступлений – почти на 93%. В 1900 г. в Екатеринодарском судебном округе, охватывающем Кубанскую область и Черноморскую губернию, проходило 6135 дел, в том числе о преступлениях «против телесной неприкосновенности» – 1523 (24,8%), кражи – 1405 (22,9%), насильственное похищение чужого имущества – 509 (8,3%), убийства – 388 (6,3%), служебные – 350 (5,7%), «против женской чести» – 331 (5,4%)¹⁷⁶.

В целях усиления борьбы с преступностью на Кубани весной 1900 г. начальник Кубанской области (1892–1904), генерал-лейтенант Я.Д. Малама направил ходатайство в штаб Кавказского военного округа о выделении кредита «на расходы по розыску преступников» в размере 1 тыс. руб. При этом он ссылаясь на прецедент 1891 г., когда ему была выделена аналогичная сумма для «розыска преступников, ограбивших почту в селении Армавир». Однако ему было отказано главноначальствующим Кавказской администрации (1896–1905) Г.С. Голицыным, который «изволил заметить, что в положении одинаковом с Кубанской областью находятся и другие губернии Закавказья и

¹⁷⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2988. – Л. 83-92.

¹⁷⁶ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1900 год. – СПб., 1901. – С. 127.

Терская область, которым однако всем подобные отпуска произведены быть не могут; в таком же положении и другие губернии внутренней России, а между тем им для этой цели особых отпусков не производится». Вместе с тем, Г.С. Голицын признал возможным выдавать «денежное вознаграждение только лицам, способствовавшим раскрытию важных преступлений, по получению об этом мотивированного и подробного представления»¹⁷⁷.

В связи с сохраняющейся напряженной обстановкой в регионе 15 февраля 1902 г. из Главного управления Казачьих войск Военного министерства было отдано распоряжение начальнику Кубанской области: «В целях однообразия мер, принимаемых против уличных беспорядков, Военный министр приказал принять к сведению» циркуляр МВД № 6050 от 3 декабря 1901 г. «О предупреждении и пресечении уличных беспорядков»¹⁷⁸. В самом циркуляре, подписанном министром внутренних дел Д.С. Сипягиным, в декларативной форме предписывалось принятие «самых решительных мер к предупреждению и немедленному прекращению уличных беспорядков и к быстрому наложению надлежащих взысканий на виновных в производстве таковых», дабы «избавить меня от тяжелой обязанности всеподданнейше докладывать Его Императорскому Величеству о недостаточной распорядительности»¹⁷⁹. Характерно, что в циркуляре не указывались ни силы и средства, необходимые для задействия, ни конкретные меры, принимаемые для ликвидации волнений, что свидетельствует о недопонимании министром, как, впрочем, и высшей властью, всей серьезности ситуации, вышедшей из-под контроля в целом по России. Отрезвление пришло достаточно быстро: 2 апреля 1902 г. террорист-эсер С.В. Балмашев убил министра внутренних дел Д.С. Сипягина¹⁸⁰. В период 1901–1911 гг. только жертвами боевиков партии социалистов-революционеров стали: 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и

¹⁷⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 326. – Л. 6-6об.

¹⁷⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 1.

¹⁷⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 2-3об.

¹⁸⁰ Известные теракты /Авторы-сост. Д.В. Нестерова, А.В. Нестерова, О.В. Шумахер. – М., 2003. – С. 188.

вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников¹⁸¹.

Между тем, выполняя распоряжение Военного министерства, 3 апреля 1902 г. начальник Кубанской области Я.Д. Малама издал «Обязательное постановление», где, в частности, указывалось: «1. Воспрещается не только всякие сходбища и собрания на улицах, площадях и прочих общественных местах и частных домах для совещаний и действий, против общественного порядка и спокойствия, но и всякие, невызываемые необходимостью, остановки и сборища на тротуарах, улицах и площадях независимо цели таковых сборищ. 2) Участники всех сборищ обязаны разойтись по первому требованию полиции». В случае неповиновения требованиям полиции, все задержанные, «несмотря на их звание и положение», препровождались в ближайшее «полицейское учреждение»¹⁸². Как показывает дальнейшее развитие событий, указанные меры успехом не увенчались. В октябре того же года Екатеринодарский полицмейстер, есаул В.Е. Черник доносил начальнику Кубанской области Я.Д. Маламе, что «в последнее время, по случаю окончания полевых работ, времени заручений и свадеб, а также призыва новобранцев, драки уличников (хулиганов. – авт.) участились, и уличники стали до того дерзки и смелы, показывая этим свое удалство, что никакие меры наличной полиции не могут предотвратить их». В этой связи В.Е. Черник взывал об оказании помощи городской полиции в охране общественного порядка силами конных казачьих разъездов¹⁸³. В середине апреля 1903 г. он вновь доносил, что в праздничные пасхальные дни «толпа уличников не давала проходу публике, врывалась во дворы жителей, била им окна» и опять просил в помощь конные разъезды для наведения порядка¹⁸⁴. Такого рода правонарушения хулиганствующей молодежи Екатеринодара, несмотря на всю озабоченность полицейского начальства, не шли ни в какое сравнение с теми

¹⁸¹ Рязанов Д.В. Российская полиция и ее методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века) // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8. – С. 41.

¹⁸² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 4-4об.

¹⁸³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 3070. – Л. 40.

¹⁸⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 3070. – Л. 42-43.

широкомасштабными волнениями, которые очень скоро охватили Кубанскую область.

Революционные выступления в России, начавшиеся в конце XIX в., в конечном итоге вылились в Первую русскую революцию 1905–1907 гг., которая стала огромным бедствием для Кубани и инициировала значительный рост убийств, грабежей, разбоев и краж. Характерно, что убийства носили не только криминальный, но и политический характер. Грабежи и разбои прикрывались политическими лозунгами и революционной риторикой. Отвлечение сил полиции на сохранение общественного спокойствия и безопасности, развязывало руки криминалу¹⁸⁵. Так, например, в приказе № 206 по Майкопской городской полиции от 14 ноября 1905 г. указывалось, что «чины полиции, по обязанности их охранения порядка и общественного спокойствия, должны быть осведомлены обо всех готовящихся беспорядках и принимать меры к воспрепятствованию таковых в самом начале их возникновения, не допуская их развития. При прекращении беспорядков, полиция не должна ограничиваться одним удалением с места нарушителей такового, а обязана выяснить как зачинщиков и руководителей, так и наиболее выдающихся участников беспорядков, для преследования этих лиц»¹⁸⁶.

В период 1905–1907 гг. в Кубанской области произошло 730 выступлений. Наибольшая активность наблюдалась в Лабинском, Темрюкском, Кавказском отделах, в местах крупных сельских хозяйств, табачных плантаций и железнодорожных узлах.¹⁸⁷ Новым явлением было совместные выступления казаков и иногородних крестьян. Так, если в 1905 г. казаки 19 станиц области участвовали в 29 выступлениях, то в 1906 г. – 39 станиц принимали участие в волнениях¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 2002. – С. 420-421.

¹⁸⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3160. – Л. 217об.-218.

¹⁸⁷ Рассказов В.Л., Рассказов Л.П. - Деятельность полиции Кубани в условиях резкого обострения криминальной ситуации 1905-1907 гг. / Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г. № 52. С. 264-269.

¹⁸⁸ История Кубани. – С. 162.

В феврале 1905 г. новый начальник Кубанской области (1904–1906), генерал-лейтенант Д.А. Одинцов обнародовал «Объявление от Начальника Кубанской Области»: «В виду возникновения в Екатеринодаре уличных беспорядков и необходимости прибегнуть для прекращения их к действию военной вооруженной силы, прошу благонамеренных обывателей не входить в соприкосновение с производящей беспорядки толпой и, по возможности, не выходить без особой надобности из своих квартир, т.к. при действии войск оружием могут пострадать невинные, не принимающие участия в беспорядках...»¹⁸⁹.

Между тем, по своим масштабам революционные волнения охватили фактически всю территорию Кавказа. 30 марта 1905 г. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков обратился к населению Кавказского края: «К сожалению, мне приходится вступить в отправление своих обязанностей в то время, когда ежедневно получают вести о нарушении благополучия, о смутах, грабежах и всякого рода насилиях. ...Ко всем обывателям без различия веры и национальности обращаюсь за содействием к благополучному устройению родной страны. Для введения в край порядка мирным путем необходима помощь всех общественных сил. Я верю в народную мудрость и убежден, что беспокойная часть населения не выдержит дружного общественного напора благомыслящего громадного большинства»¹⁹⁰. Учитывая сложную обстановку, 18 июня 1905 г. начальник Кубанской области Д.А. Одинцов отдал распоряжение, согласно которому «в виду тревожного времени, требующего усиленной и энергичной деятельности со стороны чинов полиции, отпуска этим чинам будут разрешаемы им лишь в особых случаях и только по болезни, по представлении медицинских свидетельств»¹⁹¹.

С опубликованием 17 октября 1905 г. Манифеста Николая II «Об усовершенствовании Государственного порядка», провозгласившего введение в

¹⁸⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 5-а.

¹⁹⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3180. – Л. 244.

¹⁹¹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3160. – Л. 154.

стране политических прав и свобод¹⁹², на Кубани, как и в целом в России, началась эскалация социальной напряженности: в Екатеринодаре, Армавире, Майкопе, Ейске, Гулькевичах, Кавказской, Тихорецкой и т.д. прошли демонстрации, митинги, стачки, забастовки и даже вооруженные восстания. Оппозиции противостояли органы общей и политической полиции, войсковые и казачьи формирования¹⁹³. 18 октября Николай II объявил всем чинам полиции Российской империи благодарность «за их беззаветно-верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах»¹⁹⁴. А 21 октября с очередным призывом к населению Кавказа обратился И.И. Воронцов-Дашков: «...Высочайший манифест, который открыл государству зарю свободы, в то же время повелевает властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий. Призывая население к спокойствию и обращению к мирному труду и занятиям, я убеждаю его избавить от грустной необходимости обращаться к представленным мне законом крутым мерам в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащему на каждом долге»¹⁹⁵.

В октябре – ноябре 1905 г. в Екатеринодаре проходили антиправительственные манифестации, сопровождаемые погромами зданий и магазинов в центре города. В результате столкновений между толпой и полицией были жертвы с обеих сторон¹⁹⁶. 17 декабря начальник Кубанской области Д.А. Одинцов издал «Обязательное постановление для местностей Кубанской области, объявленных в положении усиленной охраны», в котором, в частности, указывалось:

«1. Сходки и собрания (митинги) в общественных и городских домах, в садах, скверах, на улицах и площадях без дозволения местной полицейской власти, а также всякие вообще сборища, нарушающие правильное уличное движение трамваев, экипажей и пешеходов, – воспрещаются.

¹⁹² ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – № 26803.

¹⁹³ Трехбратов Б.А. Указ.соч. – С. 354-356.

¹⁹⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3180. – Л. 547.

¹⁹⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3180. – Л. 509.

¹⁹⁶ ГАКК. – Ф. 584. – Оп. 1. – Д. 199. – Л.246-248.

2. Участники всех вышеупомянутых сходок, собраний и сборищ обязываются разойтись по первому требованию полицейской власти.¹⁹⁷

3. Воспрещается употреблять какие бы то ни было угрозы и насилия по отношению к служащим и рабочим с целью прекращения занятий и работ в правительственных и общественных учреждениях, на фабриках, заводах, в промышленных, торговых и тому подобных заведениях»¹⁹⁸.

В этот период полиция Екатеринодара, совместно с Кубанским областным жандармским управлением, уже были не в состоянии обеспечить охрану правопорядка и безопасности: в конце декабря 1905 г. в областной центр были вызваны войска¹⁹⁹. Примечательно, что во время накала массовых беспорядков и волнений, согласно донесениям Екатеринодарского полицмейстера В.Е. Черника, не последовало всплеска уголовных преступлений: к числу «важнейших» были отнесены лишь убийство жандармского унтер-офицера в ходе уличной драки между новобранцами и погром в гостинице «Турция». Прочие же преступления были связаны с конокрадством, кражами крупного рогатого скота и средствами передвижения²⁰⁰. Делами же о государственных преступлениях ведало Кубанское областное жандармское управление – местный орган политического розыска.

Было не спокойно и в других городах Кубани. Так, 13 августа 1906 г. около тысячи жителей Темрюка окружили городское полицейское управление с требованием освободить из местной тюрьмы арестованных земляков и избили Темрюковского полицмейстера И.М. Статкевича и нескольких полицейских. Освободив арестованных, толпа прошла по городу с революционными песнями. Местная полиция была деморализована и на улицах не появлялась. Только 6

¹⁹⁷ Рассказов В.Л., Рассказов Л.П. – Полиция Кубани в период первой революции (1905-1907). / Аграрное и земельное право 2015, № 3 (123), С. 47-54.

¹⁹⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 1065. – Л. 1.

¹⁹⁹ Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Г.Т. Чучмай. – Краснодар, 1956. – С. 16.

²⁰⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3175. – Л. 1-2.

сентября прибывшая в Темрюк рота солдат выстрелами из винтовок в воздух и штыками разогнала бесчинствующую толпу и остановила беспорядки²⁰¹.

В связи с указом Николая II «Об объявлении Кубанской области на военном положении» от 30 октября 1906 г., предоставившим особые полномочия главе региона «по охранению государственного порядка и общественной безопасности»²⁰², начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «О местностях, объявляемых на военном положении» от 18 июня 1892 г., наделялся правами «Временного Генерал-Губернатора области», как то: передавать в военный суд дела «о всяких преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, для суждения виновных по законам военного времени»; «требовать рассмотрения при закрытых дверях в судах гражданского ведомства судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка»; «воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении»; «высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения»²⁰³.

Еще 20 сентября 1906 г. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков в своем циркуляре главам регионов Кавказского края указывал на недостатки в борьбе с преступностью. В частности, «в преследовании разбойников со стороны уездных властей замечается отсутствие надлежащей энергии, планомерности и согласованности; полицейские власти, вместо окончательного истребления шаек, ограничиваются лишь паллиативными мерами; не используются все те надежные элементы населения, содействие которых было бы очень полезным для истребления разбойников и установления

²⁰¹ Милованов С.В. Между двух революций. Деятельность Темрюкской городской полиции против революционного подполья в 1905–1917 гг. // Вестник архивиста Кубани. – 2014. – № 9. – С. 95.

²⁰² ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26. – № 28503.

²⁰³ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8757.

спокойствия». В связи с этим, было предписано ежемесячно представлять отчеты о результатах мероприятий «по искоренению разбоев»²⁰⁴.

Во исполнение указаний, циркуляром от 3 ноября 1906 г. временный генерал-губернатор Кубани (1906–1908), генерал-майор Н.И. Михайлов обязал полицмейстеров городов и атаманов отделов принять все меры для наведений порядка и ежемесячно докладывать о состоянии борьбы с преступностью на местах. Так, например, Ейский полицмейстер Е.Т. Ромащук 5 декабря 1906 г. в своем отчете рапортовал, что «для искоренения разбоев мною приняты следующие меры: приставам частей города назначаются из городских ночные обходы, которые проверяются чиновниками полиции, ежедневно, как только начинает темнеть и до закрытия всех магазинов и торговых мест, к корпусу лавок и торговых заведений назначаются усиленные наряды городских с дежурным чиновником. Все эти наряды проверяются мною лично. Случаев разбоев в течение минувшего ноября в гор. Ейске не было»²⁰⁵. Майкопский полицмейстер М.А. Левитес также докладывал 17 декабря 1906 г. о принятии «самых энергичных мер, благодаря чему, в последнее время преступники того или иного преступления или проступка стали задерживаться с поличным и, таким образом, нести заслуженное по закону наказание». Между тем, «главную причину не обнаружения виновных» М.А. Левитес видел в том, что «полицейскому чиновнику, по большей части обремененному семьей и получающему недостаточное содержание для себя и семьи, как например в гор. Майкопе пристав получает жалованья в месяц 36 руб. 75 коп., а его ближайший помощник – околоточный надзиратель – 28 руб. 58 коп., не представляется возможности, за неимением средств выехать по горячим следам преступника, скрывшегося из города. Письменные же сообщения о задержании его мало достигают желанной цели. Нет в моем распоряжении и тех денежных сумм, коими я мог бы снабжать чиновников при нуждах по сыскной части»²⁰⁶. Впрочем, довольно скоро, «благодаря сочувствию надежного элемента города»,

²⁰⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 1.

²⁰⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 8.

²⁰⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 15-16.

были собраны денежные средства на содержание 15-ти городских сверх штата и одного сыщика, который, будучи «вполне обеспеченным материально», по мнению М.А. Левитеса, «работает с полным усердием и добывает своевременно необходимые сведения»²⁰⁷.

Не менее драматичная ситуация складывалась и в Темрюке: полицмейстер, подьесаул Д.С. Захаров (будущий Екатеринодарский полицмейстер) доносил, что «по смете на 1906 год, из городских сумм ассигнованы деньги на содержание 21 городского, считая каждому по 15 руб., а одному старшему [городовому] 20 руб. в месяц. ...при трудности полицейской службы и дороговизне жизненных припасов, действительно не представляется возможности иметь порядочных и надежных городских»²⁰⁸.

Ситуация в сельских местностях Кубани была также сложная. Так, атаман Кавказского отдела, генерал-майор И.Н. Братков доносил, что «кражи, грабежи и убийства продолжаются. Видно, что народ до сего времени не может прийти к сознанию, что он сам, помимо полиции, должен охранять свое имущество, помогая ей в этом, т.к. одной полиции, по ее малочисленности, нет возможности точно выполнять свои служебные обязанности»²⁰⁹. Ему вторил и атаман Лабинского отдела, полковник С.Д. Семеновский: «Обращаясь к вопросу о результатах деятельности наемной из местных жителей стражи, так называемой милиции, функционирующей третий месяц, скажу, что таковая не оправдывает возлагаемой на нее надежды, ибо она, не будучи сколько-нибудь организованной, не находится под контролем общей полиции»²¹⁰. Атаман же Екатеринодарского отдела, генерал-майор В.П. Савицкий предписал станичным атаманам и сельским старостам «иметь незаметное для людей порочного поведения и подозрительных, наблюдение за этими людьми и вообще пользоваться всеми теми средствами, какие по местным обстоятельствам будут признаны действительнейшими и удобнейшими»²¹¹. Справедливости ради

²⁰⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 26.

²⁰⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3344. – Л. 6.

²⁰⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 11-13.

²¹⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 67-68.

²¹¹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 29-29об.

заметим, что Кубанское областное правление, в ответ на жалобы о недостаточности полицейских сил в сельских местностях, циркулярно оповестило атаманов отделов, что льготные офицеры Кубанского казачьего войска могут привлекаться к несению полицейских обязанностей на местах, «где это потребуется в интересах службы»²¹².

С начала 1907 г. отчеты полицмейстеров и атаманов отделов Кубани в Канцелярию начальника области стали направляться еженедельно. Например, Майкопский полицмейстер уведомлял Канцелярию, что «в гор. Майкопе с 4 по 11 марта явлений политического характера и вообще событий заслуживающих внимания не наблюдалось»²¹³. В свою очередь, обобщив все сведения по Кубани, начальник области докладывал в штаб Кавказского военного округа и Особый отдел канцелярии Наместника на Кавказе²¹⁴.

В целях достижения стабильной ситуации в Екатеринодаре, 6 сентября 1907 г. временный генерал-губернатор Кубани Н.И. Михайлов созвал экстренное совещание «по выработке мер борьбы с террористическими актами и увеличившейся преступностью вообще», на котором присутствовали не только чиновники аппарата, но и представители городского купечества и мещанства. Глава Кубани предложил сформировать в городе сыскную часть, увеличить число городских и снабдить полицию современным вооружением²¹⁵. Уже на следующий день, 7 сентября 1907 г., Екатеринодарская городская дума рассмотрела вопрос о мерах борьбы «с все учащающимися случаями так называемых экспроприаций и происходящими на этой почве убийствами». По результатам обсуждения было признано необходимым: 1) организовать «вооруженных полицейских стражников в количестве ста душ, считая по 1 стражнику на два квартала», с содержанием 240 руб. в год каждому; 2) «учредить временно для дневной охраны города и преследования преступников 10 должностей полицейских урядников, с содержанием по 600 руб. в год, и 50 городских, с содержанием по 240 руб. в год каждому»; 3) «организовать

²¹² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 594. – Л. 2-2об.

²¹³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 95.

²¹⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 297.

²¹⁵ Кубанские областные ведомости. – 1907. – 11 сентября.

сыскную часть в таких размерах, чтобы расходы на нее не превышали 5000 руб. в год»; 4) для финансирования проекта «установить сбор в общей сумме 30000 руб. со всех домовладельцев, имущество которых оценено для взимания оценочного сбора в 1000 руб. и выше»²¹⁶. 13 сентября Н.И. Михайлов утвердил решение городской думы и разрешил «совместно с полицмейстером приступить к реорганизации ночной охраны и организации денного полицейского надзора»²¹⁷, а через два дня было опубликовано «Обязательное постановление, изданное Временным Генерал-Губернатором Кубанской области на основании п. 1 ст. 19 Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении». В нем, в частности, устанавливался сбор в сумме 30 тыс. руб., причем оговаривалось, что «деньги, следуемые с домовладельцев, вносятся ими в кассу Городской Управы в срок по ее указанию». Особо подчеркивалось, что «в случае несвоевременного взноса денег, таковые взыскиваются мерами полиции в беспорядном порядке, а неисправные плательщики подвергаются заключению в тюрьме на время до 3 месяцев или штрафу до 3000 рублей»²¹⁸.

24 сентября 1907 г. последовал приказ № 285 по Кубанской области об учреждении 10-ти должностей пеших полицейских урядников и 50-ти пеших стражников «для ночной и дневной охраны гор. Екатеринодара». Полицмейстер города наделялся правом «назначать лиц на эти должности и увольнять их со службы»²¹⁹. Это формирование носило временный характер, не являясь штатным, и в окончательном варианте включало в себя 60 человек. Для утверждения приказ временного генерал-губернатора Кубани был направлен Наместнику на Кавказе с припиской, что «означенная мера принята ввиду неотложной необходимости, не допускающей ни малейшего промедления»²²⁰. Из канцелярии Наместника на Кавказе ответили согласием, разъяснив, что «временное усиление состава полиции на общегородские средства может быть

²¹⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 81-82.

²¹⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 83-83об.

²¹⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 87.

²¹⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 95.

²²⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 98.

осуществлено распоряжением Областного Начальства, без специального на то разрешения высшей власти»²²¹. 30 июня 1909 г., «в виду снятия военного положения в области», по распоряжению начальника Кубанской области, все чины Екатеринодарской полиции, «содержащиеся на средства, взыскиваемые с домовладельцев принудительным порядком», были уволены «по израсходовании взыскиваемых сумм»²²².

Отличительной особенностью рассматриваемого периода является тот факт, что во многом благодаря усердию чинов полиции, продолжавших выполнять свой долг, и принятым чрезвычайным мерам, количество краж, грабежей и разбоев на Кубани в период 1906–1908 гг. пошло на убыль. Как отмечалось в официальном документе, «несмотря на увеличение народонаселения и массу неблагоприятных условий в борьбе с преступностью, количество преступлений, наиболее угрожающих общественному и государственному спокойствию, уменьшается в быстрой прогрессии». Об этом свидетельствовала и статистика: в 1906 г. на Кубани было совершено 2783 краж, в 1907 г. – 2035, в 1908 г. – 1553. Сократилось и количество грабежей и разбоев, соответственно с 715 и 493 – в 1906 г. до 572 и 507 – в 1907 г., и 458 и 486 – в 1908 г. Однако констатировалось, что «неблагонадежный элемент совершает преступления с большой осторожностью, хитро маскирует свою деятельность, с большими уловками скрывает следы преступления; выработалась известная система способов совершения того или другого преступления»²²³.

В рассматриваемое время население Екатеринодара составляло 67 тыс. человек, при штате городской полиции 113 чинов и полицейских служителей, с содержанием 30284 руб. в год (при городском бюджете 527 тыс. руб.). В других городах Кубани статистика была несколько скромнее: Ейск – население 39 тыс. человек, штат полиции – 68, содержание 20795 руб. (при бюджете 345 тыс. руб.); Майкоп – население 37 тыс. человек, штат полиции – 29, содержание

²²¹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 112-113.

²²² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 157-158.

²²³ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 2-2об.

7973 руб. (при бюджете 117 тыс. руб.); Темрюк – население 15 тыс. человек, штат полиции – 25, содержание 8260 руб. (при бюджете 74 тыс. руб.); Анапа – население 8,5 тыс. человек, штат полиции – 21, содержание 7085 руб. (при бюджете 36 тыс. руб.)²²⁴. Таким образом, в Екатеринодаре на содержание полиции расходовалось 1/17 часть городского бюджета, также как и в Ейске, в Майкопе же – 1/15, в Темрюке – 1/9, а в Анапе – 1/5.

Особое внимание следует обратить и на то, сколькими жертвами, из числа должностных лиц административно-полицейского аппарата, удалось стабилизировать криминальную обстановку на Кубани (только в период с 1 мая 1906 г. по 1 января 1908 г.). Так, в Майкопе были убиты двое городских и член Майкопской городской управы; ранены – Майкопский полицмейстер, городской и письмоводитель полицейского управления. В Темрюке и Ейске ранены по одному городскому, в Анапе – убит городской; ранены городской и писец Анапской городской управы. В Лабинском отделе погибли атаман отдела, полковник Н.И. Кравченко, полицейский урядник, жандармский унтер-офицер, судебный пристав и представитель «сельских властей»; ранены – двое городских и полицейский урядник. В Кавказском отделе был убит старший городской, а в Майкопском – дежурный станичного правления. В Темрюкском отделе погибли трое казаков, осуществлявших охрану общественного порядка. В других отделах обошлось без жертв²²⁵. Столица Кубани понесла наиболее ощутимые потери. 21 сентября 1907 г. был убит правитель канцелярии начальника Кубанской области С.В. Руденко по пути на службу, а 15 февраля 1908 г. – директор народных училищ Г.М. Шкиль в своем кабинете. При исполнении служебных обязанностей погибли: 20 июля 1907 г. помощник Екатеринодарского полицмейстера Г.С. Журавель, 21 декабря 1907 г. пристав 1-й части города И.Т. Величко и 9 марта 1908 г. назначенный вместо него С.И. Кузнецов, 29 августа 1907 г. помощник пристава 2-й части И.Г. Боняк. Из числа нижних чинов Екатеринодарской полиции были убиты контролер ночных

²²⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 8.

²²⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5191. – Л. 2, 6-7, 9-15об., 17, 20, 23-24, 26-28, 30.

сторожей Е.Ф. Захарченко, ночной стражник О.Т. Голиков, старший городской П.С. Зинченко, младшие городовые Е.И. Вдовенко и И.Г. Ковалев. Еще один городской был ранен²²⁶. Временный генерал-губернатор области в этот период неоднократно получал анонимки с угрозами убийства, в случае если не будет отменено военное положение на Кубани²²⁷. Общероссийская газета «Речь» в статье «Екатеринодар. Общественная жизнь» живописала в январе 1908 г.: «До введения военного положения в Кубанской области было относительно тихо, а с введением этого положения настал ужас. Началось с убийства помощника полицмейстера Журавля. Затем среди бела дня и безнаказанно было совершено убийство правителя канцелярии Руденко. Потом пошли убийства и покушения на жандармов и городских, а недавно убит пристав Величко. Террор усилился ужасно и никакие казни не уменьшают его»²²⁸.

Анализ практики деятельности Екатеринодарской полиции в условиях резкого обострения криминальной ситуации свидетельствует об изрядном объеме работы, проделанной ее чинами. Так, только в 1907 г. по всем четырем частям городского полицейского управления принято к производству 95981 «бумага» (заявления, поручения, жалобы и т.п.), которые подлежали разрешению, и было задержано 7866 лиц. Наибольшая нагрузка легла на 1-ю полицейскую часть Екатеринодара: принято к производству 29045 «бумаг» и задержано 4086 человек (более половины задержанных в городе). Самый низкий показатель был у 4-й части: 16002 «бумаги» и 96 задержанных²²⁹. Таким образом, с учетом штата Екатеринодарской полиции в 115 классных и нижних чинов, включая и письмоводителя-бухгалтера, в среднем на каждого из них выходило более 834 «бумаги» в год (более двух каждый день) и 68 задержанных в год (более 5 человек ежедневно), помимо обеспечения охраны общественного порядка и безопасности, раскрытия преступлений, конвоирования задержанных и выполнения иных многочисленных функциональных обязанностей.

²²⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5191. – Л. 43-43об.

²²⁷ ГАКК. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 66.

²²⁸ Речь. – 1908. – 25 января.

²²⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 719. – Л. 12.

Давая анализ оперативной обстановки, сложившейся в столице Кубани в этот период, начальник Екатеринодарского охранного пункта, полковник Ф.А. Засыпкин полагал, что «слабая деятельность административной и полицейской власти и полное отсутствие политического розыска по гор. Екатеринодару привела к грандиозному накоплению преступного элемента, который, поощренный безнаказанностью, стал организовываться в различного наименования анархические и революционные группы, проявивших свою деятельность в целом ряде убийств различных лиц, грандиозного числа вымогательств денег с оружием в руках с угрозами смерти, разграблений казенных винных лавок, рядом вооруженных сопротивлений и, наконец, объявлении смертного приговора начальнику Кубанской области и стремлении привести в исполнение таковой»²³⁰.

Нельзя не привести и другую точку зрения относительно существовавших проблем в охране правопорядка. Незадолго до своей гибели от рук бандитов в центре Екатеринодара, правитель канцелярии начальника Кубанской области С.В. Руденко отмечал: «...если чины отделов и городских полиций в революционный период оказались, может быть, не вполне соответственными, то это произошло, главным образом, не столько от того, что чины эти вообще не соответствуют своему назначению, а благодаря недостаточности личного состава чинов полиции и несоответствия штатов современной жизни и предъявляемым к чинам полиции требованиям. Нельзя рассчитывать, чтобы полицейские должности, столь низко оплачиваемые, при массе обязанностей и трудности службы, соглашались занимать лица, которые по своей подготовке и другим качествам вполне соответствовали бы своему назначению»²³¹.

В таких сложных условиях, по мнению В.П. Бардадыма, «наказной атаман Н.И. Михайлов оказался бессилён в борьбе с террористами. Осознав это, он подал в отставку»²³². 23 января 1908 г. Наместник на Кавказе, граф И.И. Воронцов-Дашков писал императору Николаю II: «...Крайне тяжелое

²³⁰ ГАКК. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 113.

²³¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 651. – Л. 6-боб.

²³² Бардадым В.П. Атаманы. – Краснодар, 2009. – С. 305.

положение, в котором находится в настоящее время Кубанская область, где грабежи, насилия и самосуды сделались обыденным явлением – побудило меня войти с представлением к Военному Министру о безотлагательной замене Начальника Кубанской Области, генерал-лейтенанта Михайлова, другим лицом, т.к. главною причиною всего происходящего в Области, по моему мнению, является недостаточно умелое управление таковою названным генералом. Для замещения генерала Михайлова, выбор мой остановился на занимающем ныне должность губернатора Карской Области, генерал-лейтенанте Бабыч. Будучи природным казаком Кубанским, и прослужив в должности старшего помощника Начальника Кубанской Области семь лет – генерал Бабыч не только основательно знаком с условиями жизни и нуждами казачьего и неказачьего населения Области, но благодаря своему такту и отличным административным способностям – снискал всеобщую любовь и уважение как казаков, так и иногородних, среди которых имя его пользуется заслуженной популярностью. Кроме того, генерал Бабыч человек решительный, энергичный и способный; он это доказал в тяжелое время смут 1905-го года, когда, появляясь везде где только угрожала опасность – твердыми и решительными мерами предотвратил беспорядки и восстановил законную власть. ...я могу отвечать за спокойствие Края только в том случае, если не буду лишен возможности выбирать на столь ответственные должности, как должность Областного Начальника, лично мне известных администраторов, на которых я мог бы опираться в таком сложном деле, как управление Кавказским Краем. ...Повелите назначить Бабыча Наказным Атаманом на Кубани. Более подготовленного на эту должность лица я не знаю. Да едва ли имеется, а Бабычу верят казаки. И я ему верю»²³³. Стоит ли говорить, что после такой блестящей аттестации Николай II поддержал позицию И.И. Воронцова-Дашкова. С 3 февраля 1908 г. по 26 марта 1917 г. генерал-лейтенант (впоследствии – генерал-от-инфантерии) М.П. Бабыч являлся начальником

²³³ Цит. по: Елисеев Ф.И. Наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал Бабыч. 1844–1918. – Нью-Йорк, 1971. – С. 9-10.

Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска; до своего назначения – военный губернатор Карской области (1906–1908)²³⁴.

Буквально с первого дня М.П. Бабыч включился в работу. В это время Екатеринодарская городская дума продолжала искать пути оптимизации деятельности городской полиции по борьбе с преступностью. 25 и 27 февраля, а также 5 марта 1908 г. на заседаниях думы обсуждались вопросы «о реорганизации охраны города». В результате дебатов, «совещавшиеся пришли к признанию необходимости лучшей постановки Сыскной части, для заведования которой надо учредить должность 2-го помощника Полицмейстера». Помимо этого, было предложено обеспечить полицейских приставов «квартирными» по 300 руб. в год каждому. Принятое решение было закреплено журналом Екатеринодарской думы № 9²³⁵. Помимо этого, Екатеринодарский полицмейстер Д.С. Захаров доложил М.П. Бабычу, что «чины полиции по разнородности служебных обязанностей не могут всецело отдаваться сыскному делу и наружному наблюдению по охранению порядка и общественной безопасности», а поэтому «весьма желательно иметь сыскное отделение, деятельность которого может принести обществу большую пользу в целях розыска и предупреждения преступлений»²³⁶.

Таким образом, в начале XX в. на территории Кубанской области и в Екатеринодаре сложилась крайне взрывоопасная криминогенная ситуация, подпитываемая, с одной стороны, притоком иногородних рабочих из центральных губерний России с антимонархическими настроениями, а с другой – масштабными волнениями и беспорядками, вызванными революционными событиями 1905–1907 гг., охватившими практически весь патриархальный казачий регион. В условиях обострения оперативной обстановки, когда тяжкие преступления совершались уголовниками под прикрытием политических лозунгов, а все силы полиции были брошены на пресечение массовых уличных правонарушений, выявились слабые стороны органов охраны правопорядка и

²³⁴ Энциклопедический словарь по истории Кубани... – С. 36.

²³⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 17-18.

²³⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 719. – Л. 2-3.

безопасности, как то: стремительное отставание штатной численности полиции от реалий жизненной необходимости; крайне низкое материальное содержание полицейских, в особенности нижних чинов; их недостаточная профессиональная подготовка; слабое техническое оснащение полиции. В целях стабилизации ситуации и взятии ее под контроль местная и законодательная власти неоднократно принимали решения о выделении денежных средств из городского бюджета для финансирования вновь созданных временных полицейских подразделений и дополнительного стимулирования штатных чинов полиции. Несмотря на поддержку в этом вопросе начальника Кубанской области, в ряде случаев проблема встречала недопонимание в Кавказском наместничестве, в ведении которого по гражданской и военной части находилась Кубань как административно-территориальная единица. Наконец, остро давали о себе знать недофинансирование Департаментом полиции сыскной части в отделах области и отсутствие специализированного сыскного отделения в Екатеринодаре для предотвращения, пресечения и раскрытия уголовных преступлений. Хотя и с запозданием, но решение об учреждении такого подразделения, финансируемого на средства городского бюджета, было принято фактически накануне введения в действие общероссийского закона «Об организации сыскной части».

§ 2. Осуществление правовых и административно-полицейских мер по борьбе с преступностью в условиях обострения криминогенной обстановки (на примере Армавира)

Особой спецификой на Кубани в сфере охраны правопорядка и общественной безопасности отличалось селение Армавир, которое к началу XX в. стало крупным торгово-промышленным центром и транспортным узлом на Кубани, со своими специфическими месторасположением, административным устройством и смешанным населением, по многим показателям не уступающим городам региона, за исключением областного центра Екатеринодара. В истории не только Кубани, но и Северного Кавказа, Армавир занимает особое место: трансформация небольшого аула черкесских горских армян (черкесо-гаев) в крупный торгово-промышленный центр, не обладающий городским статусом и с конца XIX – начала XX вв. играющим важную роль в социально-экономической и культурной жизни региона, представляет собой феномен геополитических устремлений Российской империи на Кавказе.

В ходе Кавказской войны, 21 апреля 1839 г. на левом берегу р. Кубань, против крепости Прочный Окоп, русскими военными властями был основан безымянный аул, как укрепленное поселение, впоследствии названное Армавиром. Жителями аула была образована собственная милиция (вооруженная дружина), отряды которой осуществляли охрану не только поселения, но и участок российской границы от станицы Убеженской на юге до станицы Григориполисской на севере. В 1842 г. черкесо-гаи присягнули на верность России и в 1850 г. по собственному желанию ввели у себя воинскую повинность, которую несли в отрядах собственной аульской и горской милиции²³⁷. По словам видного кубанского историка и статистика дореволюционного периода Ф.А. Щербины, «армяне пришли в Армавир с готовыми торговыми навыками и репутацией искусных посредников. Они обладали коммерческими связями и солидными капиталами, имели лавки и

²³⁷ Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). – Армавир, 2002. – С. 50-58.

товары, вели сношения с торговцами других национальностей и были прекрасно осведомлены относительно торговых условий и обычаев разных местностей»²³⁸. Не последнюю роль в бурном развитии Армавира сыграла и Ростово-Владикавказская железная дорога, проложенная через аул, движение по которой открылось 2 июля 1875 г.: с севера на юг она пересекала восточную часть Кубанской области²³⁹.

После того, как в ноябре 1876 г. в ауле Армавир было введено волостное управление, он получил статус селения, а сельский сход из коренных домохозяев черкесо-гаев приобрел право избирать состав правления во главе со старшиной. В компетенцию сельского схода входили также различные общественные и хозяйственные вопросы внутренней жизни Армавира, утверждение местного бюджета, рассмотрение проблем благоустройства и т.п. Иногородние, несмотря на то, что с конца 1880-х годов они составляли большинство селян, к участию в сходах и, значит, к управлению Армавиром не допускались. В 1888 г. Армавир стал центром Лабинского отдела Кубани и местная сельская администрация была вверена атаману отдела, однако он, как правило, во внутренние дела селения не вмешивался, выполняя военно-полицейские и контрольные функции²⁴⁰.

В период с 1876 по 1911 гг. население Армавира увеличилось с 4603 до 37220 человек, т.е. в 8 раз. Как отмечал Ф.А. Щербина, «столь быстрый рост Армавира и широкий приток к нему иногороднего населения находился в тесной связи с осложнениями экономической жизни и с интенсивным развитием торговли»²⁴¹. С 1885 г. иногородние жители Армавира начали продвигать проект о преобразовании селения в город, но против этого решительно выступали коренные черкесо-гаи, опасавшиеся потерять свою власть и источники доходов. Законопроекты об обращении Армавира в город рассматривались в высших государственных инстанциях, но всякий раз

²³⁸ Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. – Екатеринодар, 1914. – С. 156.

²³⁹ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ.ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. – С. 339-340.

²⁴⁰ Ктиторев С.Н. Указ.соч. – С. 100-102.

²⁴¹ Щербина Ф.А. Указ.соч. – С. 162.

отклонялись, поскольку преобразование селения в город можно было осуществить лишь при согласии на это не менее 2/3 коренных жителей – черкесо-гаев²⁴². Подобный подход заставил Ф.А. Щербину высказать свою точку зрения: «Обращение Армавира в город велось годами и имеет свою историю, богатую не столько фактами заботливости об интересах коренного населения, сколько юридическими несообразностями и дефектами»²⁴³. Данный посыл является актуальным и верным еще и в свете проблем, связанных с реорганизациями полиции в Армавире, которые фактически осуществлялись в период с 1906 по 1917 гг., но так и не были завершены.

В начале XX в. Армавирская сельская полиция состояла из «временного пристава», содержащегося «на частные средства», а также трех полицейских урядников и полицейских служителей (городовых) в количестве 40 человек (с жалованьем по 15 руб. в месяц каждому), которые содержались «на средства сельского общества», причем расходы на «форменное платье» полицейские изыскивали из своего содержания²⁴⁴. Естественно, подобное финансирование полицейских не могло привлечь в их ряды безупречных служителей закона и профессионалов, что не было тайной и для армавирицев. В одной из многочисленных жалоб на имя начальника Кубанской области от 18 апреля 1902 г. указывалось, что в селении Армавир в присутствии полиции на базарной площади «обманным действием жулики выигрывают у посторонних лиц деньги, а в кабаке сохраняется шайка жуликов, которые в присутствии полиции вынимают из карманов деньги, потом обиженный заявляет полиции, они его выгоняют из будки и бьют»²⁴⁵. Такие случаи были не единичны.

Еще одной важной проблемой в рассматриваемое время являлись острые межнациональные отношения между коренными жителями Армавира и иногородними, которые зачастую выливались в столкновения. Так, в 1902 г. на второй день празднования Пасхи драка русских и черкесо-гаев обернулась массовыми беспорядками, для ликвидации которых были вызваны войска. 16

²⁴² Ктиторов С.Н. Указ.соч. – С. 126-127.

²⁴³ Щербина Ф.А. Указ.соч. – С. 165.

²⁴⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 14об.

²⁴⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 231. – Л. 9-10.

апреля атаман Лабинского отдела докладывал начальнику Кубанской области и наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанту Я.Д. Маламе, что «благодаря вчерашним насилиям со стороны русских, отношения армян, как коренных жителей, так и пришлых, к русским значительно обострились и при малейшем столкновении могут привести к более печальным беспорядкам, тем более, что на постройке второго железнодорожного пути находится много рабочих различных национальностей»²⁴⁶.

Укрепление полиции было возможным за счет учреждения постоянного ее штата, однако для этого необходимо было придание Армавиру статуса города. Такого положения добивался начальник Кубанской области Я.Д. Малама: на его отчете за 1902 г. императору «воспоследовала Высочайшая резолюция о необходимости скорейшего преобразования селения Армавир в город», причем Николай II собственноручно указал: «Следует поспешить»²⁴⁷. Между тем, как выше указывалось, процесс этот затянулся на долгие годы.

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. селение Армавир подверглось нашествию так называемых анархистов-коммунистов, отрицавших необходимость всякой государственной власти и проповедовавших идеи абсолютной свободы личности под лозунгом «Дух разрушающий есть в то же время и созидующий дух!» В Армавиру и ближайших поселениях по Ростово-Владикавказской железной дороге действовали бандитские группы «Интернационального союза Анархистов-коммунистов», «Договорного союза Анархистов-индивидуалистов» и «Группа Анархистов-коммунистов-террористов». Их деятельность не отличалась от способов и манер уголовников: главным образом они осуществляли вымогательства денег у крупных армавирских землевладельцев, промышленников, купцов, предпринимателей, других состоятельных персон, а также священнослужителей, угрожая им расправой. Поэтому не случайно к анархистам примкнуло немало уголовников, посчитавшим удобным

²⁴⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 231. – Л. 4.

²⁴⁷ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 4об.

закамуфлировать совершение уголовных преступлений политическими мотивами. В этот период в Армавире были убиты атаман Лабинского отдела Н.И. Кравченко, заведующий коннозаводством в имении «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля – Н. Гаген, угрожали расправой полицейскому уряднику Армавира В. Борисенко, в случае если тот не оставит службу²⁴⁸. Местная административно-полицейская власть проводила определенные мероприятия, направленные против разгула преступности. В качестве превентивной меры, все подозрительные лица, не имеющие документов и без определенных занятий, а также «порочные» лица («карманщики», воры, подозреваемые в разбоях) высылались из Армавира: к ноябрю 1906 г. – около 100 человек, к сентябрю 1907 г. – еще 26 коренных жителей и 37 иногородних²⁴⁹. Например, 9 декабря 1906 г. атаман Лабинского отдела, полковник С.Д. Семеновский докладывал начальнику Кубанской области Н.И. Михайлову о проводимых мероприятиях:

«1. Участковым начальникам, приставу селения Армавир, всем атаманам станиц, волостным старшинам и полицейским урядникам отдела предписано проверить все дворы вверенных их надзору районов.

2. Все притоны в селении Армавир, где могут скрываться неблагонадежные лица – секретные номера, прачечные, ночлежный дом, биллиардные – проверяются возможно часто.

3. Имевшие место в Армавире два случая нападения экспроприаторов преследуются по горячим следам. По последнему случаю арестовано 10 коммунистов-революционеров. Содержатся в Армавирской тюрьме, а дознание передано жандармским властям.

4. Для уменьшения и прекращения в Армавире случаев краж, грабежей и разбоев в помощь полиции назначено 40 человек конной стражи и на каждый квартал ночные караульные от жителей.

²⁴⁸ Энциклопедический словарь по истории Кубани... – С. 20-21.

²⁴⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 9-10, 142.

5. Делаются также всевозможные выемки и обыски подозрительных в политической благонадежности»²⁵⁰.

Однако начальник Кубанской области указывал атаману Лабинского отдела на «полную беспомощность в деле управления и надзора за селением Армавиром, в ущерб остальному населению отдела»²⁵¹. Объективности ради, все же заметим, что в других населенных пунктах отдела криминальная обстановка была на порядок стабильнее.

В это не простое время, 14 октября 1906 г. военный министр, генерал-лейтенант А.Ф. Редигер внес в Совет Министров представление «Об обращении селения Армавир, вопреки желанию сельского общества, в город», в котором испрашивалось ввести в Армавире «Городовое Положение» и подчинить «город в отношении городского общественного управления ведению Министра Внутренних Дел». Кроме того, предлагалось учредить в Армавире «особое полицейское управление, согласно особому штату». При этом, министр юстиции И.Г. Щегловитов, «не встречая возражений против введения в Армавире полицейского управления согласно выработанному Военным Министерством штату», высказал мнение, что представление подлежит удовлетворению «в законодательном порядке»²⁵².

В свою очередь, Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков, «не отрицая справедливости заявления Министра Юстиции относительно утверждения в законодательном порядке штата полицейского управления будущего города Армавира», тем не менее, указал, что «в этом отношении расширение вопроса о полиции должно находиться в соответствии с настоящим, из ряда вон выходящим, положением селения Армавир, созданным последними политическими событиями». Кроме того, он подчеркнул, что «служба надежным притоном для всевозможного рода преступников (грабителей, воров, убийц), селение Армавир требует особого за собой надзора и вызывает принятие настойчивых мер к искоренению в этом селении

²⁵⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 272. – Л. 9-10.

²⁵¹ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 4.

²⁵² РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 2-3об.

преступности и революционных проявлений, что при тех средствах, которые имеются в распоряжении областной администрации, и том составе полиции, как в политическом, так и в качественном отношении, предпринять решительно невозможно». В этой связи, Наместник на Кавказе «полагал бы необходимым теперь же, хотя бы временно, впредь до преобразования селения Армавир в город, ввести в нем полицейское управление по выработанному Военным Министерством штату, на счет казны, с возложением на Армавирское сельское общество расходов на содержание полиции»²⁵³. Принимая во внимание тот факт, что «осуществление этого мероприятия тормозится происками коренного армянского населения, проявляющего явно враждебное отношение ко всем вообще благим начинаниям местной администрации», граф И.И. Воронцов-Дашков ходатайствовал «о скорейшем внесении настоящего дела на рассмотрение в Совет Министров и об испрошении Высочайшего повеления на преобразование селения Армавир в город в порядке Верховного управления». На «всеподданнейшем докладе» Наместника на Кавказе «Об обращении селения Армавир в город», император Николай II оставил резолюцию: «Нужно удовлетворить»²⁵⁴.

Проект «Штата полицейского управления гор. Армавира» (при населении 22 тыс. человек и бюджете 96 тыс. руб.) представлял собой следующее: полицмейстер с содержанием 1275 руб. в год (жалованье 700 руб. + столовых 350 руб. + квартирных 225 руб.) и ему «на разъезды» 225 руб.; полицейские приставы – 2, с содержанием каждому по 650 руб. (жалованье 500 руб. + квартирных 150 руб.) и на «канцелярские расходы и разъезды» 800 руб.; помощники приставов – 2, с содержанием каждому по 520 руб. (жалованье 400 руб. + квартирных 120 руб.) и на «канцелярские расходы и разъезды» 400 руб.; письмоводитель (он же бухгалтер) с содержанием 650 руб. (жалованье 400 руб. + столовых 130 руб. + квартирных 120 руб.); на «наем писцов, канцелярские расходы по управлению, рассыльных и проч.» 1 тыс. руб. Итого: 6690 руб. в год

²⁵³ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 4.

²⁵⁴ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 4об.

на содержание классных чинов полиции. Кроме того, городовые: старшие – 9, с содержанием каждому по 180 руб.; младшие – 36, с содержанием каждому по 150 руб.; им на обмундирование каждому по 25 руб.; городской врач с содержанием 980 руб. (жалованье 600 руб. + столовых 200 руб. + квартирных 180 руб.); фельдшер с содержанием 200 руб. Итого: 9325 руб., а всего: 16015 руб. В примечании указывалось: «Из показанных в сем штате расходов – 6990 руб. отнести на счет Государственного Казначейства и 9 325 руб. на счет городских сумм гор. Армавира»²⁵⁵. Таким образом, ежегодно на содержание полиции в Армавире расходовалась бы 1/10 часть бюджета и по этим затратам Армавир находился бы между городами Кубани – Темрюком (1/9 часть) и Майкопом (1/15 часть).

Указанный штат Армавирской городской полиции получил одобрение Военного Совета, а затем был рассмотрен Государственным Советом и Советом Министров, однако «штаты эти не получили утверждения в виду не разрешения общего вопроса о преобразовании Армавира в город»²⁵⁶ и проблема осталась неразрешенной. 9 июля 1907 г. новый атаман Лабинского отдела, полковник Н.И. Кравченко, назначенный на должность 24 марта того же года, представил начальнику Кубанской области Н.И. Михайлову рапорт, в котором обстоятельно проанализировал природу возникновения проблем в сфере охраны правопорядка и безопасности. В частности, он указывал: «Селение Армавир, расположенное на пути железной дороги, значительно населенное и представляющее из себя центр торговых оборотов для большого района Кубанской и Терской областей, с давнего времени было излюбленным местом пребывания людей, преследующих неблагоприятные цели и добывающих средства преступлениями. Ссылные каторжники, окончившие срок наказания или бежавшие, отбывшие наказание в арестантских ротах или в тюрьме и отданные под надзор полиции, карманные и другие мелкие воры, – все они стремятся в Армавир, где благодаря кипучей торговой жизни населения и

²⁵⁵ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 6, 8.

²⁵⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 34.

частою обмена временно приезжающих по коммерческим и хозяйственным делам людей, находят удобную и обильную почву для своих преступных промыслов. В последнее время, когда Армавир сделался центром революционного движения, сюда начали стекаться и нелегально проживающие люди, преследующие политические цели, так как здесь они находят себе кров и приют у своих единомышленников и находятся, благодаря незначительному количеству и полной непригодности к службе полиции, в сравнительной безопасности. Укрывающиеся в Армавире преступники охватывают своей деятельностью и другие, окружающие Армавир, селения»²⁵⁷.

В данном случае рапорт Н.И. Кравченко не остался без реакции властей и 30 октября 1907 г. военный министр направил представление в Совет Министров «О включении селения Армавира, Кубанской области, в число местностей, в коих воспрещается жительство и пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции», которое Совет Министров рассмотрел и утвердил. 14 ноября 1907 г. Николай II Высочайше утвердил решение Совета Министров²⁵⁸.

В этот период, как выше указывалось, Армавирская полиция состояла из «временного пристава», содержащегося «на частные средства», трех полицейских урядников и полицейских служителей в количестве 40 человек, с содержанием по 15 руб. в месяц каждому «на средства сельского общества», причем расходы на форменное обмундирование полицейские изыскивали из своего содержания. В этой связи, по мнению Н.И. Кравченко, на такое жалованье «идут только ни к чему не способные или преследующие в службе по полиции нелегальные цели». С учетом незначительного штата и обязанностей по охране присутственных мест, конвоированию арестантов, дежурств у судебных следователей и мировых судей, как считал атаман Лабинского отдела, «бороться с преступлениями нет никакой возможности, тем более что равнодушные обывателей к совершающимся фактам лишь только

²⁵⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 14.

²⁵⁸ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 27. – № 29776.

способствует развитию преступной деятельности неблагонадежных лиц». Между тем, об учреждении в Армавире должности пристава «с правами государственной службы» бывшими атаманами Лабинского отдела неоднократно направлялись представления, «но не имели успеха»²⁵⁹. В целях положить конец преступному произволу, Н.И. Кравченко просил начальника Кубанской области «о скорейшем учреждении в Армавире пристава и соответствующего штата полицейских урядников и служителей» и принять меры «к временному увеличению обществом селения Армавир штата, хотябы на 20 человек, с содержанием, хотя бы до 25 руб. в месяц, полицейских служителей». Помимо этого, «для ночных и дневных обходов, разъездов и оцепления местностей, на случай убийств», он предлагал расквартировать в Армавире войсковую часть и издать «обязательное постановление о наложении штрафов на обывателей за безучастное отношение к совершающимся на их глазах убийствам»²⁶⁰. По-видимому, основания для подобного ходатайства были: только в течение месяца, с 10 июня по 9 июля 1907 г. в Армавире был убит полицейский урядник Буцкий и тяжело ранен урядник Кошкин; от пуль преступников погибли четыре жителя Армавира, а двое получили тяжелые ранения²⁶¹.

1 августа 1907 г. на сельском сходе жителей Армавира было принято решение «добавить содержание полицейским служителям» до 1 января 1908 г., «в виде опыта»: младшим – по 20 руб. в месяц (вместо 15 руб.), а старшим – по 23 руб. (вместо 18 руб.). Кроме того, сход ассигновал атаману Лабинского отдела 500 руб. «для выдачи наград нижним чинам полиции за поимку преступников, разыскание похищенного имущества и т.п.». 2 августа Н.И. Кравченко докладывал о принятом решении армавирцев начальнику области Н.И. Михайлову, указав, что «о замене негодных полицейских служителей другими, более способными, мною сегодня сделано распоряжение». Кроме того, он сообщил, что «с большим усилием удалось, наконец, убедить жителей

²⁵⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 14об.

²⁶⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 15.

²⁶¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 14.

Армавира добавить содержание полицейским служителям» и «сельское общество не теряет надежды скоро увидеть в Армавире полицмейстера и пристава с правами государственной службы и казенным содержанием»²⁶².

Однако довести до полной реорганизации Армавирскую полицию атаману Лабинского отдела не удалось. Как следует из официального донесения, «в ночь на 7 августа 1907 г., в то время как полковник Кравченко сидел и ужинал на веранде летнего сада Общего Собрания в селении Армавир, злоумышленники в числе 7–8 лиц подошли с той стороны веранды, которая была обвита вьющимся хмелем и произвели в него три выстрела, из которых одной пулей пробито навывлет сердце, второй и третьей – произведено поражение ног. Смерть последовала моментально. Убийство совершено анархистами-коммунистами, некоторые из которых уже разысканы»²⁶³. О гибели Н.И. Кравченко было доложено 7 августа телеграммой Николаю II²⁶⁴, а 14 августа временно исправляющим должность атамана Лабинского отдела был назначен командующий 8-м пластунским батальоном Кубанского казачьего войска, полковник А.В. Критский, «впредь до назначения на эту должность Высочайшим приказом»²⁶⁵.

В сложившейся ситуации начальник Кубанской области 13 августа 1907 г. обратился с ходатайством к начальнику штаба Кавказского военного округа, в котором указывал, что «благодаря отсутствию правильно организованной полиции, в Армавире представляется возможность революционерам иметь постоянное пребывание и свой центр, откуда рассылаются агитаторы по всей области и даже далеко за ее пределы. При таких условиях атаману Лабинского отдела приходится почти все время заниматься борьбой с неблагонадежным элементом населения в Армавире, принимая на себя обязанности чисто полицейские до околоточного включительно, в ущерб остальному населению отдела – 44 казачьих и 8 сельских поселений». В связи с этим, Н.И. Михайлов просил «теперь же, хотя бы временно, до преобразования селения Армавир а

²⁶² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 24-24об.

²⁶³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5191. – Л. 40.

²⁶⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 631. – Л. 10.

²⁶⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 631. – Л. 13.

город, ввести на счет казны в Армавире особую городскую полицию, согласно выработанного проекта штата полицейского управления гор. Армавира, с возложением на Армавирское сельское общество расходов»²⁶⁶.

Поразительно, но в Тифлисе Н.И. Михайлова услышали. По указанию Наместника на Кавказе, 11 сентября 1907 г. в Екатеринодаре было созвано Особое совещание под председательством помощника Наместника по военной части, генерал-лейтенанта Н.П. Шатилова, в котором приняли участие и представители администрации Кубанской области²⁶⁷.

В ходе работы Особое совещание обсудило вопрос «о принятии решительных мер борьбы с террористическими актами и преступлениями в Кубанской области и, в особенности, в селении Армавире» и «признало необходимым принять теперь же следующие меры:

1. Организовать в Армавире полицию по образцу городских, не выжидая преобразования этого селения в город; во главе этой полиции поставить полицмейстера с двумя приставами, число же полицейских нижних служителей (городовых) увеличить до 100 человек.

2. Учредить в Армавире сыскную часть, которая ведала бы розыском не только политических, но и уголовных преступников.

3. Содержание чинов полиции и сыскной части, в размере 47600 руб., отнести на средства населения; если же последние не пожелают добровольно принять на себя эти расходы, то взыскать их принудительным способом, применительно к Правилам о местностях, объявленных на военном положении»²⁶⁸. (В скобках уточним, что в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 19 Гл. V Правил, за невыполнение обязательных постановлений предусматривались «заключение в тюрьме или в крепости на три месяца или денежный штраф до трех тысяч рублей»²⁶⁹).

Как нам представляется, вопрос о создании в селении Армавир сыскной части по делам об уголовных и политических преступлениях, с функциями

²⁶⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 26-27.

²⁶⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 31-32.

²⁶⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 33.

²⁶⁹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8757.

одновременно и сыскной, и политической полицией ранее в научных исследованиях и литературе не встречался, причем не только по Кубанской области, но и другим регионам России, поэтому уже заслуживает внимания своим неординарным подходом к решению проблемы.

В «Проект штата полиции в сел. Армавир, выработанный СовеЩанием», вошли: полицмейстер с содержанием 3 тыс. руб. в год; полицейские приставы – 2, с содержанием каждому по 1200 руб.; сыскная часть – 6 тыс. руб.; «на наем помещения, письмоводителя, писцов, канцелярские расходы, отопление, освещение» – 6 тыс. руб.; «канцелярские расходы и наем писцов» для приставов – 1200 руб.; полицейские служители (городовые) – 100, с содержанием каждому по 20 руб. в месяц: им на вооружение – 5 тыс. руб. Итого: 47600 руб. в год²⁷⁰.

Однако помощник Наместника по гражданской части, сенатор И.В. Мицкевич с проектом не согласился, заявив, что «должность полицмейстера предусмотрена лишь для городов, Армавир же до настоящего времени не преобразован в город и неизвестно когда это осуществится». В качестве альтернативы, он предложил возложить обязанности полицмейстера на «особо командированного офицера, состоящего при Кубанском областном правлении, с отпуском ему содержания в размере, проектированном СовеЩанием»²⁷¹.

В целом, Особое совещание приняло проект и представило Наместнику на Кавказе доклад «Об усилении состава полиции в селении Армавир», который 5 октября 1907 г. тот и утвердил²⁷². Уже 23 октября штат полиции был введен в Армавире, а 17 ноября атаман Лабинского отдела А.В. Критский докладывал начальнику Кубанской области, что «в настоящее время налицо 98 низших полицейских служителей, 2 пристава и временно исправляющий обязанности полицмейстера. Полная организация сыскной части будет произведена по прибытии предназначенного на должность полицмейстера подьесаула Д.К.

²⁷⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 35об.

²⁷¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 33об.-34.

²⁷² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 33.

Раткина»²⁷³. К сожалению, в фондах Государственного архива Краснодарского края каких-либо материалов о деятельности сыскной части Армавирской полиции нам установить не удалось, а по информации С.Н. Ктиторова, «документы бывшего волостного архива Армавира погибли в годы Великой Отечественной войны»²⁷⁴. Что же касается центральных архивов, то по словам З.И. Перегудовой, много лет изучавшей материалы фонда 102 Департамента полиции в Государственном архиве Российской Федерации, большая часть документов 8-го Делопроизводства (уголовный сыск) «была уничтожена в февральские дни 1917 г. при попытке поджечь Департамент полиции»²⁷⁵.

Следует отметить, что до конца 1908 г. жители Армавира исправно вносили деньги на содержание полиции, но потом отказались, в связи с чем начальник Кубанской области издал «Обязательное постановление», согласно которому 47600 руб., предназначенных на содержание полиции, в условиях военного положения должны была взыскиваться с населения в принудительном порядке, «по раскладке, которую поручено было произвести под руководством атамана Лабинского отдела волостному правлению, пропорционально вносимому им оценочному сбору». Такой порядок осуществлялся вплоть до 17 июня 1909 г., когда военное положение в Кубанской области было снято. 30 июня 1909 г. начальник Кубанской области предложил атаману Лабинского отдела созвать экстренный сельский сход Армавира с предложением «в видах сохранения достигнутой тишины и порядка, впредь до переименования селения Армавир в город, принять на себя добровольно расход на содержание существующего временного штата полиции». Сельский сход согласился принять на себя только расходы в сумме 20 тыс. руб., вносить же остальные деньги – 27600 руб. – отказался. Однако бóльшая часть армавирцев до сентября 1910 г. добровольно, по частям вносила недостающую сумму на содержание полиции по штату 1907 г., после чего многие из «добровольных плательщиков» отказались от денежного взноса. При этом они заявили, что «будут продолжать

²⁷³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 47.

²⁷⁴ Ктиторов С.Н. Указ.соч. – С. 16.

²⁷⁵ Перегудова З.И. Указ.соч. – С. 52.

платить, если только взыскание будет проводиться принудительным порядком», поскольку в этом случае они автоматически освобождались от оплаты денежной суммы, возложенной на них «по раскладке» волостным правлением. Эта инициатива исходила, главным образом, от «весьма крупных коммерсантов, совершающих громадные годовые обороты»²⁷⁶, т.е. коренных жителей – черкесо-гаев. 21 декабря 1909 г. начальник Кубанской области М.П. Бабыч писал помощнику Наместника на Кавказе по гражданской части, сенатору Э.А. Ватаци: «В Армавире временный штат полиции состоит из полицмейстера, двух приставов и 80 городских. Этот штат, распределенный на обычные и чрезвычайные наряды, в суды, к следователям, разноской пакетов, взысканием разного рода недоимок и квартирного налога – естественно, физически не в силах иметь серьезное наблюдение за подозрительными лицами. И преступность в селении Армавир действительно увеличивается и будет увеличиваться»²⁷⁷.

С целью усиления руководства Армавирской полиции, приказом по Кубанской области № 62 от 30 апреля 1910 г. помощник Екатеринодарского полицмейстера Ю.А. Гапонов был командирован «для исправления должности полицмейстера селения Армавир с присвоением ему содержания по этой должности»²⁷⁸. Следует сказать, что в период с 13 августа 1908 г. по 3 сентября 1909 г. Ю.А. Гапонов был первым начальником вновь учрежденного Екатеринодарского сыскного отделения²⁷⁹ и окончил двухмесячные курсы «особой школы начальников Сыскных отделений» при Департаменте полиции в Петербурге²⁸⁰. Естественно, это был профессиональный сыщик с отличной подготовкой (деятельность Екатеринодарского сыскного отделения будет рассмотрена в 3 главе). Вместе с Ю.И. Гапоновым в Армавир были командированы: временно исправляющим дела помощника полицмейстера – пристав 2-й части Екатеринодарской полиции В.А. Полнер и временно

²⁷⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 853. – Л. 11-11об.

²⁷⁷ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 5.

²⁷⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 47.

²⁷⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 22об.-23

²⁸⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 86.

исправляющим дела пристава – помощник пристава 1-й части Екатеринодарской полиции М.М. Саникидзе²⁸¹ (будущий Екатеринодарский полицмейстер), имеющие за плечами большой практический опыт работы.

Между тем, финансирование полиции продолжало ухудшаться. 16 октября 1910 г. атаман Лабинского отдела обратился к начальнику Кубанской области с ходатайством «об издании обязательного постановления для жителей селения Армавир о принудительном взыскании с них 27600 руб. в год на содержание полиции», помимо 20 тыс. руб., отпускаемых сельским сходом. В этой связи, 21 октября указанное ходатайство было представлено М.П. Бабычем «на благоусмотрение» Наместника на Кавказе. В частности, он писал: «В нашем законодательстве не предусмотрены подобного рода случаи установления налога с принудительным взысканием, но это единственный исход из создавшегося положения. Жители добровольно вносить необходимую сумму на содержание полиции отказываются. ...положение сел. Армавира в смысле общественной тишины и порядка таково, что оно ни на один день не может быть оставлено без надлежащей полицейской охраны. Масса местного и пришлого преступного элемента, почувствовав отсутствие над собой сдерживающей узды, вновь сплотившись, образует такое же революционно-разбойное гнездо, какое было в период 1905–1907 годов, для уничтожения коего потребовались чрезвычайные меры с массой человеческих жертв и материальных убытков»²⁸².

12 февраля 1912 г. в Армавире прошел многотысячный митинг из числа иногородних жителей, которые выдвинули требование о скорейшем обращении селения в город²⁸³. Ситуация оставалась нестабильной в течение года и в конце декабря газета «Кубанский край» в статье «Армавирская жизнь. Без полиции» отмечала: «По-прежнему ощущается сильный недостаток городских, почти полное отсутствие полицейских постов на окраинах, зато значительно увеличены штаты классных чинов. Пристав каждой части имеет 4 помощника,

²⁸¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 2об.

²⁸² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 853. – Л. 12.

²⁸³ Кубанский край. – 1912. – № 36.

заняты большей частью канцелярской работой или получением казенных недоимок. Большинство городских также заняты разноской повесток судебных и других учреждений. Все это, безусловно, влияет на психологию плательщиков на полицию»²⁸⁴. По сообщениям газеты «Кубанский курьер», в конце 1912 г. иногородние отказались содержать полицию Армавира, т.к. не желали нести расходы по городской полиции, оставаясь на сельском положении, и в январе 1913 г. место городской полиции заняла сельская полиция²⁸⁵.

3 января 1913 г. атаман Лабинского отдела, войсковой старшина А.П. Филимонов докладывал А.П. Бабычу, что с увеличением штата Армавирской полиции – увеличился и расход на ее содержание, поэтому «многие владельцы торгово-промышленных предприятий в виду застоя в торговле и вообще упадка торгово-промышленной деятельности не в состоянии были внести определенную сумму». В связи с этим, «имея в виду отсутствие какой-либо надежды на дальнейшее поступление денежных окладов», А.П. Филимонов посчитал «неизбежным упразднение полицейского управления», учрежденного в 1907 г., с ежегодным содержанием 47600 рублей²⁸⁶.

«В виду нежелания жителей селения Армавир добровольно вносить по раскладке деньги на содержание временной полиции», своим приказом по Кубанской области № 16 от 11 января 1913 г. М.П. Бабыч предписал исправляющему дела Армавирского полицмейстера, коллежскому секретарю Ю.И. Гапонову немедленно уволить всех городских, а имуществу полиции, ее вооружению, обмундированию и всем делам «произвести подробную опись и сдать на хранение под расписку волостному старшине; также сдать ему и все суммы, которые останутся ко дню расформирования полиции. Сыскных собак доставить в Екатеринодар в полицейское управление». Командированным в Армавир Ю.И. Гапонову, В.А. Полнеру и М.М. Саникидзе предлагалось «обратиться к исполнению прямых своих обязанностей по должности» в

²⁸⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 11.

²⁸⁵ Кубанский курьер. – 1913. – № 1293.

²⁸⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 3об.-6об.

Екатеринодаре, а атаману Лабинского отдела – «немедленно сформировать в селении Армавир сельскую полицию по штату, существовавшему прежде»²⁸⁷. Уже 1 февраля 1913 г. в Армавире была создана полицейская стража в составе: пристав с жалованьем 1500 руб. в год; конные полицейские урядники – 3, с жалованьем каждому по 900 руб.; городовые: старшие – 3, с жалованьем каждому по 480 руб. и младшие – 77, с жалованьем по 300 руб. На наем помещения, отопление и освещение – 3 тыс. руб. в год, а на агентурные и канцелярские расходы – 3 тыс. руб. в год. На ее содержание Армавирским сельским обществом ежегодно выделялось 30 тыс. руб., а еще 6 тыс. руб. поступало от взносов частных лиц²⁸⁸.

17 февраля Ю.И. Гапонов поставил в известность М.П. Бабыча о выполнении им его приказа, причем «все дела, бумаги, имущество, оружие и денежные суммы вверенной мне полиции сданы Армавирскому волостному Правлению. Секретные же книги и дела сданы в Управление Лабинского отдела»²⁸⁹. По нашему мнению прикомандированным из Екатеринодарской полиции трем чинам не удалось до конца наладить деятельность Армавирской полиции в связи с недостаточным финансированием, а также сложившейся практикой привлечения полицейских к не свойственным им функциям, не связанным с охраной правопорядка и безопасности.

26 апреля 1913 г. атаман Лабинского отдела, уже полковник А.П. Филимонов докладывал М.П. Бабычу, что должность пристава в селении Армавир «временно исполняет кандидат на классную должность Иван Чиков, который непрерывно, около четырех лет, состоял в должности пристава упраздненного штата Армавирской полиции до самого момента расформирования таковой». Характеризуя его, А.П. Филимонов отмечал, что в период своей службы тот «добросовестно выполнял свои служебные обязанности и в настоящее время является вполне соответствующим своему назначению». Кроме того, принимая во внимание, что И. Чиков «ознакомился

²⁸⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 2.

²⁸⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 1-1об.

²⁸⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 63.

со всеми видами и источниками проявления преступности в Армавире и обучался на специальных курсах в Петербурге и знает полицейско-сыскную службу и дрессировку сыскных собак, которые и теперь находятся при Армавирской полиции», атаман Лабинского отдела полагал, что «Чиков в этом отношении является весьма полезным и незаменимым». В связи с этим, А.П. Филимонов ходатайствовал «об утверждении Чикова в занимаемой должности»²⁹⁰. Тогда же Управление Армавир-Туапсинской железной дороги обратилось за содействием в Армавирскую полицию по поводу «значительного хищения грузов» на железнодорожной станции Армавир. Как следует из официального документа, «благодаря энергичным действиям полиции, в лице пристава Чикова, похищенный груз был найден и злоумышленники обнаружены»²⁹¹. 1 мая 1913 г. И. Чиков был утвержден в должности исправляющего дела пристава в селении Армавир²⁹².

Между тем, 11 июня 1913 г. в связи с подвижками в деле преобразования селения Армавир в город, администрация Кубанской области направила в штаб Кавказского военного округа проект штата городской полиции Армавира, в который вошли: полицмейстер с содержанием 1800 руб. в год (жалованье 900 руб. + столовых 900 руб.) и ему «на разъезды» 400 руб.; помощник полицмейстера с содержанием 1500 руб. (жалованье 750 руб. + столовых 750 руб.); приставы – 3, с содержанием каждому по 900 руб. (жалованье 450 руб. + столовых 450 руб.), им «на разъезды» 300 руб.; помощники приставов – 6, с содержанием каждому по 720 руб. (жалованье 360 руб. + столовых 360 руб.); околоточный надзиратели – 12, с содержанием каждому по 480 руб. (жалованье 240 руб. + столовых 240 руб.); секретарь с содержанием 720 руб. (жалованье 360 руб. + столовых 360 руб.); городовые: старшие – 22, с жалованьем каждому по 360 руб., младшие – 88, с жалованьем каждому по 240 руб., всем «на снаряжение» по 25 руб. ежегодно; на «наем писцов и канцелярские припасы для полицейского управления» 1500 руб. и для трех полицейских частей по 600 руб.

²⁹⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 196об.-197.

²⁹¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 201.

²⁹² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 198.

на каждую; на «сыскную часть» – 3000 руб. Итого: 56190 руб. ежегодно. При этом М.П. Бабыч обращал внимание, что в настоящий момент Армавирское общество «на сыск ассигновало 3000 руб., а ранее с 1907 по 1913 годы ассигновывалось даже 6000 руб. ...вводить полицию в недостаточном количестве и с урезкою в содержании ея личного состава или на хозяйственные и другие ея надобности должно сказаться нежелательным»²⁹³.

Между тем, к началу 1914 г. население Армавира соответствовало губернского городу Ставрополю (около 60 тыс. человек) и по этому показателю селение опережало города Кубани – Майкоп (54,4 тыс. жителей), Ейск (53,9 тыс.), Темрюк (20,5 тыс.), однако уступало областному Екатеринодару (104 тыс.) и губернскому Новороссийску (69,1 тыс.)²⁹⁴. Прошло достаточно времени, в течение которого продолжался процесс о придании Армавиру статуса города, пока Особым журналом (постановлением) Совета Министров от 6 марта 1914 г. было, наконец, принято решение «обратить селение Армавир, Кубанской области, в город того же наименования», которое 23 марта 1914 г. утвердил Николай II²⁹⁵. Однако проблема утверждения штата Армавирской городской полиции разрешена не была.

10 мая 1914 г., в связи с «обращением селения Армавир Кубанской области в город», начальник Кубанской области М.П. Бабыч ходатайствовал перед начальником штаба Кавказского военного округа «о скорейшем утверждении штата полиции в этом городе»²⁹⁶. Через год, 27 мая 1915 г., ходатайство было вновь отправлено прежнему адресату²⁹⁷ и лишь 27 июня был получен ответ, из которого следовало, что еще 20 ноября 1914 г. военный министр внес представление в Совет Министров о введении в г. Армавире штата полицейского управления. Однако оно было возвращено из Совета Министров инициатору для «дополнительных сношений с подлежащими ведомствами». Во исполнение указаний, 26 января 1915 г. последовали «сношения с Министром

²⁹³ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 17-18.

²⁹⁴ Ктитор С.Н. Указ.соч. – С. 103-104.

²⁹⁵ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 33-38об.

²⁹⁶ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 41.

²⁹⁷ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 70.

Финансов, Внутренних Дел и Государственным Контролем», но было получено заключение только от министра финансов, «в виду сего вновь сделаны сношения о скорейшем доставлении заключений по сему предмету» с МВД и Государственным контролем²⁹⁸. И лишь 23 сентября 1915 г. «законопроект по сему вопросу» был вновь внесен военным министром на рассмотрение Советом Министров, который «не встретил препятствий к направлению его на уважение законодательных учреждений, с тем, чтобы число городских в гор. Армавире было определено в соответствии с Высочайше утвержденным 23 июня 1915 г. Положением Совета Министров об усилении численного состава и окладов содержания городских полицейских команд Кавказского края». 31 октября 1915 г. в Военный Совет было внесено представление «об изменении числа городских в одобренном им проект штата полиции в гор. Армавире». Причем, Казачий отдел Главного Штаба указывал, что «по воспоследовании положения Военного Совета дело это будет безотлагательно внесено на уважение законодательных учреждений»²⁹⁹. Не дождавшись решения, 3 июня 1916 г. начальник Кубанской области докладывал начальнику штаба Кавказского военного округа, что «город Армавир, бойкий торговый центр с 60-тысячным населением, не может обходиться без правильного полицейского устройства и имеющемуся в нем в настоящее время временному штату полиции выполнение всех функций становится не под силу». В связи с этим, М.П. Бабыч ходатайствовал о «рассмотрении и утверждении законодательными учреждениями в текущую сессию штата полиции гор. Армавира, препровожденного в Штаб от 11 июня 1913 года»³⁰⁰. Из ответа 5 июля 1916 г. следовало, что «упомянутый вопрос находится на рассмотрении законодательных органов»³⁰¹. Допускаем, что в период Первой мировой войны вопрос об утверждении штата Армавирской городской полиции не носил стратегического характера и был отодвинут «законодательными

²⁹⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 76-76об.

²⁹⁹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 87.

³⁰⁰ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 110.

³⁰¹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1012. – Л. 117.

учреждениями» Российской империи на второй план, до лучших времен, которые, впрочем, так и не наступили.

Последние надежды на разрешение вопроса по Армавирской полиции администрация Кубанской области связывала с реформированием российской полиции, когда 23 октября 1916 г. император Николай II утвердил принятое Советом Министров постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»³⁰², которое устанавливало качественное увеличение численности штатов полиции сообразно численности населения регионов, повышало денежное содержание, вводило образовательный ценз. Однако указанное постановление не распространялось на губернии и области Кавказского края. 8 декабря 1916 г. Канцелярия Наместника на Кавказе издала циркуляр № 35482, в котором указывалось, что полиция Кавказского края «находится до сих пор в условиях, которые представляются еще менее соответствующими современным требованиям дела, чем существовавшая в губерниях внутренней России до издания Положения 23 октября с.г. Полиция в крае образована на основании штатов, утвержденных разновременно для отдельных местностей, в большинстве значительно устаревших и не отвечающих более действительной потребности как в общем количественном составе полицейских чинов, так и в распределении различных классов полицейских должностей»³⁰³. В циркуляре особо подчеркивалось, что «давно назревший вопрос об усилении и улучшении состава и положения полиции на Кавказе приобрел в настоящее время более острый характер в связи с военными обстоятельствами и участвовавшими случаями разбоя и дезертирства». В целях реорганизации полиции на Кавказе и придания этим реформам «самое серьезное и первостепенное значение», Наместник на Кавказе (1915–1917), великий князь Николай Николаевич «признал необходимым неотложно принять на себя разработку законопроекта о реформе полиции в пределах Кавказского края». В этой связи, главам

³⁰² СУ. – 1916. – № 307. – Отдел первый. – Ст. 2426.

³⁰³ ГАКК. – Ф. 468. – Оп. 2. – Д. 131. – Л. 19-19об.

администраций губерний и областей региона предписывалось сообщить свои соображения по данному вопросу, дабы они учитывались при составлении проекта «для внесения его на обсуждение Совета Наместника на Кавказе»³⁰⁴. Однако, февральская революция 1917 г. перечеркнул все планы по реформированию не только полиции на Кавказе, но и в Кубанской области, и привел к краху Российской империи.

Таким образом, несмотря на наличие социально-экономических предпосылок для придания Армавиру городского статуса, повлекшего бы за собой законодательное оформление в нем постоянного штата городской полиции, этот вопрос не разрешался почти 30 лет. В условиях существования в Армавире острой проблемы специфических национальных отношений, при том, что он являлся крупным промышленно-экономическим центром и транспортным железнодорожным узлом не только на Кубани, но и в Кавказском наместничестве, этот фактор не мог не сказаться на состоянии оперативной обстановки, особенно обострившейся в период Первой русской революции. Содержание временного штата Армавирской полиции за счет финансирования сельским обществом и организация сыскной части в период нахождения Кубанской области на военном положении позволили достичь стабилизации в борьбе с уголовной преступностью, однако после отмены военного положения криминальная ситуация вновь обострилась. Даже после обращения Армавира в город вопрос о постоянном штате городской полиции «застрял» в вышестоящих инстанциях и не нашел разрешения вплоть до февральских событий 1917 г., что свидетельствует не только о бюрократических подходах к решению актуальных проблем со стороны властей, но и об анахронизме законодательства, не поспевавшим за реалиями жизни.

³⁰⁴ ГАКК. – Ф. 468. – Оп. 2. – Д. 131. – Л. 20-20об.

Глава II. Организационно – правовые основы функционирования сыскной полиции на Кубани (1908-1917 гг.)

§1. Правовые основы организации и деятельности сыскной полиции

В конце XIX – начале XX вв. в России сложилась довольно непростая криминальная обстановка. По подсчетам С.С. Остроумова, проанализировавшего динамику роста «наиболее серьезных» преступлений, подсудных окружным судам и судебным палатам, в период с 1899 по 1908 гг. количество таких преступлений возросло с 266710 до 385039, в том числе: против порядка управления – с 8048 до 8729; против жизни – с 16293 до 33053; насильственных похищений имущества – с 20322 до 47107, краж – с 63328 до 108507³⁰⁵. Количество убийств возросло более чем в два раза – их пик пришелся на 1907 год³⁰⁶. За тот же период число осужденных окружными судами выросло на 66%³⁰⁷. В первые девять лет XX в. ежегодный рост преступности в стране составил 7%³⁰⁸. Однако только за 1902–1904 гг. из 864626 уголовных дел, находящихся в производстве всех судебных следователей России, было прекращено из-за «необнаружения виновных» 137594 дела³⁰⁹, т.е. как минимум такое же количество преступников остались безнаказанными или почти каждое шестое преступление, по факту совершения которого проводилось предварительное следствие, осталось нераскрытым. Такая тенденция, на наш взгляд, стала возможной, в первую очередь, в связи с недостаточностью специальных органов сыскной полиции, осуществлявших оперативно-розыскное сопровождение органов предварительного следствия при

³⁰⁵ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / Под ред. Г.И. Соломахи. – М., 1980. – С. 64-65.

³⁰⁶ Тарновский Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9. – С. 66.

³⁰⁷ Лясович Т.Г., Фролов В.В. Особенности правовой регламентации деятельности сыскных полицейских подразделений в начале XX века в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. В 4 т. Т. 3. – Тамбов, 2011. – С. 134.

³⁰⁸ Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской империи в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 134.

³⁰⁹ Матиенко Т.Л. Организационно-структурные особенности сыскной полиции Российской империи (1908–1917) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18. – С. 32.

расследовании преступлений. Указанные факторы и предопределили создание в Российской империи общегосударственной системы уголовного розыска, путем учреждения сыскных отделений (СО).

12 марта 1908 г. по приказу директора Департамента полиции М.И. Трусевича, в нем был образован «Отдел уголовно-сыскной части», т.е. 8-е делопроизводство Департамента, в задачи которого входило: «общее наблюдение за деятельностью сыскных отделений в Империи, руководство сформированием новых отделений, снабжение их необходимыми пособиями, сосредоточение регистрации преступности, издание инструкций и циркуляров»³¹⁰. В структуру 8-го делопроизводства вошло Центральное регистрационное бюро, созданное еще 1 января 1907 г. как Регистрационный отдел и возглавляемое бывшим начальником Московской сыскной полиции В.И. Лебедевым. Задачами бюро являлись сбор и классификация информации об особо опасных преступниках, наведение справок о них по запросам территориальных органов полиции, установление личности рецидивистов и т.д. Помимо наблюдения за сыскной деятельностью на местах, в обязанности 8-го делопроизводства входили: связь с иностранными полициями по вопросам общеуголовного характера; составление инструкций и правил по сыскной части; заведование школой инструкторов и фотографией Департамента полиции³¹¹. Правом централизованного руководства уголовно-сыскными подразделениями общей полиции и непосредственной организацией розысков на территории всей России 8-е делопроизводство наделено не было³¹².

В 1908–1914 гг. пост делопроизводителя (начальника) 8-го делопроизводства Департамента полиции занимал В.И. Лебедев³¹³. По его инициативе были подготовлены два законопроекта: первый – об учреждении штата Киевской сыскной полиции (она была создана в 1880 г. по предписанию Киевского губернатора, формировалась из чинов Киевской городской полиции

³¹⁰ Вестник полиции. – 1908. – № 15. – С. 4.

³¹¹ Перегудова З.И. Указ.соч. – С. 47, 50.

³¹² Матиенко Т.Л. Организационно-структурные особенности сыскной полиции Российской империи (1908–1917). – С. 33-34.

³¹³ Шаханов А. Указ.соч. (Электронный ресурс <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801021>).

и законодательным порядком не была утверждена), а второй – о создании общероссийской системы уголовного сыска, предусматривающий, помимо уже функционировавших штатных сыскных полиций, создание еще 96 СО (сыскных отделений) трех разрядов в городах России: губернских и областных центрах, крупных промышленных и транспортных узлах, а также имеющих важное стратегическое значение, при этом учитывалось и количество населения. В зависимости от разряда СО предусматривались его штат и финансирование. 29 декабря 1907 г. оба законопроекта, после затянувшихся согласований между МВД и Министерством финансов, в ходе которых количество разрядов СО достигло четырех, штаты были уменьшены, а количество СО сокращено, были внесены в Государственную Думу и поступили на рассмотрение в Комиссию по судебным реформам, которая объединила оба законопроекта, причислив Киевскую сыскную полицию к СО 1-го разряда. В окончательном виде предусматривалось создание 89 новых СО³¹⁴.

20 июня 1908 г. в Государственной Думе рассматривался проект закона «Об организации сыскной части», докладчиком по которому выступил бывший товарищ (заместитель) прокурора Одесского окружного суда, член Комиссии по судебным реформам Л.Г. Люц. В частности, он изложил содержание законопроекта и внесенных в него поправок, заострив внимание на тот факт, что «быстро разрастающаяся за последнее время преступность обязывает государство принять особые меры для борьбы с преступниками»³¹⁵. На текущий момент эта функция была возложена на полицию, которая «переобременена» и другими задачами, «отвлекающими ее от прямой задачи розыска виновников преступления». В этой связи, розыск «должен быть возложен на лиц, обладающих достаточной опытностью в этом деле». При этом Л.Г. Люц привел красноречивую статистику: если в Германии «полицейские» расходы на одного жителя составляют 7 марок, а во Франции – 12, то в России – лишь 2 марки. Что касается денежного содержания полицейских, то в Лондоне городские

³¹⁴ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 89-95.

³¹⁵ Рассказов В.Л. – Анализ закона от 6 июля 1908 года «Об организации сыскной части». / Право и государство. 2015 г., № 5 (125), С. 16-21.

получают 100 фунтов стерлингов, а в Париже – 150, причем на каждого лондонского городского приходится 7 задержанных преступников, а на парижского – 30. Исходя из этого, он призвал депутатов снабдить полицию «особыми средствами и мерами для сыска»: «В этом отношении громадную услугу уже оказала антропометрическая система Бертильона и дактилоскопия. Эти приемы применяются у нас только в 2-3 сыскных отделениях». Помимо этого, было предложено установить судебный надзор за деятельностью «полиции по розыску преступников». В заключение доклада Л.Г. Люц поддержал законопроект об организации СО «в наиболее крупных городах, с тем, однако, чтобы они обслуживали и уезды»³¹⁶. От правительства законопроект поддержал товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, который, в частности, пояснил: «За последнее время до 30% преступлений остаются безнаказанными. Расходы на сыскную полицию с избытком окупятся прекращением общих убытков, простирающихся до миллиарда... Нужно изменить организацию сыска, что и проводится законопроектом». После бурных и продолжительных дебатов, порой переходящих во взаимные оскорбления депутатов, как указывается в официальном документе, «в результате прений законопроект принимается; против голосуют к.-д., поляки, магометане, трудовики и социалисты»³¹⁷.

6 июля 1908 г., «одобренный Государственным Советом и Государственною Думою», закон «Об организации сыскной части» был Высочайше утвержден императором Николаем III³¹⁸. Помимо законодательно учрежденных органов уголовного сыска (в Петербурге, Варшаве, Москве, Риге, Одессе, Ростове-на-Дону и Баку), были образованы еще 89 СО четырех разрядов «в составе Полицейских Управлений Империи... для производства розыска по делам общеуголовного характера, как в городах, так и в уездах»; таким образом, общее количество органов сыскной полиции было доведено до 96 единиц.

³¹⁶ Вестник полиции. – 1908. – № 27. – С. 5.

³¹⁷ Там же. – С. 6.

³¹⁸ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30672.

К 1-му разряду были отнесены СО в Киеве, Харькове и Тифлисе; ко 2-му разряду – в Астрахани, Кишиневе, Казани и проч., всего – в 14 городах; к 3-му разряду – в Екатеринодаре, Новороссийске, Ставрополе и проч., всего – в 53 городах; к 4-му разряду – в Архангельске, Владимире, Вологде и проч., всего – в 19 городах. На чинов СО были возложены «все права и обязанности, согласно Судебным Уставам и другим действующим по сему предмету узаконениям, присвоенные ныне полиции по исследованию преступных деяний». Начальники СО и их помощники назначались и увольнялись от должности «по предварительному сношению» губернатора и прокурора окружного суда, причем «лица прокурорского надзора» наделялись правом «давать непосредственные поручения чинам Сыскных отделений в отношении производства розыскных действий». Характерно, что законом были учреждены 29 должностей переводчиков, распределение которых по конкретным СО возлагалось на министра внутренних дел.

На содержание вновь созданных СО в 1908 г. отпускалось из «средств государственного казначейства» 475505 руб., а с 1 января 1909 г. – 951010 руб. ежегодно. Причем министру внутренних дел выделялось в 1908 г. «на предмет розыска вне мест нахождения Сыскных отделений» 143450 руб. для распределения между «начальниками губерний и областей Европейской и Азиатской России и Кавказа», а с 1 января 1909 г. – 286900 руб. ежегодно³¹⁹.

Что касается штатов СО, то они были распределены следующим образом. Штат СО 1-го разряда составлял 20 человек – выделялось 15860 руб. ежегодно³²⁰. Штат СО 2-го разряда составлял 11 человек – выделялось 10260 руб. ежегодно. Штат СО 3-го разряда составлял 8 человек – выделялось 6990 руб. ежегодно. Штат СО 4-го разряда составлял 6 человек – выделялось 4780 руб. ежегодно³²¹.

Еженедельный журнал МВД «Вестник полиции», издававшийся в 1907–1917 гг. и посвященный проблемам теории и практики полицейского дела, так

³¹⁹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30672.

³²⁰ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 2. – Штаты и табели. – к № 30672.

³²¹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 2. – Штаты и табели. – к № 30672.

прокомментировал принятие закона «Об организации сыскной части»: «Расследование по всем делам уголовного характера, их дальнейшее направление, ответственность за них и вообще весь круг обязанностей по Уставу о предупреждении и пресечении преступлений и по всем, относящимся к полиции, статьям Устава уголовного судопроизводства, как лежали прежде, так и теперь остаются на прямой обязанности чинов общей наружной полиции. Чины же сыскной полиции принимают участие только в действиях чисто розыскного характера, лишь по делам общеуголовным, в детальном распутывании всех нитей данного преступления и в сообщении добытых сведений либо производящим расследование чинам общей полиции, либо тому судебному следователю, которому расследование это полицией передано. Так сказать, «хозяином» производящегося расследования и ответственным за него лицом продолжает оставаться общая полиция, но труды ее в розыскной части значительно облегчаются одновременным участием в них агентов сыскной полиции, самостоятельно идущих по всем открываемым ими следам и пользующихся в этом отношении своею личною опытностью. Этой областью ограничивается и их вспомогательная роль при расследовании и их ответственность за розыскные действия. В умелой организации этих вспомогательных для общей полиции действий и заключается та польза, которая ожидается от сыскных отделений»³²².

Анализируя рассматриваемый закон, следует указать на ряд его недостатков, связанных, как мы полагаем, с его материальной составляющей. Во-первых, это незначительные штаты СО даже по 1-му разряду, что существенно снижало результативность оперативно-розыскной деятельности и сводило на нет в СО более низких разрядов внедрение принципа специализации по раскрытию конкретных видов преступлений, что будет показано на примере Екатеринодарского СО далее. Помимо этого, отсутствие в штатах СО 3-го и 4-го разрядов должности помощника начальника СО, доставляло проблемы в случаях отпуска, командировки или болезни руководителя, поскольку замещать

³²² Вестник полиции. – 1908. – № 48. – С. 6.

его приходилось одному из полицейских надзирателей, которые классного чина могли не иметь. Во-вторых, в СО 3-го и 4-го разрядов не предусматривались расходы на «фотографию», которые приходилось «изыскивать» из средств на «сыскные» и «канцелярские» расходы, что, в свою очередь, приводило к «недофинансированию» этих статей и влекло к малой эффективности, в первую очередь, оперативно-розыскной работы. В-третьих, за исключением СО 1-го разряда, отсутствовали должности чиновников, в обязанности которых входило осуществление аналитическо-регистрационной деятельности, которая ни в коей мере не отменялась для СО других разрядов. В этой связи, нагрузку в этой сфере приходилось распределять между сыщиками, продуктивность деятельности которых от этого отнюдь не прибавлялась. В-четвертых, далеко не на всех территориях России были учреждены СО: в законе прямо указывается на отсутствие их в «Европейской и Азиатской России и Кавказе», а также в областях, «входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства»³²³, что не способствовало успешной борьбе с преступностью в указанных регионах, поскольку розыскная функция продолжала оставаться за наружной полицией. В-пятых, СО учреждались в составе местной полиции и в организационно-дисциплинарной сфере подчинялись полицмейстерам, которые, как показала практика, нередко использовали сыщиков для выполнения несвойственных им функций, отрывая от повседневных задач, что приводило к созданию конфликтных ситуаций. Помимо этого, согласно закону, «лица прокурорского надзора» были правомочны «давать непосредственные поручения чинам Сыскных отделений в отношении производства розыскных действий». Наделение прокурора, не являющегося профессионалом в области уголовного сыска, такой сомнительной функцией не могло, в целом, принести позитивный результат при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление и задержание преступников. В-шестых, каждое СО осуществляло свои функции в пределах города и, в исключительных случаях, уезда, что привносило черты децентрализации в общегосударственном

³²³ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30672.

масштабе на практике, когда отсутствие взаимодействия между СО не могло принести успеха при розыске и задержании, например, так называемых «гастролеров», совершающих преступления в разных губерниях, городах и уездах, мобильно передвигаясь. В случаях, когда возникала необходимость проведения розыскных действий вне границ обслуживаемых СО территорий, их начальники были обязаны об этом ставить в известность 8-е делопроизводство Департамент полиции, причем только через свое начальство, т.е. в губернских центрах – через губернатора, в Петербурге и Москве – через градоначальников, в Варшаве – через обер-полицмейстера.

Вместе с тем, имелся и позитивный момент: закон «Об организации сыскной части» сделал возможным создание общероссийской системы сыскной полиции, прежде в Российской империи отсутствовавшей, что явилось, безусловно, определяющим фактором в сфере оптимизации противостояния уголовной преступности, хотя уже с момента введения закона эта система требовала значительной корректуры и совершенствования.

Комментируя закон «Об организации сыскной части», Р.С. Мулукаев утверждает, что он «не решил вопрос об организации сыскных отделений в уездах, хотя при его подготовке этот вопрос обсуждался и в Департаменте полиции, и в Государственной думе. Однако сыскные отделения в уездах не были созданы из-за отсутствия необходимых средств, неподготовленности личного состава, отсутствия на местах специальных школ для обучения уголовно-розыскному делу»³²⁴. Кроме того, по мнению С.Н. Жарова и Н.С. Спришевского, «создание в 1908 году системы имперского уголовного розыска на основании Закона об организации сыскной части неизбежно потребовало систематизации существовавших к тому времени норм регулирования оперативно-розыскной деятельности и фиксации в нормативном акте еще не закрепленных форм и методов сыска»³²⁵. Говоря об отсутствии в законе указаний на степень взаимодействия СО и полиции, С.А. Невский правильно

³²⁴Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). – Н. Новгород, 1993. – С. 79.

³²⁵ Жаров С.Н., Спришевский Н.С. О создании системы правового регулирования политического и уголовного сыска России в XIX – начале XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 20. – С. 12.

замечает, что «взаимоотношения чинов сыскных отделений и органов общей полиции, несмотря на то, что указанные подразделения входили в единую систему полиции Российской империи, в силу ряда причин были явно неудовлетворительные, а в ряде случаев – конфликтными. Подобное положение крайне негативно влияло на результаты деятельности по раскрытию и предупреждению преступлений»³²⁶.

В начале сентября 1908 г. по распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина при Департаменте полиции были образованы специальные курсы для подготовки вновь назначенных начальников СО³²⁷. Следует отметить, что в начале XX в. проблемам полицейского образования в Европе придавалось большое значение. Так, в Италии была создана полицейская академия, где сыщики прослушивали курс лекций по специальным предметам полицейской службы и знакомились с последними достижениями науки, имевших прикладное значение применительно к их деятельности: они изучали криминалистику, уголовную психологию, а теоретические знания показывали в ходе практических занятий в аудиториях, специально оборудованных для этих целей³²⁸. Во Франции, Англии, Пруссии и Саксонии также уделялось особое внимание вопросам профессиональной образовательной подготовки специалистов в области уголовного сыска³²⁹.

Еще в конце июля 1908 г. в официальном документе указывалось: «Озабочиваясь возможно быстрою и основательною постановкою этого [сыскного] дела и приняв меры к заготовке всех предметов технического оборудования [сыскных] отделений, Департамент полиции вместе с тем признает необходимость вручить это живое и ответственное дело лицам опытным, вполне достойным доверия и по возможности ознакомленным заранее с теми приемами предстоящей им работы, которые выяснены практикой. В целях надлежащей постановки сыскного дела, директором

³²⁶Невский С.А. Взаимоотношения сыскных отделений и общей полиции Российской империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 1-2. – С. 90.

³²⁷ Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. – М., 1994. – С. 49.

³²⁸ Вестник полиции. – 1908. – № 45. – С. 6-7.

³²⁹ Вестник полиции. – 1907. – № 1. – С. 5.

Департамента полиции учреждается при названном Департаменте особая школа, в которой будут читаться лекции как по общим началам полицейско-сыскной части для направления деятельности означенных отделений, в духе закономерности, к наибольшему успеху, так и по особым предметам судебной фотографии, антропометрии и дактилоскопии»³³⁰. Между тем, некоторые авторы заблуждаются, относительно даты учреждения курсов. Так, Р.Х. Якупов пишет: «В 1903 г. при Департаменте полиции были организованы курсы для начальников сыскных отделений, где преподавал опытный работник сыска В.И. Лебедев»³³¹. Полагаем, такую оплошность можно отнести на счет недостаточного изучения соответствующих источников.

8 августа 1908 г. губернаторы и градоначальники циркуляром Департамента полиции ставились в известность, что «лица, избранные для назначения на должность начальника Сыскного отделения и командируемые в Департамент полиции для прохождения курса, должны прибыть в С.-Петербург с таким расчетом, чтобы с 1-го сентября они уже могли приступить к занятиям. Явиться надлежит им в VIII-е Делопроизводство Департамента (Фонтанка, 16), с надлежащими удостоверениями о личности и желательно бы, чтобы они кроме форменной одежды имели необходимое штатское платье». В циркуляре особо подчеркивалось, что «предметы технического оборудования (специальные фотографические аппараты и проч.) вновь учрежденных Сыскных отделений будут заготовлены распоряжением Департамента и переданы» начальникам СО для доставления на места «по необходимом ознакомлении этих лиц с практическим применением названных пособий»³³².

Руководил курсами для подготовки начальников СО («особой школой») и проводил занятия по некоторым дисциплинам В.И. Лебедев, который и составил программу обучения, куда входили: «1) Государственное и полицейское право; 2) Уголовное право; 3) Судебная медицина; 4) Методы регистрации преступников; 5) Приемы уголовного сыска; 6) Приемы

³³⁰ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 3-3об.

³³¹ Якупов Р.Х. Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 4. – С. 42.

³³² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 19.

самообороны и обезоружения преступников; 7) Ознакомление с оружием и взрывчатыми веществами; 8) Ознакомление с гримом и переодеванием; 9) Тайнопись преступников (шифры) и дешифрование; 10) Разбор выдающихся сыскных дел; 11) Присутствие, если будет возможность, при вскрытии трупов по какому-либо выдающемуся делу с объяснениями профессора Д.П. Косоротова; 12) Посещение полицейского музея и других учреждений; 13) Практические занятия по фотографии, «словесному портрету», антропометрии, дактилоскопии, по снятию слепков и рисунков следов, по исследованию документов и пр.; 14) Приемы дрессировки собак для защитных, сторожевых и сыскных целей; 15) Практика дознаний (показательное производство дознаний на месте с составлением образцовых следственных актов, описаний и справок); 16) Практика розыска и выслеживания преступников». Как подчеркивал В.И. Лебедев, при организации курсов и составлении программы обучения начальников СО, в первую очередь он исходил из «практической стороны дела, а потому в число предметов преподававшихся и занятий включены были только такие отрасли знаний, ознакомление с которыми представляется необходимыми для руководителей новых сыскных отделений, призванных быть на местах первыми инструкторами правильно поставленного уголовного сыска»³³³. Добавим, что обучение на курсах осуществлялось в течение двух месяцев³³⁴. Нелишне сказать и о том, что В.И. Лебедев подготовил и опубликовал достаточное количество пособий по уголовному сыску, например: «Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого словаря воровского языка» (М., 1903), «Полицейская собака» (СПб., 1907), «Полицейская сторожевая собака» (СПб., 1908), «Судебно-полицейская фотография: Пособие для слушателей курсов, учрежденных при Департаменте полиции для начальников сыскных отделений» (СПб., 1908), «Искусство раскрытия преступлений» (СПб., 1909), «Руководство дрессировки

³³³ Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. – СПб., 1909. – С. III.

³³⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 753. – Л. 86.

полицейских и военных собак» (СПб., 1911) и др. Помимо этого, в 1908–1909 гг. В.И. Лебедев одновременно являлся и редактором еженедельника МВД «Вестник полиции», где публиковались и его статьи, посвященные теории и практике уголовного сыска³³⁵. 5 октября 1908 г. при непосредственном участии В.И. Лебедева было учреждено «Российское Общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе», которое находилось в ведении Департамента полиции, и главной целью которого было внедрение служебно-розыскных собак в деятельность сыскной полиции³³⁶.

В процессе обучения слушатели курсов – начальники СО – посещали музей Петербургской столичной полиции, где проводились занятия в уголовно-сыском отделе, в котором были систематизированы коллекции орудий убийств, краж, фальшивых купюр и т.д., а также имелись альбомы с фотографиями и биографическими данными «важных» преступников, статьи и заметки о «выдающихся» преступлениях и деятельности Петербургской сыскной полиции³³⁷. Следует также отметить, что аналогичные музеи были созданы и в других СО. Особенно содержательными были экспонаты музеев Московской сыскной полиции, а также Варшавского, Самарского и Рижского СО, получившие высокую оценку в декабре 1909 г. на Международной выставке в Дрездене³³⁸.

Осенью 1908 г. «Вестник полиции» сообщал: «На днях покинули нашу столицу люди, предназначенные стоять во главе организуемых на местах сыскных отделений. Они прослушали здесь, при Департаменте полиции, круг лекций по предметам предстоящей им деятельности. Они успели ознакомиться друг с другом, поделиться мыслями о предстоящей работе, что несомненно отзовется на желательной общности их дальнейших практических приемов, и уехали с жадной трудом, с искренним намерением принести ожидаемую от них

³³⁵ Храмцов А.Б. Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 2. – С. 12.

³³⁶ Лебедев В.И. Руководство дрессировки полицейских и военных собак. – СПб, 1911. – С. 3-4.

³³⁷ Вестник полиции. – 1907. – № 3. – С. 21.

³³⁸ Вестник полиции. – 1909. – № 50. – С. 1142-1143.

пользу»³³⁹. Практика подготовки начальников СО на курсах была позитивно воспринята в Департаменте полиции, который предложил ежегодно осуществлять там обучение руководителей уголовного сыска. Помимо этого, было рекомендовано периодически откомандировывать их на инструктивные занятия для повышения эффективности деятельности и обмена практическим опытом³⁴⁰. Однако курсы не стали носить постоянный характер: начальники СО, назначаемые уже после 1908 г., индивидуально проходили подготовку по розыскной деятельности в Петербургской сыскной полиции, а приемам регистрации преступников и современным методам антропометрии, дактилоскопии и фотографии их обучали в 8-ом делопроизводстве Департамента полиции³⁴¹.

Одной из главных проблем воплощения в жизнь закона «Об организации сыскной части» стало малое количество кандидатов к зачислению в СО, должным образом подготовленных к сыскной работе, а также невысокое материальное содержание сыщиков, особенно в СО 3-го и 4-го разрядов. Как правильно отмечает Ю.А. Жилина, при назначении окладов содержания штатным чинам СО, совершенно не учитывались «возрастающие потребности жизни в городах, и назначенные денежные суммы были зачастую меньше, чем у представителей других профессий»³⁴². Поэтому не случайно, что летом 1908 г. во вновь образованном Новгородском СО (4-го разряда), вместо положенных по штату шести человек, начали нести службу лишь трое³⁴³. Указанные факторы, главным образом, и привели к тому, что, например, если штаты Пензенского³⁴⁴, Екатеринодарского³⁴⁵ и Новороссийского³⁴⁶ СО были укомплектованы в августе 1908 г. и они приступили к работе, то Самарское – 6

³³⁹ Вестник полиции. – 1908. – № 48. – С. 5.

³⁴⁰ Байкеева С.Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 41.

³⁴¹ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 119.

³⁴² Жилина Ю.А. Вопросы финансирования сыскной полиции России в начале XX века. – С. 116.

³⁴³ Гусенков А.С. Полиция Новгородской губернии и борьба с преступностью во второй половине XIX – начала XX века (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2009. – С. 21.

³⁴⁴ Кладов В.Ю. Организация службы Пензенской городской полиции в начале XX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 3. – С. 110.

³⁴⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 24.

³⁴⁶ Новороссийский филиал Государственного архива Краснодарского края (НФ ГАКК). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 1.

ноября³⁴⁷, Таганрогское – 25 ноября, а Новочеркасское – только 16 декабря³⁴⁸, т.е. спустя 4-5 месяцев после вступления закона «Об организации сыскной части» в силу.

Не менее острая проблема высветилась и по вопросам назначения на должность начальника СО: профессионалы из наружной полиции не желали переходить на низкооплачиваемую, опасную службу. По данным Р.С. Мулукаева, 75% чинов полиции, возглавивших вновь созданные СО, ранее служили участковыми и станowymi приставами, их помощниками и даже околоточными надзирателями. Их профессиональная подготовка, как правило, не соответствовала требованиям, предъявляемым к руководителю СО. В этой связи Департамент полиции констатировал, что «почти никто из пользующихся безупречной службой и нравственной репутацией приставов и их помощников добровольно занять пост начальника отделения не пожелал»³⁴⁹. Такой подход к расстановке кадров нередко приводил к экстраординарным случаям. Так, вновь назначенный начальник Черниговского СО М.И. Павловский самовольно покинул учебные курсы в Петербурге, вернувшись домой. За нарушение дисциплины он был отстранен местным губернатором от должности и продолжил службу урядником в уезде, где совершил ряд преступлений и был объявлен в розыск. Начальник Одесского СО А.Я. Черкасов, изъятые у подозреваемых крупные денежные средства соответствующим образом не регистрировал, храня при себе, в связи с чем был уволен от службы Одесским градоначальником и предан суду. Имели место и вовсе нелепые казусы. Так, 3 августа 1909 г. военный губернатор Приморской области назначил на длительное время не замещенную должность начальника Хабаровского СО никогда и нигде ранее не служившего Николая Акцинова – «сына полковника из потомственных дворян»³⁵⁰. Справедливости ради, заметим, что эти вопиющие факты, тем не менее, в целом по стране не были характерны для

³⁴⁷ Короткова С.В. Сыскное отделение Самары (к истории вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 353.

³⁴⁸ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С.112.

³⁴⁹ Мулукаев Р.С. Полиция в России... – С. 88-89.

³⁵⁰ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 111, 115-116.

кадровой комплектации СО и, в течение относительно непродолжительного времени, ситуации выправилась.

Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. только в общих чертах определял задачи и организационное устройство СО, поэтому в его развитие 9 августа 1910 г. была введена в действие «Инструкция чинам сыскных отделений», которая конкретизировала цели и задачи СО, определяла их внутреннюю структуру и регламентировала порядок производства оперативно-розыскных мероприятий³⁵¹. В ней прямо указывалось, что главная цель СО – это «негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера». Инструментом достижения цели являлись «систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения».

В Инструкции прописывалось, что поскольку СО, «являясь в руках начальника местной полиции органом», который объединяет «деятельность местной полиции по охранению общей безопасности населения и по борьбе с преступностью», то чины СО обязаны стремиться «к полному единению с чинами общей полиции» и взаимодействию с ними, согласно распоряжениям и инструкциям полицейского начальства. Для этой цели при начальнике полиции еженедельно созывалось совещание «по текущим делам полицейской службы», с участием начальника СО, приставов и прочих руководителей подразделений местной полиции, в целях координации действий, направленных на «предупреждения, пресечения и расследования преступлений, устраняя разногласия и разрешая возникающие затруднения».

Обслуживая «преимущественно» территорию, подведомственную полицейскому управлению, чины СО, однако, «по особым поручениям» начальника полиции, а равно по соглашению с последним прокурорского надзора», имели право осуществлять оперативно-розыскную деятельность и

³⁵¹ Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. / История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы. Док. № 79. – М., 1998. – С. 183-186.

дознания по всей территории губернии». В случаях, когда преступники скрываются в другой губернии, чины СО «не останавливают преследований и прекращают оное только тогда, когда приступает к этому местная полиция». Когда вызывается необходимостью принятие розыскных мер «в различных местностях Империи», то «губернатор входит о сем в сношение с Департаментом полиции».

В соответствии с Инструкцией деятельность чинов СО осуществлялась под надзором прокурора местного окружного суда. Причем сыщики должны были действовать «под его руководством и подчиняться его указаниям, обращаясь к нему в отдельных случаях за всеми нужными разъяснениями». В свою очередь, начальник СО обязан был докладывать прокурору «о ходе негласных расследований, предпринимаемых в видах предупреждения деяний общеуголовных».

В ходе выполнения своих функциональных обязанностей чинам СО категорически воспрещалось проведение оперативно-розыскных мероприятий, с ними не связанных, как то: «...наведение справок по личным, семейным, бракоразводным или коммерческим делам разных лиц, собрание сведений о кредитоспособности и поведении кого бы то ни было по просьбе о том заинтересованных лиц и т.д.». В случаях, когда чинам СО становилась известна оперативная информация о делах «политического характера», они были обязаны «беззамедлительно» сообщать о них «начальникам губернских жандармских управлений или охранных отделений, где таковые имеются, и отнюдь не принимать каких-либо мер по означенным делам». Инструкция наделяла сыщиков правом ношения при себе огнестрельного оружия (револьвера) и наручников (предупредительных связок), предопределяя наличие специальных навыков и умений пользоваться ими.³⁵²

Начальники СО наделялись правами: 1) руководства деятельностью чинов СО «в духе законности», для успешного исполнения возложенных на них

³⁵² Рассказов В.Л. – Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности сыскных отделений Российской империи. / Гуманитарные и социальные науки. 2015 г., № 2. С. 144-154.

обязанностей; 2) распределения «занятия» между сыщиками; 3) принятия к своему производству розысков и расследований «по особо выдающимся делам». Одновременно, Инструкция устанавливала структуру СО и принципы организации работы. Каждое подразделение состояло из 4-х столов: личного задержания; розысков; наблюдения; справочного регистрационного бюро, являвшегося «главной частью внутренней организации». В основу работы чинов СО был положен принцип специализации: «Наиболее правильная и вполне соответствующая организация борьбы с преступностью заключается в специализации как общих мер розыска, так и розыскной деятельности членов сыскных отделений по главным родам преступлений». Устанавливались три видовых категории специализации: 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги; 2) кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, взломщики, карманники и т.п.); 3) мошенничества, подлоги, фальшивомонетничество, подделка документов и т.п. (В скобках заметим, что руководитель 8-го делопроизводства В.И. Лебедев был сторонником именно «линейного» принципа специализации и категорически против так называемого «зонально-территориального» принципа, когда сыщики распределялись по конкретным районам/участкам города³⁵³).

Основой оперативно-розыскной деятельности СО являлись наружное и внутреннее наблюдения. За наружное наблюдение отвечали штатные сыщики, под контролем которых были все места сосредоточения лиц, представляющих оперативный интерес: рестораны, гостиницы, меблированные комнаты, ночлежки, ломбарды, публичные дома и проч. Внутреннее наблюдение осуществляла секретная агентура, конфиденциально сотрудничавшая с сыщиками и представляющая собой различных асоциальных представителей преступного мира, скупщиков похищенного имущества, держателей притонов и т.д. Помимо них, к негласному сотрудничеству привлекались и лица, по роду своей работы имевшие возможность осуществлять наблюдение за другими: швейцары, дворники, разносчики, посыльные, извозчики и т.д.

³⁵³ Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. – С. XI.

Несмотря на свою значимость и актуальность появления, Инструкция, однако, не решала всех проблем, связанных с организационно-правовым устройством СО. Например, абсурдным видится неукоснительное требование о ношении сыщиками форменной одежды при том, что «штатское платье» разрешалось одевать только «в случаях особой необходимости». Никак в Инструкции не оговаривались и особые обязанности СО, вытекавшие из местной специфики и носившие общий для конкретного региона характер: приграничные районы, крупные морские порты, территории с туземным населением, жизнедеятельность которого регулировалась особыми местными узаконениями (например, Кавказ) и т.п. Все эти факторы лишь тормозили оперативные возможности СО в осуществлении своей практической деятельности. Можно согласиться с мнением С.А. Невского, который полагает, что Инструкция довольно детально регламентировала деятельность СО, тем не менее, она была непротиворечива и не отличалась достаточной четкостью норм³⁵⁴. Вместе с тем, А.М. Абдулмаликов полагает, что особенность Инструкции заключалась в том, что «впервые в официальном нормативном акте указывалось на необходимость организации розыскной деятельности в соответствии с особенностями профессиональной преступности, специализации мер розыска и распределения чинов отделения на группы по категориям преступности»³⁵⁵. В целом же, как правильно указывает Т.Л. Матиенко, «содержание реформы общеуголовного сыска составили унификация структуры первых и учреждение новых сыскных отделений, стандартизация правовой регламентации их деятельности, создание единой централизованной информационно-справочной базы криминальных учетов, внедрение линейного принципа (специализации) организации уголовно-сыскной работы, организация специальной подготовки кадров для сыскных подразделений»³⁵⁶.

³⁵⁴Невский С.А. Взаимоотношения сыскных отделений и общей полиции Российской Империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 1-2. – С. 86.

³⁵⁵ Абдулмаликов А.М. Нормативно-правовое регулирование борьбы полиции с правонарушениями в сфере экономики в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 33. – С. 13.

³⁵⁶ Матиенко Т.Л. Организация сыска в России в IX – начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 47-48.

Очевидно, что Инструкция предписывала лишь общие направления оперативно-розыскной деятельности СО, детально же эти вопросы регламентировались в совершенно секретных Правилах, состоящих из 19 параграфов и предназначенных для чинов СО при осуществлении агентурной работы³⁵⁷. В частности, Правила указывали, что «негласные сведения секретной агентуры являются весьма сильным орудием в руках умело пользующихся таковым сыскных отделений». При этом, сыщики должны быть «особо осмотрительны и осторожны» к информации, предоставленной им «негласным осведомителем», поскольку «большинство таких лиц имеют преступное прошлое или же состоят очень близко к преступной среде». Все «агентурные данные и секретные сведения» должны храниться у начальника СО, которые «отнюдь не оглашаются при дознаниях и не подлежат включению ... в официальные сообщения и справки, передаваемые в учреждения постороннего ведомства или в суд» (§19 подробно рассматривал тактику поведения чинов СО, вызванных к следователю или в суд в качестве свидетеля для дачи показаний, причем «в особо случаях», сыщики имели право «уклониться от ответов, могущих нарушить служебную тайну, если нарушение это угрожает действительно серьезным вредом интересам розыска»). Любые контакты сыщиков с прессой категорически возбранялись. Чины СО обязаны были принимать все меры, направленные на недопустимость расшифровки своих агентов: избегать встреч с ними в жилищах частных лиц, в публичных местах, не приглашать их в помещение полиции либо СО, «назначая им свидания в наиболее скрытых местах». Правила раскрывали вопросы оплаты и поощрения агентов, досконального изучения всех личностных характеристик инициатора конфиденциального сотрудничества, психологические основы работы с ним и предостерегали от возможности внедрения в СО лиц, специально уполномоченных на то преступной средой, «с целью изучения приемов и организации сыска и всего личного состава служащих».

³⁵⁷ Приложение к секретному циркуляру Департамента полиции от 16 августа 1910 г. за № 126699. – СПб., 1910.

Помимо секретных агентов, внедренных в преступные группы, оперативную информацию могли предоставлять и лица, «близко соприкасающиеся с преступной средой по своей профессии». К их числу относились: 1) «барышники и маклаки»; 2) «содержимые в местах заключения арестанты»; 3) «антикварианты, букинисты и вообще скупщики старинных вещей»; 4) «скупщики жемчуга, бриллиантов, драгоценных вещей и камней»; 5) «торговцы подержанными вещами, старьевщики, татары, торговки, ходящие по домам»; 6) «содержатели рекомендательных контор»; 7) посыльные, переносчики, билетеры и т.д.; 8) полотеры, водопроводчики, трубочисты и т.д.; 9) «извозчики и из них особенно лихачи и кучера»; 10) «железнодорожные и пароходные агентства» и прочие. Кроме того, предписывалось «установление правильных отношений с ломбардами, ссудными кассами и иными подобными учреждениями». Вместе с тем, в Правилах особо подчеркивалось, что привлекая к конфиденциальному сотрудничеству лиц «всевозможных профессий и слоев населения», сыщики должны понимать, что в своей деятельности «они не могут обойтись без содействия, прежде всего, честных и нравственно устойчивых элементов самого охраняемого ими общества»³⁵⁸. Анализируя содержание рассматриваемых Правил, есть все основания полагать, что они были выработаны на основе уже с успехом практиковавшихся инструкций и положений, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность органов политической полиции России («Положение о начальниках розыскных отделений» от 12 августа 1902 г.; «Положение о районных охранных отделениях» от 14 декабря 1906 г.; «Положение об охранных отделениях» от 9 февраля 1907 г.; «Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения», «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры» и т.п.³⁵⁹). Такой подход был не случайным: еще в 1902 г. Департамент полиции отводил секретной агентуре политической полиции «первенствующее место», считая, что при правильной ее постановке она будет

³⁵⁸ Приложение к секретному циркуляру Департамента полиции от 16 августа 1910 г. – С. 1-17.

³⁵⁹ См., например, указанные документы: Борисов А.В., Ермаков Е.Г., Яковлев К.Л., Яковлева Е.И. Развитие организационно-правовых основ управления полицией России в XVIII – начале XX в.: Учебное пособие. – М., 2002. – С. 97-98, 109-111, 120-121, 130-142, 143-155.

не только предоставлять информацию о состоянии дел в революционных организациях, но и «влиять на них в желательном смысле»³⁶⁰. В этой связи, Правила организации агентурной работы в СО были лишь адаптированы, применительно к функциям сыскной полиции, т.е. борьбе с уголовной преступностью, хотя все каноны агентурной деятельности в революционной среде оставались неизменными.

Итак, в Российской Империи в начале XX века была создана нормативная база деятельности сыскных отделений. Следует отметить, что соответствующие органы на Кубани вносили свою лепту в ее имплементацию применительно к региональным особенностям. Так, уже 8 марта 1908 г. М.П. Бабыч писал Наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову: «...хорошая постановка дела сыска и постоянное наблюдение за преступным элементом должно поглотить много времени – этим делом не может заниматься полицмейстер, нельзя поручить его и помощнику, заваленному канцелярской работой, а оно должно быть передано специально подобранному лицу. Дабы таковое имело известную власть над приставами с одной стороны, с другой, чтобы было подчинено и власти полицмейстера, я остановился над предположением создать должность 2-го помощника полицмейстера, специально заведующего сыском. Подчиняясь полицмейстеру на общих основаниях, он, в тоже время, остается самостоятельной единицей, например, непосредственно сносится с прокурорским надзором и жандармской властью, получая от них указания и поручения».³⁶¹ Проект предлагаемого штата сыскного отделения выглядел следующим образом: начальник СО (он же 2-й помощник полицмейстера Екатеринодара), с содержанием 2200 руб. в год; старший агент, с содержанием 600 руб. в год; младшие агенты – 2, с содержанием по 360 руб. в год каждому; на «гримировку и цивильное платье» – 180 руб. ежегодно; на приобретение «фотографических аппаратов и алфавита справок и судимости» одновременно

³⁶⁰ Перегудова З.И. Указ.соч. – С. 195-196.

³⁶¹ Рассказов В.Л. – Деятельность начальника Кубанской области и на казного атамана Кубанского казачьего войска М.П. Бабыча по организации Екатеринодарского сыскного отделения. / Гуманитарные и социально-экономические науки 2015 г. № 1 (80), С. 101-104.

300 руб. Указанные расходы должны были «покрываться из 5000 руб., ассигнованных городом на розыск»³⁶².

Указанное ходатайство рассматривал заведующий Особым отделом по полицейской части канцелярии Наместника на Кавказе, полковник В.А. Бабушкин. 27 марта 1908 г. он сообщил М.П. Бабычу, что «по докладе рапорта Вашего от 8-го марта с.г. Генерал-Адъютанту Графу Воронцову-Дашкову на учреждение в Екатеринодаре должности 2-го помощника полицмейстера, воспоследовало разрешение Его Сиятельства»³⁶³. Вопрос был разрешен быстро и без проволочек. А дальше события развивались и вовсе стремительно. За день до письма В.А. Бабушкина, 26 марта 1908 г. на имя М.П. Бабыча поступил рапорт младшего чиновника особых поручений при Военном губернаторе Карской области, коллежского регистратора Ю.И. Гапонова, который «покорнейше» просил предоставить ему должность «начальника участка или же пристава одного из участков гор. Екатеринодара»³⁶⁴. Отметим, что за два месяца до этого М.П. Бабыч оставил пост военного губернатора Карской области и наверняка был хорошо осведомлен о служебных и моральных качествах своего чиновника особых поручений. Приказом по Кубанской области № 236 от 1 мая 1908 г. Ю.И. Гапонов был прикомандирован к Кубанскому областному правлению, «с откомандированием в Екатеринодарское городское полицейское управление для исправления должности 2-го помощника полицмейстера гор. Екатеринодара»³⁶⁵. Забегая вперед заметим, что в соответствии с законом «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г., 13 августа того же года было учреждено Екатеринодарское СО и его начальником был назначен Ю.И. Гапонов. Незадолго до этого, начальник Шурагельского участка Карской области, капитан Д.С. Захаров был назначен «исправляющим дела полицмейстера гор. Екатеринодара, с зачислением по Кубанскому казачьему войску и с переименованием в

³⁶² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 1-2об.

³⁶³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 4.

³⁶⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 3.

³⁶⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 5.

есаулы»³⁶⁶. Любопытен еще один факт: в период с 14 марта по 5 июля 1907 г. Ю.И. Гапонов, будучи младшим чиновником особых поручений при Военном губернаторе Карской области М.П. Бабыче, был «командирован для управления Шурагельским участком Карского округа, Карской области»³⁶⁷ и сдал его назначенному на должность начальника Шурагельского участка бывшему Темрюкскому полицмейстеру, подьесаулу Д.С. Захарову³⁶⁸. Следовательно, не только начальник Кубанской области М.П. Бабыч знал и Ю.И. Гапонова, и Д.С. Захарова по совместной службе в Карской области, но и двое последних были знакомы между собой. Таким образом, была выстроена довольно примечательная административно-полицейская вертикаль в столице Кубани из бывших сослуживцев по Карской области: начальник Кубанской области → Екатеринодарский полицмейстер → начальник сыскного отделения. Более подробно деятельность этого триумвирата будет рассмотрена в следующем параграфе настоящей главы в контексте функционирования Екатеринодарского сыскного отделения.

Таким образом, есть все основания полагать, что руководство Кубанской области было прекрасно осведомлено о прохождении через Государственную Думу проекта закона «Об организации сыскной части», с причислением штатного Екатеринодарского СО к 3-му разряду. Поэтому, после принятия закона и вступления его в силу, процесс учреждения СО в Екатеринодаре прошел гладко и быстро, в отличие от других городов, где они были сформированы только спустя 4-5 месяцев после вступления закона в силу.

³⁶⁶ Вестник полиции. – 1908. – № 45. – С. 2.

³⁶⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 8.

³⁶⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 249. – Л. 25.

§ 2. Екатеринодарское сыскное отделение: структура, функции и формы деятельности

Ранее отмечалось, что в соответствии с законом «Об организации сыскной части», в составе полицейских управлений 89-ти городов Российской империи были образованы сыскные отделения (СО) 4-х разрядов «для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах»³⁶⁹. В зависимости от штатной численности чинов отделения, денежному содержанию и классным чином, а также численности городского населения и административному, промышленному или военно-стратегическому значению города определялся разряд сыскного отделения. Екатеринодарскому СО был присвоен 3-й разряд, согласно которому предписывались следующие штаты: начальник отделения, с содержанием 1000 руб. в год (жалованье 500 руб. + столовых 500 руб.) и разъездных 200 руб.; полицейские надзиратели – 3, с содержанием каждому 550 руб. (жалование 275 руб. + столовых 275 руб.); городовые – 4, с жалованием каждому по 360 руб.; на сыскные расходы 2000 руб., на канцелярские расходы 700 руб. Итого: 6990 руб. в год³⁷⁰.

В рассматриваемое время, как следует из обзора Екатеринодарского полицмейстера Д.С. Захарова, в областном центре проживало 85661 человек. В Екатеринодаре, «как главном городе области», дислоцировались все «центральные военно-административные и другие учреждения». Что же касается «торгово-промышленной» сферы, то Екатеринодар занимал «не последнее место: по статистическим данным годовой торговый оборот его выразился в сумме свыше 32 млн. руб.; имеет 1578 торгово-промышленных заведений, 91 разного рода фабрик и заводов, с годовым оборотом свыше 10 млн. руб., и 4 коммерческих банка, оборот которых за 1907 г. достиг 392193790 руб. 92 коп. Пароходство товарищества Дицмана отправило из Екатеринодара в навигацию 1907 г. разных грузов 2028968 пудов и сделало оборот около 100

³⁶⁹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30672.

³⁷⁰ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 2. – Штаты и таблицы. – к № 30672.

тыс. руб.»³⁷¹. Из приведенного следует, что на момент учреждения Екатеринодарского СО 3-го разряда это соответствовало требованиям, предъявляемым законом «Об организации сыскной части» к городам, для учреждения органа уголовного сыска.

21 июля 1908 г. помощник Кавказского Наместника по гражданской части, тайный советник И.В. Мицкевич информировал начальника Кубанской области М.П. Бабыча о «распубликовании» закона «Об организации сыскной части». В частности, он писал: «Согласно приведенному закону в Кавказском наместничестве предположено сформировать несколько сыскных отделений 3-го разряда, норматив штата коего при сем прилагается (указан выше. – авт.). Озабочиваясь возможно быстрою и основательною постановкою этого дела и приняв меры к заготовке всех предметов технического оборудования отделений, ...необходимо вручить это живое и ответственное дело лицам опытным, вполне достойным доверия и по возможности ознакомленным заранее с теми приемами предстоящей им работы, которые выяснены практикой. В целях надлежащей постановки сыскного дела, директором Департамента полиции учреждается ...особая школа, в которой будут читаться лекции как по общим началам полицейско-сыскной части..., так и по особым предметам судебной фотографии, антропометрии и дактилоскопии»³⁷². Особо предписывалось, по соглашению с местным прокурором заранее подыскать кандидата на должность начальника сыскного отделения и, «сообщив непосредственно от себя директору Департамента полиции подробные сведения о служебных и нравственных его качествах, а также и отзыв Прокурора, командировать затем означенного чиновника к 1 сентября с.г. в Петербург, для прохождения описанных выше курсов»³⁷³.

В число кандидатов на пост начальника Екатеринодарского СО вошли: помощник Екатеринодарского полицмейстера, коллежский регистратор Ю.И. Гапонов, пристав 3-й части Екатеринодарской городской полиции,

³⁷¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 719. – Л. 9об.-10.

³⁷² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 3-3об.

³⁷³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 3об.

«неимеющий чина» В.Я. Графов и кандидат на полицейскую должность, прикомандированный к Екатеринодарской полиции П.И. Цытович³⁷⁴. 4 августа 1908 г. полицмейстер Екатеринодара Д.С. Захаров представил М.П. Бабычу свой рапорт с ходатайством о назначении на должность начальника СО Ю.И. Гапонова, а также трех полицейских надзирателей – «не имеющих чина» Д.С. Беседина, Л.А. Григониса и П.И. Цытовича³⁷⁵. В тот же день М.П. Бабыч проинформировал прокурора Екатеринодарского окружного суда, надворного советника В.А. Брюн-де-Сент-Гипполита о кандидате на должность начальника сыскного отделения: «...чиновник Гапонов поведения и нравственных качеств хороших, человек молодой, энергичный и честный, к службе относится с усердием, знанием и пониманием долга и, насколько я его знаю, вполне справится с исполнением возложенных на него обязанностей»³⁷⁶. На что прокурор сообщил, что вполне разделяет соображения начальника области, «относительно предполагаемого назначения коллежского регистратора Гапонова начальником сыскного отделения в гор. Екатеринодаре»³⁷⁷. Юридическая процедура, предписанная законом «Об организации сыскной части», была соблюдена и 13 августа 1908 г. последовал приказ по Кубанской области № 484 за подписью М.П. Бабыча, о назначении Ю.И. Гапонова «начальником сыскного отделения 3-го разряда при Екатеринодарской городской полиции»³⁷⁸. В тот же день приказом № 485 Д.С. Беседин, Л.А. Григонис и П.И. Цытович были назначены полицейскими надзирателями СО³⁷⁹. О сделанных назначениях и формировании Екатеринодарского СО 22 августа 1908 г. М.П. Бабыч сообщил в Департамент полиции³⁸⁰.

Некоторые штрихи к портрету 28-летнего начальника Екатеринодарского сыскного отделения Ювеналия Ивановича Гапонова можно почерпнуть из его послужного списка. После окончания Владикавказского реального училища, 12

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 12-12об.

³⁷⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 5-6об.

³⁷⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 9.

³⁷⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 13.

³⁷⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 15.

³⁸⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 17-18.

марта 1898 г. в возрасте 17 лет он поступил на службу в 77-й Тенгинский полк на правах вольноопределяющегося 2-го разряда (как лицо, имеющее среднее образование). 10 августа 1899 г. был командирован в Тифлисское юнкерское училище «для держания вступительного экзамена», который выдержал успешно и был зачислен 1 сентября того же года, «с переименованием в юнкера». Ровно через год Ю.И. Гапонов был произведен в «войсковые унтер-офицеры», однако 1 марта 1901 г. был отчислен из училища «по собственному желанию». Есть основание полагать, что армейская служба с ее муштрой не пришлась по душе 20-летнему юноше. Следующие три года он был в поисках своего дальнейшего жизненного предназначения и, после поданного на Высочайшее имя прошения, 12 апреля 1904 г. был зачислен канцелярским служителем в Карское городское полицейское управление (в настоящее время на бывшей территории Карской области находится часть Армении и три провинции Турции. – авт.). 30 января 1905 г. он был назначен «исправлять должность» письменного переводчика Карского окружного управления Карской области, а с 4 июля по 30 мая 1905 г. временно заведовал Карским участком Карского округа. Далее, 18 августа 1905 г. Ю.И. Гапонов назначается «исправлять дела» младшего чиновника для особых поручений при Военном губернаторе Карской области, 2 сентября того же года, «независимо исполнения прямых обязанностей», назначается членом Карского окружного воинского присутствия, а 3 ноября, «независимо прямых обязанностей», на него возложено «наблюдение за типографией канцелярии Военного губернатора Карской области»³⁸¹. В период с 14 марта по 5 июля 1907 г. он был командирован для управления Шурагельским участком Карского округа Карской области, а с 1 ноября 1907 г. по 1 мая 1908 г., когда Ю.И. Гапонов был назначен вторым помощником Екатеринодарского полицмейстера, он исполнял обязанности редактора областной газеты «Карс». Нельзя обойти вниманием и тот факт, что приказом по Карской области ему была объявлена благодарность

³⁸¹ Рассказов В.Л. – Учреждение Екатеринодарского сыскного отделения. / *Философия права* 2014 г., № 6 (67), С. 71 - 75

«за распорядительность и задержание 18.04.1907 г. трех злоумышленников», а 6 декабря 1907 г. он был «пожалован» орденом Св. Станислава 3-й степени³⁸².

Согласно циркулярному распоряжению Департамента полиции от 8 августа 1908 г., Ю.И. Гапонов должен был прибыть в Петербург к 1 сентября «для прохождения курса» и явиться в 8-е делопроизводство Департамента на ул. Фонтанка, 16, «с надлежащим удостоверением о личности и желательны бы, кроме форменной одежды, иметь необходимое штатское платье». Особо подчеркивалось, что «все предметы технического оборудования (специальные фотографические аппараты и проч.)» будут переданы начальнику СО, «по необходимом ознакомлении его с практическим применением названных пособий»³⁸³. 26 августа 1908 г. Ю.И. Гапонов отбыл в северную столицу «для прохождения курса учрежденной при Департаменте полиции особой школы начальников Сыскных отделений», а 18 октября того же года возвратился в Екатеринодар³⁸⁴.

Получив теоретическую и практическую подготовку в сфере уголовного сыска, по прибытию в Екатеринодар Ю.И. Гапонов приступил к собственно обустройству СО. Екатеринодарская городская управа выделила 400 руб. для полугодовой аренды помещения под СО, с последующим продлением³⁸⁵. Выбор Ю.И. Гапонова пал на дом Котляревского по ул. Пospолитакинская, 67 (ныне – ул. Октябрьская). Как следует из официального документа, в этом доме, перепрофилированном под СО, «имеются комнаты для фотографических работ, кардегардия для арестованных, отдельный вход для секретных посетителей и т.п.; последнее обстоятельство – отдельный вход – имеет весьма важное значение: нередко от того, что никто не видит посетителя, зависит раскрытие преступления. При помещении приспособлена квартира для начальника отделения и городских, что имеет также большое значение в целях сыска: постоянное наблюдение за чинами отделения и личное ведение всех дел в момент их возникновения, чего невозможно достигнуть при отдельной

³⁸² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 7-8.

³⁸³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 19.

³⁸⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 86.

³⁸⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 30-31об.

квартире и, кроме того, начальник отделения, получая содержание 83 руб. в месяц, не имеет никакой возможности существовать при общей дороговизне жизни»³⁸⁶. 15 августа 1909 г. М.П. Бабыч призвал Городского голову Екатеринодара И.Н. Дицмана «внести в первое собрание Городской Думы вопрос о найме городом дома Котляревского под Сыскное отделение на дальнейший срок»³⁸⁷.

Через шесть лет, осенью 1914 г. начальник Екатеринодарского СО (1914–1917) Ф.К. Колпахчев оставил описание штаб-квартиры сыщиков: «Помещение сысского отделения, будучи в течение 6 лет без ремонта, без всяких удобств, производило крайне гнетущее впечатление. Маленькие, низкие комнаты деревянной сакли, за дряхлостью готовы были почти развалиться. Окрашенные когда-то стены, потолки и полы были, за древностью, какого-то неопределенного цвета. Из всех 7 комнат только одна была более или менее пригожа под канцелярию. Кабинет начальника отделения настолько мал и низок, что при керосиновом освещении, через час занятий, положительно выгорал весь воздух и приходилось открывать окно для притока такового. Вторая половина дома, выходящего окнами во двор, совершенно темна – необходимо днем пользоваться зажженной лампой, электричество в отделение не проведено. А самое главное – не имеется при отделении фотографического павильона...»³⁸⁸.

От обустройства СО и условий работы сыщиков вернемся к их деятельности. На полученные от начальника Кубанской области авансовые ассигнования в размере 750 руб., для нужд СО Ю.И. Гапоновым были приобретены: мебель (канцелярский стол, кушетка, тахта, столик), одежда (пальто, жакет, тужурка, брюки, костюмы), предметы для гримирования и «маскировки» (парики, бороды, усы, краски), а также «бразлетка наручная». Некто, Павел Плащевский, получил от начальника СО 3 рубля «за сделанную

³⁸⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 51-51об.

³⁸⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 54-57.

³⁸⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 4-4об.

деревянную ногу»³⁸⁹, надо полагать, также для «маскировки». Часть денежных средств из указанной суммы были израсходованы на привлечение секретных агентов. Так, например, Терентий Смага, согласно его расписке, получил от Ю.И. Гапонова 43 руб. «за сотрудничество по сыску», а Петр Малов – 30 руб. за аналогичные услуги³⁹⁰.

Фактически свои непосредственные функции Екатеринодарское СО начало осуществлять с 1 ноября 1908 г. и к 1 июля 1909 г. достигло достаточно неплохих результатов: было раскрыто 3 убийства «с тремя жертвами» и 16 разбойных нападений и грабежей, за которые было задержано 8 преступников; раскрыта 51 кража с ущербом на общую сумму 19 тыс. руб. – задержано 79 преступников; раскрыты 4 мошенничества, афер и подлогов – задержано 7, а также одна подделка кредитных билетов, за которую был задержан преступник. Из числа лиц, находящихся в розыске, были задержаны беглые каторжники, арестанты, скрывшиеся от суда и с подложными паспортами – всего 9 человек, а также 2 дезертира³⁹¹. В числе еще нераскрытых преступлений за истекший период оставались 10 краж³⁹², по которым, впрочем, продолжалось проведение оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, за 8 месяцев своей деятельности, Екатеринодарское СО раскрыло 75 преступлений (в том числе 11 – по «агентурным сведениям») и задержало 106 преступников. Полагаем, для вновь учрежденного органа уголовного сыска, только копившего практический опыт, и чины которого едва лишь приобретали профессиональные навыки и умения, результат был вполне приемлемый.

Однако такая статистика не удовлетворила полицмейстера Екатеринодара, направившего начальнику области М.П. Бабычу рапорт, в котором указывал, что с момента учреждения в городе СО имели место случаи, когда преступления остались нераскрытыми. «Подобные явления, – писал Д.С. Захаров, – я отношу к плохой организации этого отделения, что всецело ставлю в вину г. Гапонову и его нежеланию или неумению работать, ибо право выбора

³⁸⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5311. – Л. 89-97.

³⁹⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5311. – Л. 103, 108.

³⁹¹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 9.

³⁹² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 46об.-47.

сотрудников, полная свобода действий и самостоятельность ему представлены»³⁹³.

Необходимо заметить, несмотря на то, что СО и состояло при городской полиции Екатеринодара, являясь ее структурным подразделением, однако в сфере оперативно-розыскной деятельности было абсолютно самостоятельным и полицмейстеру не подчинялось. Учитывая этот факт, можно предположить, что служебные взаимоотношения Д.С. Захарова с Ю.А. Гапоновым расстроились в результате «человеческого фактора», связанного с личными амбициями и тщеславием полицмейстера, фактически отстраненного после принятия закона «Об организации сыскной части» от раскрытия преступлений и розыска преступников, и оказавшегося в тени начальника СО. Однако, по мнению В.Н. Ратушняка, «суть недоразумения между полицмейстером Д.С. Захаровым и Ю.И. Гапоновым, очевидно, заключалась в разном понимании ими форм сотрудничества»³⁹⁴. Полагаем, что В.Н. Ратушняк не совсем верно расставляет акценты, поскольку последующие события, связанные, в том числе, и с перемещением Д.С. Захарова полицмейстером в г. Карс, свидетельствуют именно о его личных амбициях и малопривлекательных морально-нравственных качествах. Забегая вперед, заметим, что и с преемником Ю.А. Гапонова на посту руководителя уголовного сыска Екатеринодара А.П. Пришельцевым у Д.С. Захарова сохранились подобные нелады, несмотря на то, что ходатайство начальнику Кубанской области о назначении его на должность начальника СО также представлялось полицмейстером. Подобные казусы и недопонимание имели место и в других СО России. Как правильно указывает А.Ю. Шаламов, анализирующий служебные взаимоотношения полицмейстеров с начальниками СО, «в большинстве случаев, полицмейстеры, не имеющие профессиональной сыскной подготовки, совсем отстранялись не только от

³⁹³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 39.

³⁹⁴Ратушняк В.Н. Об организации сыскной полиции на Кубани в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3. – С. 92.

контроля за оперативной работой отделений, но и вообще от надзора за их же деятельностью»³⁹⁵.

Возвращаясь к рапорту Д.С. Захарова, отметим, что начальник Кубанской области М.П. Бабыч потребовал от Ю.А. Гапонова всю информацию о деятельности СО, и, внимательно изучив ее, предписал своей канцелярии: «Уведомить Полицмейстера, что Начальник Области, по рассмотрению деятельности сыскного отделения, нашел ее успешной»³⁹⁶. Во исполнение указаний, полицмейстер был проинформирован, что «по докладу Начальнику Области рапорта Вашего и сведений, доставленных Начальником сыскного отделения о всей деятельности сыскного отделения за время существования такового, Его Превосходительство признал таковую успешной, о чем канцелярия сообщает для сведения»³⁹⁷. Реакция Д.С. Захарова на данное уведомление осталась неизвестной, однако его пыл не умерился, и он решил отыграться на сыщиках. 29 января 1909 г. полицмейстер докладывал М.П. Бабычу, что полицейский надзиратель СО Григонис, совместно с помощником пристава Кулешовым и кандидатом на полицейскую должность Сотниченко, в нарушение распоряжения «не посещать без служебной надобности увеселительные места и зрелища, позволили себе без служебного дела явиться в цирк Эртмана и смотреть представление». На этом основании Д.С. Захаров ходатайствовал о наказании их – «арестом на гауптвахте», однако М.П. Бабыч «на первый раз» объявил «названным полицейским чинам строгий выговор»³⁹⁸. Не добившись справедливости, в его понимании, и воспользовавшись случаем, когда Ю.И. Гапонов убыл в командировку, 17 июня 1909 г. Д.С. Захаров представил рапорт М.П. Бабычу, в котором доносил, что полицейские надзиратели СО Григонис и Тимошенко, в связи с «отсутствием в городе начальника сыскной части Гапонова, позволили себе пьянствовать и манкировать службой». В связи с этим, полицмейстер ходатайствовал перед начальником области об их «аресте на военной гауптвахте». Понимая

³⁹⁵ Шаламов А.Ю. Указ.соч. – С. 132.

³⁹⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 39.

³⁹⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 48.

³⁹⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 29-30.

подоплеку действий Д.С. Захарова, М.П. Бабыч приказал ему «оставить это дело за давностью без последствий»³⁹⁹. Очевидно, полицмейстер был обескуражен, и, по его словам, «сильно страдая расстройством нервов и лихорадкой», 30 июня 1909 г. подал М.П. Бабычу рапорт с просьбой предоставить «28-дневный отпуск в Новороссийск для лечения»⁴⁰⁰. Однако и недели не прошло, как Д.С. Захаров возвратился в Екатеринодар и доложил М.П. Бабычу: «В виду устранения помощника полицмейстера Головки от занимаемой должности за преданием суду, ходатайствую пред Вашим Превосходительством о временном (выделено нами. – авт.) замещении этой должности начальником сыскной части Гапоновым, вместо которого допустить пристава 1-й части Пришельцева»⁴⁰¹. Приказом по Кубанской области № 347 от 9 июля 1909 г. такие «временные» изменения в штате полиции были произведены⁴⁰². А 3 сентября 1909 г. приказом по Кубанской области № 388 Ю.И. Гапонов и А.П. Пришельцев были окончательно утверждены в своих новых должностях⁴⁰³.

И в новой должности Ю.А. Гапонов продолжал исправно выполнять свои служебные обязанности. Так, 26 октября 1909 г. во время отправки осужденных по приговору Военного суда к смертной казни через повешение И. Балашова, Г. Шимпфа, И. Резникова и других к месту казни, Балашов совершил побег. Причем, как следует из рапорта Д.С. Захарова, «никто из нижних чинов караула не успел за темнотою ночи произвести по убежавшему ни одного выстрела», между тем как Ю.И. Гапонов, «находясь на значительном расстоянии, произвел по Балашову три выстрела, чем нанес ему столь серьезные поранения, что он, пробежав несколько кварталов, от истечения крови упал и, будучи найден несколько часов спустя, казнен»⁴⁰⁴. Ю.А. Гапонов оставался помощником Екатеринодарского полицмейстера вплоть до 1917 г., с перерывом в период с 30 апреля 1910 г. по 11 января 1913 г., когда он «исправлял должность»

³⁹⁹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 155-156.

⁴⁰⁰ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 164.

⁴⁰¹ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 168.

⁴⁰² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194. – Л. 170.

⁴⁰³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 35.

⁴⁰⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 42-43.

Армавирского полицмейстера⁴⁰⁵. Летом 1913 г. Ю.А. Гапонов «временно исправлял дела» Екатеринодарского полицмейстера⁴⁰⁶, а также в период с 30 июня по 29 декабря 1916 г. был вр.и.д. полицмейстера⁴⁰⁷.

Следует констатировать, что первоначальный этап становления Екатеринодарского СО проходил в довольно сложных условиях, вызванных не только новым подходом к делу борьбы с уголовной преступностью в областном центре, в связи с учреждением специализированного органа уголовного сыска, но и отчасти – отягощенных субъективными факторами, на которые мы выше указали. Однако Ю.А. Гапонов заложил в дело сыска качественный фундамент, на котором его преемники и впоследствии успешно осуществляли противостояние общеуголовной преступности.

Новый начальник Екатеринодарского СО, 36-летний коллежский асессор Александр Петрович Пришельцев, обучался в Нижегородской гимназии. До осени 1905 г. он служил в полиции Тамбовской губернии на различных должностях и 11 ноября 1905 г. был назначен приставом станицы Таманской Темрюкского отдела, а 27 августа 1908 г. – переведен приставом в хутор Романовский⁴⁰⁸, крупный железнодорожный узел с населением около 20 тыс. человек⁴⁰⁹ (ныне г. Кропоткин). Приказом по Кубанской области № 44 от 17 января 1909 г. он был перемещен на должность пристава 1-го участка г. Екатеринодара⁴¹⁰. 2 сентября 1909 г., накануне назначения А.П. Пришельцева на должность начальника Екатеринодарского СО, прокурор Екатеринодарского окружного суда В.А. Брюн-де-Сент-Гипполит писал М.П. Бабычу на предмет кандидатуры нового начальника: «...с моей стороны препятствий не встречается»⁴¹¹.

О функционировании органа уголовного сыска в областном центре, свидетельствуют ежегодные «Ведомости о деятельности Екатеринодарского

⁴⁰⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1057. – Л. 2.

⁴⁰⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 39.

⁴⁰⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1438. – Л. 2, 18.

⁴⁰⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 9-14.

⁴⁰⁹ Энциклопедический словарь по истории Кубани... – С. 384.

⁴¹⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 3.

⁴¹¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 34.

сыскного отделения», представляемые в Департамент полиции. Так, в 1909 г. раскрываемость преступлений составила: краж простых до 300 руб. – 63%; краж простых свыше 300 руб. – 50%; краж со взломом – 16%; убийств – 66%; грабежей вооруженных – 33%; грабежей простых – 66%; мошенничеств, подлогов и вымогательств – 100%; конокрадство – два случая не раскрыты⁴¹². В течение года было задержано 284 человека, зарегистрировано 14 преступников, снято 26 фотографий, обнаружено 14 рецидивистов и установлена одна личность, «скрывающая свое звание». Были задержаны «особо опасные и выдающиеся преступники»: 1) Иванюшенков, политический нелегальный, привлеченный по ст. 126 Уложения – разыскан и задержан полицейским надзирателем Л.А. Григонисом; 2) Ензикеев, убийца-душитель, по убийству 1 сентября 1909 г. двух рабочих близ Рогачевского разъезда – задержал полицейский надзиратель С.М. Корж; 3) Васильев, убийца-душитель, по убийству 9 августа 1907 г. близ хутора Романовского троих торговцев – задержал С.М. Корж.

По графе раскрытых «особо выдающихся преступлений» значится: «Установлена шайка профессиональных убийц-душителей, оперировавшая с 1906 г. в полосе отчуждения по линиям Кавказская-Армавир-Тихорецкая-Ростов и совершившая за этот период более 100 убийств с целью ограбления, посредством приведения жертв в бесчувственное состояние усыпляющим средством, а затем удушения. Арестовано 11 человек. Приступлено к розыску 15 сентября 1909 г., розыск окончен 10 ноября 1909 г. Розыск произведен начальником сыскного отделения Пришельцевым и полицейским надзирателем Коржом». Помимо этих сведений, указывается, что «за отчетный период произведено расходов из сыскных сумм 1200 руб.» и «обнаружена сумма из похищенных денег или имущества 6936 рублей»⁴¹³.

Между тем, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий А.П. Пришельцев с сыщиками столкнулся с проблемой на местах. В случаях, когда

⁴¹² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 927. – Л. 2-3.

⁴¹³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 927. – Л. 2об.

после совершения преступлений в областном центре преступники скрывались в сельской местности на территории области, туда командировались сыщики, которые не всегда находили поддержку со стороны станичных властей. Так, например, 7 ноября 1909 г. А.П. Пришельцев докладывал Д.С. Захарову, что деятельность СО «при розысках преступников и похищенного не может ограничиться гор. Екатеринодаром и нередко приходится командировать чинов по станицам, где администрация или совсем не оказывает содействия, или же дает помощь с явною неохотою, что лишает возможности достичь желательных результатов». В целях оптимизации взаимодействия сыщиков с местными властями, начальник СО просил полицмейстера «ходатайствовать перед Начальником Области сделать распоряжение по Области об оказании полного содействия со стороны станичных властей чинам Сысского отделения»⁴¹⁴. Из канцелярии начальника области подтвердили, что «штатным чинам Сысского отделения все чины администрации обязаны по закону оказывать содействие в их законных требованиях и за неисполнение этого они подлежат ответственности и будут строго наказуемы»⁴¹⁵. Несмотря на позицию властей, проблема продолжала оставаться.

Вместе с тем, кроме раскрытия преступлений и розыска лиц, их совершивших, Екатеринодарское СО предпринимало и превентивные меры, направленные на предупреждение преступлений. Проанализировав все сведения о совершении преступлений в областном центре, А.П. Пришельцев направил соответствующую информацию М.П. Бабычу. 29 сентября 1909 г. последовал приказ по Кубанской области № 402, в котором, в частности, указывалось, что «почти все преступные деяния или имели место в постоянных дворах, меблированных комнатах, гостиницах, трактирных заведениях, винных погребах, шашлычных, биллиардных, пивных и т.п., или преступники скрывались здесь до или после совершения преступлений, или даже сами хозяева их были участниками злодеяний. Это обстоятельство с очевидностью

⁴¹⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 66.

⁴¹⁵ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 67.

указывает на то, что разрешения на открытие того или другого торгового-промышленного заведения даются без тщательных справок о личностных характеристиках». В виду этого, было приказано полицмейстерам, атаманам отделов, а также «всем подведомственным Управлениям и лицам собирать самые подробные сведения о судимости, нравственных качествах и благонадежности лиц, просящих о разрешении»⁴¹⁶.

Вникнув во все детали городской криминальной среды и наладив агентурную работу, в 1910 г. А.П. Пришельцев добился еще более впечатляющих результатов. Раскрываемость преступлений составила: краж простых до 300 руб. – 62%; краж простых свыше 300 руб. – 45%; краж со взломом – 13%; убийств – 100%; грабежей вооруженных – 100%; грабежей простых – 100%; мошенничеств, подлогов и вымогательств – 100%; растрат – 100%. Было задержано 343 человека, зарегистрировано 80 преступников, снято 101 фотография, обнаружено 55 рецидивистов. Израсходовано из «сыскных сумм» 2400 руб., обнаружено похищенного на сумму 2400 рублей⁴¹⁷.

Следует сказать, что введение в действие Департаментом полиции совершенно секретных Правил от 16 августа 1910 г. об агентурной работе сыщиков, внесло некоторую сумятицу в деятельность Екатеринодарского СО. Дело в том, что в § 9 Правил указывалось, что «единственно безусловно полезными негласными агентами среди преступного мира являются агенты случайные, или «штучники»», которые получали вознаграждение в зависимости от представленной оперативно значимой информации, т.е. осуществляли конфиденциальное сотрудничество с СО на основе сдельной оплаты. А § 11 Правил категорически запрещал оплату секретным агентам «в виде определенного жалованья», т.е. ежемесячного денежного содержания⁴¹⁸. На эту неувязку обращал внимание А.П. Пришельцев, считавший, что «практика в деле раскрытия преступлений доказала, что случайных агентов найти невозможно. Доверять таким «штучным» агентам нельзя, т.к. они не

⁴¹⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5204. – Л. 80.

⁴¹⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 927. – Л. 4-5.

⁴¹⁸ Приложение к секретному циркуляру Департамента полиции от 16 августа 1910 г. за № 126699. – СПб., 1910. – С. 7-9.

испытаны и всегда стараются лишь получить деньги за свои, в большинстве случаев, заведомо неправильные сведения и никто не пожелает добывать случайные сведения о преступлениях, подвергаясь за это опасности для своей жизни со стороны преступного элемента». Касаясь личной практики агентурной работы, он докладывал Д.С. Захарову, что «все выдающиеся преступления в Екатеринодаре и по области сыскным отделением удалось открыть лишь благодаря имеющимся в моем распоряжении постоянным агентам, получающим определенное ежемесячное вознаграждение, и агентов этих я пригласил, договорившись о содержании на год. Отказавшись от услуг постоянных агентов, я буду поставлен в невозможность продолжать успешные розыски»⁴¹⁹. Екатеринодарский полицмейстер воздержался от принятия какого-либо решения и препроводил рапорт начальника СО М.П. Бабычу, который поддержал позицию А.П. Пришельцева и вынес, в нарушение Правил, но отражающий реалии всех тонкостей агентурной работы, свой вердикт: «...до решения этого вопроса порядок найма агентов оставить прежним»⁴²⁰.

Через два года, осенью 1913 г. начальник СО раскрывал М.П. Бабычу отдельные аспекты своей секретной агентурной «кухни». По словам А.П. Пришельцева, «все агенты, доставлявшие мне когда-либо сведения по преступлениям, имеют от меня на моем должностном бланке или на визитной карточке с должностной печатью, удостоверение о том, что предъявитель сего есть агент, или удостоверение в выданном ему для самозащиты казенном револьвере». Касаясь вопросов фиксации получения агентурой денежного вознаграждения, он указывал, что «агентурные сведения всегда оплачиваются мною под расписки давших сведения, причем сотрудники всегда имеют кличку, если не действуют открыто под своими фамилиями, и расписываются в получении денег или кличкой, или фамилией. Расписки же представляются при отчете Начальнику Кубанской области»⁴²¹ в подтверждение подлинности оплаты конфиденциальных сведений.

⁴¹⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 926. – Л. 19-19об.

⁴²⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 926. – Л. 18, 20-20об.

⁴²¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1089. – Д. 22-22об.

Между тем, Д.С. Захаров продолжал чинить препятствия сыщикам, несмотря на успешное функционирование Екатеринодарского СО. Так, 22 мая 1910 г. с целью выполнения указания товарища прокурора 1-го участка Екатеринодара об установлении лица, привлекаемого к уголовной ответственности за совершение преступления и назвавшегося болгарским подданным Семеном Гоцевым, который содержался при Екатеринодарском полицейском управлении, А.П. Пришельцев обратился к Д.С. Захарову с просьбой доставить Гоцева в помещение СО. Однако полицмейстер отказал, заявив, что начальник СО сам должен явиться в полицию. В связи с этим А.А. Пришельцев был вынужден апеллировать к прокурору Екатеринодарского окружного суда: «Ввиду того, что только за истекшие пять месяцев мною были задержаны 183 человека, которые, за неимением в моем распоряжении достаточного количества служащих, все отправлялись для содержания в Полицейское Управление и что почти каждый арестованный фотографируется и регистрируется через антропометрическое измерение и дактилоскопию, я не имею возможности являться в Полицейское Управление для допроса арестованных уже по одной причине, что придется возить с собой фотографический и антропометрический аппараты и другие принадлежности. Донося о распоряжении Полицеймейстера Захарова, парализующем мои действия, прошу, не найдете ли возможным предложить ему высылать ко мне из Полицейского Управления арестантов, чтобы я имел возможность выполнять требования Судебных властей»⁴²². После того, как прокурор, признав доводы А.П. Пришельцева резонными, указал Д.С. Захарову на незаконность его действий, тот отменил свое указание о явке А.П. Пришельцева в полицию. Однако, как следует из доклада начальника СО прокурору 1 июня 1910 г., полицмейстер «сделал одинаково парализующие мои действия распоряжение, чтобы я выслал двух городских сыскного отделения за Гоцевым». На заявление А.П. Пришельцева, что у него всего четыре городских и по разъяснению Департамента полиции они должны использоваться как филеры для наружного

⁴²² ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 71-71об.

наблюдения, а в настоящее время они «ведут розыски по нескольким убийствам», Д.С. Захаров «приказал их считать не сыщиками, а городскими лишь для охраны сыскного отделения и предложил жаловаться на него в Департамент полиции»⁴²³.

3 июня 1910 г. прокурор препроводил М.П. Бабычу оба рапорта А.П. Пришельцева и присовокупил, что «местное сыскное отделение действительно занято в настоящее время сыском по весьма серьезным делам, поэтому всякое отвлечение кого-либо из малочисленного состава, находящегося в распоряжении начальника сыскного отделения, от тех обязанностей, которые на них возложены, не может не отразиться вредно на деле раскрытия преступлений. Для дела успешного выполнения сыскным отделением возложенных на него законом обязанностей необходимо самое широкое содействие со стороны чинов общей полиции и, наконец, от успешности действий сыскного отделения в значительной степени зависит и отправление правосудия»⁴²⁴. Начальник области принял во внимание позицию прокурора и, вероятно, последним шагом для принятия кадрового решения послужил следующий эпизод. Еще в апреле 1910 г. М.П. Бабыч получил «прошение» от «группы армян», в котором они «покорнейше» просили разрешения в знак благодарности к А.П. Пришельцеву «за умелые и энергичные действия по раскрытию и задержанию убийц семьи Саркисовых, поднести подарок вещью» – золотой портсигар с надписью: «А.П. Пришельцеву от друзей гор. Екатеринодара». Разумеется, начальник Кубанской области наложил на прошение резолюцию: «Не разрешаю»⁴²⁵. Однако Екатеринодарский полицмейстер Д.С. Захаров отслеживал ситуацию до конца и спустя пять месяцев, 28 сентября 1910 г. доложил М.П. Бабычу, что А.П. Пришельцев «позволил себе принять в дар, приобретенный на средства, собранные среди местного армянского населения, золотой портсигар стоимостью 300 руб. за

⁴²³ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 73-73об.

⁴²⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 70.

⁴²⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 44, 58.

успешные розыски злоумышленников по делу убийства семьи Саркисовых»⁴²⁶. Впрочем, какие-либо негативные последствия для начальника СО не наступили.

Нездоровая ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях Екатеринодарского полицмейстера с начальником СО, привела к тому, М.П. Бабыч подготовил проект приказа, в котором, в частности, указывал: «...я признал необходимым в целях более успешной деятельности Екатеринодарского сыскного отделения выделить таковое из состава Екатеринодарского полицейского управления с непосредственным подчинением мне и Прокурору Екатеринодарского окружного суда. В виду этого, предлагаю начальнику сыскного отделения о всех выдающихся и раскрытых преступлениях докладывать непосредственно мне, независимо такого же доклада и полицмейстеру г. Екатеринодара. О всех действиях сыскного отделения ежедневно доносить рапортом Полицейстеру для внесения в суточный рапорт, представляемый мне»⁴²⁷. Несмотря на благие намерения М.П. Бабыча, данный проект приказа остался нереализованным, поскольку противоречил закону «Об организации сыскной части». Несомненно, на этот казус ему указал прокурор.

Поскольку серьезные препятствия в деятельности СО создавали внутренние трения между одиозным полицмейстером и главным сыщиком города, М.П. Бабычу необходимо было разрешить эту проблему. Нам не известно, какие административные ресурсы были им задействованы, но летом 1911 г. Д.С. Захаров «неожиданно» убыл для дальнейшей службы в г. Карс полицмейстером. История с его назначением приобретает особое значение, если иметь в виду, что сохранилось весьма характерное письмо начальника области в Штаб Кавказского военного округа, в котором М.П. Бабыч пишет: «...бывший полицмейстер Екатеринодара есаул Захаров добровольно перешел на службу полицмейстером гор. Карса в виду того, что по последней должности

⁴²⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 55.

⁴²⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 74-75.

больше содержания, а равно дабы быть произведенным в подполковники»⁴²⁸. Как бы то ни было, но 18 августа 1911 г. приказом по Кубанской области № 189 управляющий хозяйственной части Кубанского Мариинского института, войсковой старшина Д.И. Ходкевич был назначен исправлять должность Екатеринодарского полицмейстера⁴²⁹, а 5 марта 1912 г. приказом по области № 79 был утвержден в занимаемой должности⁴³⁰.

Не исключено, что перемещение Д.С. Захарова в Карс стало благоприятным фактором для сыщиков, по крайней мере, новый полицмейстер не вмешивался в их работу, ибо в 1911 г. показатели деятельности Екатеринодарского СО продолжали прогрессировать. Раскрываемость преступлений составила: краж простых до 300 руб. – 82%; краж простых свыше 300 руб. – 83%; краж со взломом – 90%; убийств – 100%; грабежей вооруженных – 50%; мошенничеств, подлогов и вымогательств – 100%; растрат – 100%; подделка металлических и бумажных денег – 100%. Было задержано 620 человек, зарегистрировано 49 преступников, снято 260 фотографий, обнаружено 48 рецидивистов и 4 «личности, скрывающих свое звание». Израсходовано из «сыскных сумм» 3030 руб., обнаружено похищенного на сумму 1063 рублей⁴³¹.

Несмотря на то, что в 1912 г. показатели Екатеринодарского СО несколько снизились, тем не менее был раскрыт ряд особо тяжких преступлений. Раскрываемость составила: краж простых до 300 руб. – 50%; краж простых свыше 300 руб. – 50%; краж со взломом – 31%; убийств – 71%; грабежей вооруженных – 15%; мошенничеств, подлогов и вымогательств – 100%; растрат – 100%; подделка металлических и бумажных денег – 100%. Было задержано 403 человека, зарегистрировано 17 преступников, снято 123 фотографии, обнаружено 32 рецидивиста и 5 «личностей, скрывающих свое звание». Израсходовано из «сыскных сумм» 2000 руб., обнаружено похищенного на сумму 14781 рубль⁴³².

⁴²⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1048. – Л. 12-12об.

⁴²⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 2.

⁴³⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 16.

⁴³¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 927. – Л. 6-7.

⁴³² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 927. – Л. 8-9.

Особое внимание следует обратить на динамику роста тяжких преступлений в рассматриваемый период. Если в Екатеринодаре в 1910 г. было совершено 25 разбоев и грабежей, то в 1911 г. уже 52, а в 1912 г. – 85. Аналогично обстояло дело и с кражами: в 1910 г. – 380, а в 1912 г. – 570. А вот убийства и покушения на них фактически держались на одном уровне и даже с тенденцией на снижение: в 1910 г. – 25, в 1911 г. – 14, в 1912 г. – 23. Для сравнения, в Ейске число разбоев и грабежей возросло с 5 в 1910 г. до 7 в 1912 г., а краж и убийств с покушениями снизилось с 68 в 1910 г. до 56 в 1912 г. и с 7 в 1910 г. до 4 в 1912 г. соответственно. В Анапе разбои и грабежи увеличились с 2 в 1910 г. до 6 в 1912 г., а кражи и убийства с покушениями уменьшились с 31 в 1910 г. до 18 в 1912 г. и с 4 в 1910 г. до 2 в 1912 г. соответственно⁴³³. Указанные статистические данные свидетельствуют, что Екатеринодарское СО, при небольшом, постоянном штате сыщиков (8 человек, включая начальника), несмотря на рост тяжких преступлений в городе, добивалось стабильно положительной динамики в их раскрытии и розыске лиц, их совершивших.

Успехи сыщиков не могли остаться без внимания со стороны местных властей. 4 апреля 1913 г. М.П. Бабыч направил представление в штаб Кавказского военного округа о награждении орденом Св. Владимира 4-й степени полицейского надзирателя Екатеринодарского СО, коллежского регистратора И.П. Жуковского⁴³⁴ (с 23 сентября 1907 г. – урядник Екатеринодарской полиции; с 28 марта 1908 г. – пристав 2-й части Екатеринодара; с 8 июля 1910 г. – полицейский надзиратель СО⁴³⁵). В нем, в частности, указывалось, что И.П. Жуковский, «состоя на службе полиции во вверенной мне области, проявил выдающуюся служебную деятельность и храбрость при задержании преступников. Так, например, 5 июля 1912 г. при задержании Жуковским и городовым Вольским в гор. Екатеринодаре членов разбойничьей шайки Зауташили и Самусева, последние оказали вооруженное сопротивление, ранили пятью пулями Вольского, а Жуковскому выбили зубы и

⁴³³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1053. – Л. 65.

⁴³⁴ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 206. – Л. 25.

⁴³⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 752. – Л. 7-8.

лишь благодаря отчаянной храбрости Жуковского, подвергавшего свою жизнь явной опасности, не убили их, а напротив, сами были застрелены последним из револьвера, который он в борьбе отнял у Зауташвили»⁴³⁶. Однако, по докладу представления Военному министру, генералу В.А. Сухомлинову тот «не нашел возможности подвергнуть ходатайство на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение», поскольку «число наград как за обыкновенные, так и за выдающиеся отличия определено особыми нормами»⁴³⁷. А вот городской Екатеринодарского СО М. Вольский в августе 1913 г. был награжден «серебряной нагрудной медалью с надписью «За храбрость» 4-й степени на Георгиевской ленте»⁴³⁸. Попутно отметим, что приказом по Кубанской области № 96 от 21 марта 1913 г. И.П. Жуковский был назначен на «нештатную должность пристава на станции «Отрадо-Кубанская» Владикавказской железной дороги», с прикомандированием к Кубанскому областному правлению с 12 февраля, а на его место полицейского надзирателя Екатеринодарского СО, «согласно просьбы», был назначен полицейский надзиратель Ставропольского СО П.С. Донцов⁴³⁹. О нем Ставропольский губернатор Б.М. Янушкевич писал М.П. Бабычу: «...Павел Донцов поведения и нравственных качеств хороших, трезвый, трудолюбивый и как чиновник сыскного отделения имеет достаточный опыт. О перемещении в Екатеринодарское сыскное отделение возбудил ходатайство потому, что чины последнего материально обеспечены лучше»⁴⁴⁰. Полагаем, что причина перехода П.С. Донцова крылась не в материальной заинтересованности, а имела другие основания, поскольку в соответствии с законом «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г., Ставропольское СО, как и Екатеринодарское СО, были отнесены к 3-му разряду, с содержанием полицейских надзирателей 550 руб. в год⁴⁴¹.

⁴³⁶ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 206. – Л. 27.

⁴³⁷ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 206. – Л. 48-49.

⁴³⁸ ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 4. – Д. 206. – Л. 73.

⁴³⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1106. – Л. 5.

⁴⁴⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1106. – Л. 4.

⁴⁴¹ ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – Отд. 2. – Штаты и табели. – к № 30672.

Тем временем, Екатеринодарский полицмейстер Д.И. Ходкевич, будучи «хозяйственником» по прежней службе, не смог проявить себя на посту полицмейстера: в его аттестации за 1912 г. М.П. Бабыч указал: «К службе усерден, честен, исполнителен. Физически здоров, умственно развит слабо. Характера спячего. Полицейскую службу не вполне усвоил»⁴⁴². Вероятно, начальник области понял, что ошибся с назначением Д.И. Ходкевича, и весной 1913 г. разрешил ему убыть в двухмесячный отпуск «во все города Российской Империи»⁴⁴³. Наверное, не было неожиданным для М.П. Бабыча и письмо градоначальника Ростова-на-Дону, генерал-майора И.Н. Зворыкина от 30 апреля 1913 г.: «Полицмейстер Екатеринодара, войсковой старшина Дмитрий Ходкевич обратился ко мне с ходатайством о предоставлении ему должности по полиции во вверенном мне Градоначальстве. Прошу сообщить мне сведения о поведении, образе жизни и служебных и нравственных качествах Ходкевича, а также о причинах, побуждающих его к перемене места службы»⁴⁴⁴. 11 мая М.П. Бабыч дал весьма уклончивый ответ: «...Ходкевич прекрасный строевой офицер, отличных служебных и нравственных качеств. Оставляет службу в Кубанской области по семейным обстоятельствам»⁴⁴⁵.

Остаются загадкой причины, по которым не состоялся переход Д.И. Ходкевича в полицию соседнего областного центра Войска Донского, но приказом по Кубанской области № 158 от 1 июня 1913 г. он был назначен старшим помощником атамана Кавказского отдела. Тем же приказом, временно исправлять должность Екатеринодарского полицмейстера был назначен Ю.И. Гапонов⁴⁴⁶. Однако осенью того же года он передал бразды правления полицией вернувшемуся из Карса уже подполковником Д.С. Захарову, очевидно пересмотревшему свои позиции по отношению к сыщикам Екатеринодара в целом и к их начальнику в частности, и сделавшему соответствующие выводы. Об этом свидетельствует его рапорт от 27 октября

⁴⁴² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 25-25об.

⁴⁴³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 29.

⁴⁴⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 33.

⁴⁴⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 34.

⁴⁴⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 945. – Л. 39.

1913 г., в котором он докладывал М.П. Бабычу, что «за 4 года заведывания сыскным отделением городской полиции надворным советником Пришельцевым, кроме выяснения обычных ежедневных городских преступлений, им раскрыты не только выдающиеся по городу убийства и разбои, но своею неутомимою розыскною деятельностью Пришельцев очистил значительную часть Кубанской области от наводнивших ее разбойничьих шаек, наводивших ужас на все население своими зверскими убийствами, нередко целых семейств. ...За все время службы Пришельцева в должности начальника сысканого отделения им было задержано из преступного мира по городу и области более 1000 человек, из коих значительное число понесло по суду разные наказания, до смертной казни включительно. ...5 мая 1912 г. Пришельцев, с явной опасностью для своей жизни, лично задержал напавших на пекарню Обухова в гор. Екатеринодаре трех разбойников-турок, которые при задержании стреляли в Пришельцева. По приговору Екатеринодарского суда от 2 ноября 1912 г. они приговорены к смертной казни»⁴⁴⁷. Поразительно, но такой неожиданный поворот в ментальности Д.С. Захарова привел к адекватной реакция властей: 6 марта 1913 г. А.П. Пришельцев был «пожалован» орденом Св. Владимира 4-й степени⁴⁴⁸. А 14 августа 1914 г. приказом по Управлению Наместника на Кавказе надворный советник А.П. Пришельцев был назначен Батумским полицмейстером⁴⁴⁹. Вероятно не без протекции А.П. Пришельцева, 2 октября 1914 г. комендант Батумского генерал-губернаторства, генерал-майор Б.С. Романовский-Романько на должность начальника Батумского сысканого отделения назначил полицейского надзирателя Екатеринодарского сысканого отделения С.М. Коржа⁴⁵⁰. Соответственно на его место был назначен «неимеющий чина» С.Г. Михайлов из «Баталпашинской местной команды»⁴⁵¹ (ныне г. Черкесск).

⁴⁴⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 110-110об.

⁴⁴⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 809. – Л. 163.

⁴⁴⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1129. – Л. 19.

⁴⁵⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1185. – Л. 7.

⁴⁵¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1185. – Л. 43.

Вакансия начальника Екатеринодарского СО недолго оставалась не замещенной. Еще 16 марта 1914 г. начальник Карского СО, губернский секретарь Ф.К. Колпахчев направил «прошение» Д.С. Захарову с просьбой «ходатайствовать перед Начальником Кубанской области о предоставлении должности пристава или начальника Сыскного отделения в Екатеринодаре». В частности, он писал: «О нравственных и служебных качествах моих могут дать откровенный отзыв Прокурор Эриванского Окружного Суда и Товарищ Прокурора Екатеринодарского Окружного Суда Павлов, как лица непосредственно руководившие деятельностью сыскного отделения в гор. Карсе и лично меня изучившие всесторонне»⁴⁵². Сразу же после нового назначения А.П. Пришельцева, 16 августа 1914 г. полицмейстер Д.С. Захаров направил ходатайство М.П. Бабычу о назначении Ф.К. Колпахчева начальником Екатеринодарского СО, причем указывал: «Зная г. Колпахчева за усердного, трезвого, честного и в высшей степени способного труженика, я прошу о назначении его на должность теперь же, не ожидая получения послужного списка, так как промедление в назначении вредно отразится на интересах службы»⁴⁵³.

Начальник Кубанской области удовлетворил ходатайство Д.С. Захарова и 18 августа 1914 г. «временно исправлять должность» начальника Екатеринодарского СО был назначен 33-летний губернский секретарь Феофилакт Константинович Колпахчев, окончивший 4 класса Тифлисского духовного училища⁴⁵⁴. Новый начальник Екатеринодарского СО сразу же с головой погрузился в работу, глубоко изучил и проанализировал организацию деятельности отделения, обстоятельно познакомился с его личным составом. В результате своих наблюдений, 20 октября 1914 г. Ф.К. Колпахчев направил М.П. Бабычу подготовленный им «Обзор Екатеринодарского сыскного отделения», который условно можно разделить на четыре компонента: состояние агентурной работы, сыскные кадры и оптимизация их работы,

⁴⁵² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1183. – Л. 10.

⁴⁵³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1183. – Л. 9-9об.

⁴⁵⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1129. – Л. 335-336.

организационные формы оперативно-розыскной деятельности, использование сыскных собак.

Касаясь агентурной работы, Ф.К. Колпахчев констатировал, что с уходом А.П. Пришельцева «в корне уничтожен всякий след сыска», поскольку «при сдаче отделения никакая агентура передана мне не была» и «личная агентура начальника отделения осталась для меня неизвестной». У полицейских же надзирателей «никакой агентуры не имеется, по крайней мере, у меня на агентуру денег не просят». Что касается городских, то «зная лично многих из преступного мира, они вели бы сыск очень недурно, если бы могли работать систематически». Насколько удалось выяснить Ф.К. Колпахчеву, «сыск ведется по преимуществу на «случай», а именно: произведут общую облаву, арестуют человек 20–30, и затем, путем опроса о вчерашнем времяпрепровождении данного субъекта и путем уличения его в неправильных показаниях об этом, доводят до сознания. Система наблюдения чинами сыскного отделения не применяется и, кажется, им не знакома». В ходе бесед с полицейскими надзирателями выяснилось, что прежде «весь сыск и наблюдение вел, непосредственно, сам Пришельцев через нештатных агентов и в это дело никто из подчиненных чинов посвящен не был». Поэтому, «всю организацию агентуры и наблюдение» приходится «заводить сызнова, путем упорного труда»⁴⁵⁵.

Относительно подбора агентуры Ф.К. Колпахчев полагал, что «элемент, более всего пригодный для сыска, выражается в Екатеринодаре в очень крупной численности, а именно: извозчики, швейцары, прислуга гостиниц, проститутки, рассыльные, старьевщики, точильщики и т.п., в общей сложности достигают своей численностью до десяти тысяч». Он же всегда отказывался от услуг агентов из числа преступников, например, «отбывших наказание, лишенных прав, ибо, вполне было бы основательно то предположение, что если преступник выдает такого же преступника, какой сам, то, конечно, это делает не из одного желания заработать малую толику денег, а за этим скрывается что-

⁴⁵⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 1-2.

то другое. Говорить же о благожелательности их не приходится». Опыт полицейской работы и «восьмилетняя практика по сыску» Ф.К. Колпахчева позволили ему выдвинуть тезис о том, что «если преступника не мучит жажда мести к своему собрату, если преступнику нет надобности получить какую-либо льготу лично для себя от полиции, у него ни за какие деньги выманить указания на совершившееся преступление нет возможности; это относится к случайной добыче сведений». Систематические же сведения «от преступного мира», по его мнению, должны добываться «не непосредственно от преступников, а через переходящую ступень, а именно – через тех лиц, кои, будучи сами по себе не преступники, имеют общение, в силу своей профессии, с преступным миром»: извозчики, швейцары, прислуга и прочие, «действуя в пределах известного участка и дома, имеют возможность всегда наблюдать, как вел себя до происшествия и после него потерпевший или подозреваемый, было ли данное явление из ряда вон выходящее или обыкновенным»⁴⁵⁶.

Естественно, Ф.К. Колпахчев признавал, что «за короткое время своего пребывания я еще не успел организовать агентуру, а правильной, систематической и организованной не принимал. Обхватить же сразу такой крупный контингент сыскного элемента я пока не успел, что, конечно, с истечением некоторого времени, будет достигнуто. Но, тем не менее, борьба с преступностью ведется по мере возможности в том порядке и способом, какой был до сего». Относительно перспектив агентурного аппарата он заметил, что «несколько агентов-осведомителей из прежнего состава стали мне известны только со второй половины сентября, совершенно случайно, но они своим прошлым, с уголовной судимостью с одной стороны, безуспешностью работы с другой, заставляют только пожелать скорейшей своей замены, к которой сразу приступить я не решаюсь, но постепенное, медленное удаление их из сыскного отделения я считаю своей обязанностью»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 2об.

⁴⁵⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 2об.

О личном составе Екатеринодарского СО Ф.К. Колпахчев отзывался достаточно позитивно, отмечая, что штат «как чиновников, так и городских подобран из вполне подходящих людей и с ними бы возможно было весьма успешно вести сыск, если бы не малочисленность их и неприспособленность по своей подготовке к систематической, упорной работе». Учитывая, что «Екатеринодар по своему расположению, пространству и численности населения... более 100 тысяч жителей, а преступность специализирована», он считал, что «для своего обслуживания» городу требуется СО 2-го разряда, «тогда как весь состав сыскного отделения, вместе с начальником, состоит из 4-х только чиновников и 4-х нижних чинов, которые положительно завалены исполнением чисто формальной стороны дела, без которой, конечно, обходиться нельзя, и им нет возможности употребить хотя бы один свободный, лишний час за жизнью улицы, для изучения отдельных явлений общественной жизни». Предполагалось установить постоянный надзор: за почтой, трамвайной «пересадкой» на углу Екатерининской и Красной улиц, за всеми банками, церквями по праздникам, увеселительными местами и фабрично-заводской жизнью. Однако, «делать это систематически, изо дня в день, собирать по каплям материал для создания грозной сети сыска» Ф.К. Колпахчев был пока «лишен возможности».

Останавливаясь на формах сыскной деятельности, он полагал, что «делить город по уголовному сыску на отдельные участки (зонально-территориальный принцип. – авт.) нельзя, этого не позволяет самая жизнь по своему существу, ибо преступник, совершив кражу в одном участке, конечно, может перебраться в другой, в третий и т.д., а это значит, начало преступления заведывающему участку известно, а продолжение – нет, теряется индивидуализация сыска, теряется личная инициатива сыщика». По мнению Ф.К. Колпахчева, «более целесообразным является деление сыска по специальностям преступлений (линейный принцип. – авт.), например, во всем городе карманными кражами заведывает известный чиновник сыскного отделения с особым кадром городских и агентов, квартирными кражами – другой, грабежами – третий,

убийствами, взломами, поджогами – четвертый, хипесниками⁴⁵⁸, марвихерами⁴⁵⁹, скокарями⁴⁶⁰, мойщиками⁴⁶¹, шапошниками⁴⁶² – пятый, и не один из них не по своей специальности не выступает». По каждой сыскной специализации должны быть «два отдельных отрасля служащих: официальных – производящих дознание, обыски, аресты, выступающих на суде обличителями (процессуальная форма деятельности. – авт.) и не официальных – наблюдающих, собирающих сведения (не процессуальная форма деятельности. – авт.)». Указанные меры могут быть выполнимы, учитывая штатную численность СО, «только при двух условиях: 1) имение у себя на регистрации всех преступников местных, их укрывателей и пособников; и 2) лично самому, путем долгого пребывания в Екатеринодаре, изучить всех преступников, их характерность в работе». В связи с тем, что «до настоящего времени сыск велся при наличии второго условия, т.е. непосредственного личного знания самим начальником и его сотрудником Коржом если не всех, то, по крайней мере, трех четвертей всего преступного элемента, им была известная особая характерность каждого вора». Ввиду того, что в течение 4–5 лет они задерживали достаточное количество преступников, то они «брали с каждого случая к себе в сведение необходимую деталь», «не встречая надобности в регистрации, которая игнорировалась».

Наконец, говоря об использовании в сыске «собак-ищек», Ф.К. Колпахчев с сожалением отмечал, что эта отрасль, «будучи игнорируема, была заброшена на усмотрение инструктора, который весьма часто менялся и, таким образом, прошедшая курс с одним инструктором собака, привыкшая понимать только его, будучи передана другому – теряется, не понимая последнего». Он приводил пример с «Гертой», которая «была в четырех руках, а с августа передана в пятые, вошедшие в нее приемы в пятый раз подвергались изменению, а потому она из лучшей ищейки ныне превратилась в почти

⁴⁵⁸Хипесник – вор, обкрадывающий посетителей проститутки при ее участии.

⁴⁵⁹Марвихер – южное название карманного вора.

⁴⁶⁰Скокарь – вор, совершающий кражи со взломом из квартир.

⁴⁶¹Мойщик – вор, обкрадывающий сонных пассажиров в поездах.

⁴⁶²Шапошник – мелкий рыночный вор.

негодную». Предполагалось устранить этот пробел с возвращением в декабре 1914 г. из Тифлиса, «командированных туда на курсы двух собак с инструкторами». В заключение, Ф.К. Колпахчев сделал вывод, что «столь долгое время сыскное отделение работало весьма продуктивно» исключительно в связи с «личным изучением преступной среды г. Пришелецевым, в личных его качествах»⁴⁶³.

Известно, что при поддержке вновь назначенного Екатеринодарского полицмейстера, есаула Д.К. Михайлопуло (как и его предшественник Д.И. Ходкевич, также бывший управляющий хозяйственной частью Кубанского Мариинского женского института и гласный Екатеринодарской городской Думы), заменившего осенью 1914 г. Д.С. Захарова, начальнику уголовного сыска Екатеринодара удалось отремонтировать помещение СО и создать регистрационное бюро⁴⁶⁴. Что же касается Д.С. Захарова, то, по имеющимся сведениям, в ноябре 1914 г. он являлся командиром 16-го Кубанского пластунского батальона, участвовал в Первой мировой войне и в 1915 г. был произведен в полковники⁴⁶⁵. В Гражданскую войну Д.С. Захаров командовал в ноябре 1918 г. 12-м Кубанским пластунским батальоном в составе Добровольческой армии⁴⁶⁶.

О том, что слова Ф.К. Колпахчева о тщательном подборе агентуры не расходились с делом может свидетельствовать следующий факт. 20 мая 1915 г. крестьянин Саратовской губернии А.В. Васючков, проживавший в ауле Эрсаконском, Баталпашинского отдела Кубанской области направил прошение начальнику Екатеринодарского СО: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство о причислении меня к сыскной полиции и о выдаче мне на то удостоверения, чтобы могло служить при каких-либо обстоятельствах и в случае заявления полицейским властям, то давали бы для меня соответствующей от полиции помощи, например: если где-либо будет замечено

⁴⁶³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 3-4.

⁴⁶⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1136. – Л. 4об.

⁴⁶⁵ Кириченко Ю.Н. Пластунские батальоны и станица Уманская (Ленинградская) / Электронный ресурс http://samlib.ru/k/kirichenko_j_n/publicistika.shtml.

⁴⁶⁶ См.: Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. В 2 т. – М., 2012.

много не благоприятное действие политики, как грабежи, так и другие противодействия закона, то я должен обо всем доводить до сведения полицию и просить помощи о задержании разных преступников». Такие «секретные агенты» были не нужны Ф.К. Колпахчеву, о чем он и уведомил инициатора конфиденциального сотрудничества: «В сыском отделении вакантной должности агента нет. В зачислении сотрудником какого-то Васючкова я никакой надобности не вижу»⁴⁶⁷.

Поскольку Ф.К. Колпахчев только вникал во все нюансы Екатеринодара в целом и его криминального мира в частности, то в 1914 г. показатели раскрываемости преступлений Екатеринодарским СО не были «выдающимися»: кражи до 300 руб. – 41%, кражи свыше 300 руб. – 36%, кражи со взломом – 29%, убийства с покушениями на него – 100%, грабежи вооруженные – 75%, грабежи простые – 61%, мошенничества, подлоги, вымогательства – 100%. Общее число задержанных составило 556 человек⁴⁶⁸. Обнаружено похищенного имущества на сумму 40059 руб. 29 копеек⁴⁶⁹. Нельзя не отметить, что большим подспорьем для сыска стало открытие 15 декабря 1913 г. при Екатеринодарской полиции адресного стола, в который все квартиросъемщики, домовладельцы и их поверенные обязаны были представлять адресные листки с указанием лиц, проживающих в их квартирах и домах, а также вносить их в домовые книги⁴⁷⁰.

Полагаем, что М.П. Бабыч внимательно ознакомился с аналитическим обзором Ф.К. Колпахчева о Екатеринодарском СО и, в особенности не соответствия его по штатам 3-го разряда уровню преступности для обслуживания областного центра. 11 января 1915 г. начальник Кубанской области направил Наместнику на Кавказе ходатайство «о преобразовании Екатеринодарского сыского отделения из 3-го во 2-й разряд для успешного ведения в гор. Екатеринодаре сыска». В нем, в частности, М.П. Бабыч указывал, что штат Екатеринодарского СО по 3-му разряду «признается слишком

⁴⁶⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1274. – Л. 12-12об.

⁴⁶⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 14. – Л. 86.

⁴⁶⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1274. – Л. 42.

⁴⁷⁰ Кубанский край. – 1913. – 18 декабря.

недостаточным для такого большого города как Екатеринодар, где числится населения более ста тысяч и требуется особое напряжение сил чинов сыскного отделения. При нынешнем составе они не имеют возможности с должным вниманием следить за жизнью улицы, изучать отдельные явления общественной жизни, иметь постоянный надзор в таких местах, как в почтовой конторе, в банках, в увеселительных местах и проч.»⁴⁷¹. И невооруженным взглядом видно, что в ходатайстве М.П. Бабычем использовались тезисы, выдвинутые и аргументированные Ф.К. Колпахчевым в обзоре. Хотя и с уже ставшей традиционными волокитой и задержкой, но 25 октября 1915 г. Канцелярия Наместника на Кавказе поддержала ходатайство начальника области перед Департаментом полиции о переводе Екатеринодарского СО во 2-й разряд, указав, что СО других городов Кавказского края по 3-му разряду – Елисаветполя (ныне Гянджа, Азербайджан), Батума и Владикавказа – «по числу населения, развития городской жизни и преступности в значительной степени уступают Екатеринодару»⁴⁷². 28 апреля 1916 г. Департамент полиции уведомил Канцелярию Наместника на Кавказе, что «мера эта может быть осуществлена не иначе как в порядке законодательном», причем, поскольку административно-полицейское управление в Кубанской области «ведется по общим узаконениям МВД и находится в ведении Военного Министерства, то от власти МВД не зависит. Подтверждением сему может служить то обстоятельство, что законопроект об организации сыскной части в областях Туркестанского края был внесен в Государственную Думу 31 мая 1910 г. Военным Министерством»⁴⁷³. Военное же министерство заявило, что «впредь до окончания войны и более благоприятного времени вопрос о переименовании является преждевременным»⁴⁷⁴. Больше М.П. Бабыч не поднимал вопрос о переводе Екатеринодарского СО во 2-й разряд, будучи не в состоянии преодолеть барьеры канцелярщины.

⁴⁷¹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 44. – Л. 82.

⁴⁷² ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 44. – Л. 85-85об.

⁴⁷³ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 44. – Л. 88-88об.

⁴⁷⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1386. – Л. 8.

В 1915 г., когда к Екатеринодарскому СО были прикомандированы двое чиновников и семь нижних чинов, раскрываемость преступлений достигла 93,7% – лучшего показателя за всю историю его деятельности. Как следует из отчета Ф.К. Колпахчева, в течение года «особо выдающихся преступлений, кои выходили из ряда обыкновенного явления в жизни крупного центра, не было. Разбойных нападений на почту, казначейство, банки, «экспроприаций» частных лиц, пожаров, грабежей церквей, монастырей, имений и хуторов не было вовсе». Имел место поджог хутора «из-за мести со стороны уволенного рабочего, который задержан и передан в распоряжение Суда». Не было также краж оружия и казенного имущества, «если не считать случая похищения белья из Кубанской Общины сестер милосердия, каковая открыта и все похищенное возвращено по принадлежности». Подделка металлических денег – 4, «кои все открыты», а подделок бумажных денег, процентных бумаг, гербовых марок и вексельных бланков не было. Конокрадство – 11, «из коих открыт один случай». Начальник СО разъяснял, что «неудовлетворительный сыск по конокрадствам обуславливается, главным образом, тем, что крадут «живую вещь», на которой возможно сейчас же, после кражи, уехать, а в распоряжении сыскного отделения нет никаких средств передвижения, кроме городских извозчиков, на коих можно разъезжать только в пределах города и то, не по всем улицам, тогда как все полицейские части имеют своих лошадей и выезд». Помимо этого, по словам Ф.К. Колпахчева, «приходится считаться еще и с незначительными денежными средствами, имеющимися в распоряжении, каковые не позволяют командировать, всякий раз, на ярмарки своих людей»⁴⁷⁵.

В течение 1915 г. Екатеринодарское СО провело 351 дознание, «из коих открыто 329, а 22 не закончено производством». Было похищено имущества и денег на общую сумму 137572 руб. 80 коп., обнаружено и возвращено потерпевшим 112559 руб. 89 коп. На «сыскные надобности» было израсходовано 2 тыс. руб. и с учетом обнаруженной суммы денег, как замечает

⁴⁷⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1274. – Л. 38.

Ф.К. Колпахчев, «каждый обнаруженный рублю обошелся казне в 1,7 копейки».

Было задержано 356 человек, из них 36 рецидивистов. Установлено 13 личностей, «скрывающих свое звание и прошлое». Как следует из отчета, «в течение года было задержано несколько крупных воров, кои среди воровского мира имеют большой воровской авторитет, как например: Богачев, Гарифалов, Ильин, Ганган, известные всей России. Отрадной отметить, что такие крупные величины как Богачев, подстреленный городским 1-й части и совершивший более 10 краж со взломом, и Гарифалов, совершивший 10 крупных краж со взломом, задержаны организованной слежкой». По мнению Ф.К. Колпахчева, «такая продуктивность работы сыскного отделения, конечно, имеет первенствующую опору в солидарной и дружной работе с чинами общей полиции, с одной стороны, в прикомандировании к сыскному отделению двух чиновников и 7 нижних чинов, с другой, и в старании, добросовестном отношении к своим обязанностям и в ревностном исполнении возлагаемых поручений, проявляемых подчиненными мне чиновниками и нижними чинами, с третьей, о чем считаю долгом свидетельствовать»⁴⁷⁶.

В приказе по Кубанской области № 1 от 7 января 1916 г. М.П. Бабыч написал: «...За такую энергичную и продуктивную деятельность по обнаружению и раскрытию преступлений, объявляю благодарность начальнику сыскного отделения, коллежскому секретарю Колпахчеву, классным чинам того отделения, равно чинам Екатеринодарской городской полиции за их дружную совместную работу с чинами сыскного отделения, а нижним чинам сыскного отделения предлагаю передать мое спасибо»⁴⁷⁷.

В 1916 г., фактически последнем полном году деятельности Екатеринодарского СО, раскрываемость преступлений снизилась до 76,2%, что было вызвано обстоятельствами военного времени. В связи с «сухим законом» было обнаружено 8 винокуренных заводов, «вполне оборудованных», во время

⁴⁷⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1274. – Л. 38об.-42.

⁴⁷⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1274. – Л. 46-46об.

винокурения. Из 4 «путевых» краж (в зоне отчуждения железной дороги), все раскрыты; из 5 хищений из госпиталей и лазаретов казенных вещей, раскрыто 4; из 27 случаев конокрадства – 11 раскрыто⁴⁷⁸. Ф.К. Колпахчев указывал, что «преследование конокрадства состоит на весьма плачевном положении, также как и в 1915 г. Причины этого нежелательного явления, по всей вероятности, останутся и в текущем году. Неимение в сыскном отделении собственных лошадей – одна из важных причин неудач, кроме того, отпускаемый кредит на сыск настолько мал, что наблюдение за конокрадами, гастролирующими по всем ярмаркам области, является почти невозможным»⁴⁷⁹.

В 1916 г. обнаружилась довольно любопытная тенденция в криминальной среде: после совершения преступления в Екатеринодаре, в целях избежать ареста, преступники скрывались в Армавире (получившем статус города, крупном железнодорожном узле), хуторе Романовском (крупном железнодорожном узле, с населением около 20 тыс. человек) и железнодорожной станции Тихорецкая (также крупном железнодорожном узле, с численностью работников в годы войны более 1 тыс. человек). Криминальные проблемы Армавира уже рассматривались ранее, а что касается хут. Романовского, то там, помимо Екатеринодара, находил приют воровской мир из населенных пунктов всей Кубанской области, а также из Ставрополя, Владикавказа и Минеральных Вод. В свою очередь, ж/д ст. Тихорецкая была вотчиной воров Ростова-на-Дону, Царицына, Новороссийска и Ейского отдела Кубани⁴⁸⁰.

В связи с указанным явлением, перед Екатеринодарскими сыщиками возникали большие проблемы, связанные с реализацией агентурной информации и задержанием преступников вне областного центра, поскольку командированная на места, в современной терминологии «группа захвата», не имела возможности проводить оперативное наблюдение за преступниками, поэтому реализация операции, как выражался начальник Екатеринодарского

⁴⁷⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1386. – Л. 7.

⁴⁷⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1386. – Л. 8.

⁴⁸⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1428. – Л. 1.

СО, «носила характер временного налета». По словам Ф.К. Колпахчева, «такие вещи, как наблюдение и выслеживание, требуют для своего осуществления строгую систематическую последовательность и постоянство, при соблюдении всех условий конспирации. Приезшему же человеку очень трудно в таких местностях как Романовский и Тихорецкая оставаться незаметным и выполнить возложенную задачу». Для активного противодействия преступности в новых условиях, начальником СО был спланирован ряд оперативно-розыскных мероприятий. По замыслу Ф.К. Колпахчева, в Романовском и Тихорецкой должны были бы дислоцироваться своеобразные филиалы, «как бы отделения Екатериновдарской сыскной полиции», возглавляемые командированными туда полицейскими надзирателями П.С. Донцовым и Л.А. Григонисом в качестве приставов. По мнению Ф.К. Колпахчева, «долголетняя служба их в полиции как общей, так и сыскной, добросовестное отношение к долгу, дают мне право, после почти двухлетней с ними службы, быть уверенным в том, что эти чиновники не заставят каяться в их назначении... и я смело могу рассчитывать на точное выполнение преподанной задачи». Кроме того, «местная полицейская власть, знакомая с сыском, могла бы легко вести наблюдение как по своей инициативе, так и по поручениям» начальника СО через П.С. Донцова и Л.А. Григониса. Относительно же Армавира Ф.К. Колпахчев полагал, что «вопрос о сыскной солидарности будет затронут с назначением туда полицмейстера»⁴⁸¹.

25 мая 1916 г. Ф.К. Колпахчев направил разработанный им план начальнику Кубанской области, однако он не был притворен в жизнь в связи с чрезвычайными обстоятельствами. 13 июня, когда М.П. Бабыч находился в отъезде, по Екатеринодару начали распространяться слухи о беспорядках, вызванных резким увеличением цен, причем в станице Пашковской, пригороде областного центра, погромы лавок начались накануне. Вечером 13 июня в Городской управе состоялось совещание с представителями купечества и участием Екатериновдарского полицмейстера Д.К. Михайлопуло, в ходе которого было вынесено решение: «не прибегать к увещеванию и воззваниям к

⁴⁸¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1428. – Л. 1об.-2.

благоразумию населения, а остановиться на мерах прямого воздействия», а также «воздействовать на торговцев, указывая гибельность их неумеренной спекуляции и повышения цен, наказывать не штрафом, а тюрьмой». Утром следующего дня на Сенном базаре начались беспорядки из-за повышенной в три раза цены на сахар у одного из торговцев. Женщины начали громить расположенные на базаре лавки и, быстро увеличившаяся в масштабах, толпа вышла на Николаевский проспект, где начала громить обувной магазин Сахава, а затем бельевой магазин Чехмахова. К вечеру все лавки и магазины на проспекте были разгромлены, такие же погромы прошли и на других улицах города, а толпа разграбила места торговли. Полиция и войска «энергичных мер» не применяли, но все же была застрелена одна из погромщиц у магазина Сахава. Возвратившийся на следующий день М.П. Бабыч пресек беспорядки, которые больше не повторялись⁴⁸². 26 июня было опубликовано его «Обязательное постановление», воспрещающее «какое-либо посредничество между производителем и покупателем, за исключением лиц, имеющих собственные заведения, лавки, хлебные конторы»⁴⁸³.

30 июня 1916 г. последовал приказ № 441 по Кубанской области: «...полицмейстер гор. Екатеринодара есаул Михайлопуло за допущение погромных беспорядков, бывших 14 сего июня, устраняется от занимаемой должности с прикомандированием к Кубанскому Областному Правлению». Временно исправлять его должность был назначен помощник полицмейстера Ю.И. Гапонов⁴⁸⁴. Вся городская полиция, включая и сыщиков, была призвана к осуществлению своих полномочий в условиях обострения оперативной обстановки и недопущению подобных нарушений правопорядка. Лишь 29 декабря 1916 г., «вследствие согласия Августейшего Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск», великого князя Николая Николаевича (Младшего), согласно приказа по Кубанской области № 954, Д.К. Михайлопуло

⁴⁸² ГАКК. – Ф. Р-1547. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 93-106.

⁴⁸³ Кубанские областные ведомости. – 1916. – 1 июня.

⁴⁸⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1438. – Л. 2.

был «допущен» к исполнению должности Екатеринодарского полицмейстера⁴⁸⁵. Однако момент был упущен и реализовать планы начальника Екатеринодарского СО уже не удалось, поскольку через два месяца свершилась Февральская революция.

В контексте деятельности Екатеринодарского СО следует рассмотреть и некоторые проблемы, связанные с осуществлением уголовного сыска «вне мест нахождения Сыскных отделений», т.е. сельских местностях Кубани. Екатеринодарское СО, как специализированный сыскной орган, свои функции по раскрытию преступлений и розыску лиц, их совершивших, выполняло, как правило, в границах города. Поскольку сыскное отделение функционировало только в областном центре и лишь в случае совершения «важнейших» преступлений по области туда командировались сыщики, то на местах подобный факт вызывал озабоченность. Так, например, 1 декабря 1908 г. атаман Екатеринодарского отдела, генерал-майор В.П. Савицкий направил рапорт М.П. Бабычу, в котором обращал внимание на то, что «местная станичная и сельская полиция вверенного мне отдела не располагает достаточной силой для прекращения разбоев, и она никогда не будет вполне успешно справляться с делом охранения общественной безопасности потому, что во главе ее стоят выборные люди – станичные и хуторские атаманы, – которые состоят в должности не подолгу, редко когда более трех лет и которые совсем не подготавливались предыдущею их деятельностью к отправлению полицейских обязанностей, почему они, обыкновенно, не умеют взяться за организацию охраны общественной безопасности, не находят путей для раскрытия преступлений и зачастую проявляют растерянность в случаях возникновения крупных происшествий»⁴⁸⁶. Более того, атаман отдела был не самого лучшего мнения о полиции на местах: «Даже по горячим следам преступления станичной и сельской полиции теперешнего состава весьма трудно обнаруживать преступников и обыкновенно полиция лишь тогда

⁴⁸⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1438. – Л. 18.

⁴⁸⁶ Рассказов В.Л. – Организационно-правовые меры по учреждению на Кубани областной сыскной полиции. / Юристъ Правоведъ 2015 г., № 1 (68), С. 105-110.

успешно раскрывает преступления и находит ограбленное или уворованное имущество, когда в наличии окажутся исключительно благоприятные условия. Точно также и посылка команд для поимки разбойников только в тех случаях может приносить пользу, когда путем предварительной негласной разведки может быть обнаружено местонахождение разбойников». С целью организации сыскной полиции в отделе В.П. Савицкий призвал станичные и сельские общества отдела ассигновать для этого часть средств из «общественных сумм», однако многие, причем «наиболее крупные» общества, его предложение отклонили. Вследствие этого, «для вознаграждения сыщиков пришлось составить недостаточную сумму всего в 1188 руб. на весь отдел», с вероятностью того, что в 1909 г. «поселения Екатеринодарского отдела не дадут и таких денег на организацию сыска». По этой причине В.П. Савицкий предлагал М.П. Бабычу «учредить в отделе на счет казны особое сыскное отделение»⁴⁸⁷. Разумеется, его ходатайство было отклонено, поскольку противоречило закону «Об организации сыскной части». Показательно, что подобная ситуация в сфере организации уголовного сыска была характерна для всех отделов области.

Вместе с тем, в тех случаях, когда на территории Кубанской области совершались преступления, как бы сейчас сказали, вызвавшие большой общественный резонанс, как указывалось выше, на их раскрытие командировались сыщики Екатеринодарского СО, быть может, в ущерб своей деятельности в черте города. Так, в период с августа 1909 г. по июнь 1910 г. ими была обезврежена «шайка профессиональных убийц, совершавшая убийства с целью ограбления, преимущественно через удушение веревкою, вблизи станций железной дороги в местностях: Екатеринодар – Кавказская – Армавир – Тихорецкая – Ростов». В результате, было раскрыто 17 эпизодов убийств, «совершенных с 1907 г., с 26-ю жертвами, задержано 17 злоумышленников». В тот же период времени была «выявлена шайка разбойников, совершавшая с целью ограбления на экономиях и хуторах в

⁴⁸⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 677. – Л. 1-2.

отделах Кавказском, Екатеринодарском и Темрюкском. Раскрыто 14 разбоев шайки в области с 15 жертвами и 4 нападения с 7 жертвами в Екатеринодарском отделе, задержано 36 злоумышленников»⁴⁸⁸.

В 1908 г. на сыск «вне мест нахождения Сыскных отделений» по Кубанской области из средств Департамента полиции было отпущено 1 тыс. руб., а в 1909 г. – 2250 руб. и 600 руб. из Кавказского наместничества, что было явно недостаточно (в 1910 г. Департамент направил 2300 руб. на сыск, а в 1911 г. – 2000 руб.)⁴⁸⁹. Анализируя сложившуюся ситуацию, 13 сентября 1909 г. М.П. Бабыч докладывал Наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову: «В настоящее время неблагонадежный элемент совершает преступления с большой осторожностью, хитро маскирует свою деятельность, с большими уловками скрывает следы преступления... Все это для раскрытия преступления и его предупреждения требует специальных знаний, опыта и сноровки, которой выбираемые обществом станичные атаманы не обладают и за короткий срок службы приобрести не могут. Розыск требует специальных и больших средств, между тем, станичные атаманы ими почти не обладают»⁴⁹⁰. Подытоживая свои доводы, М.П. Бабыч констатировал: «Единственным средством, которое могло бы оказать существующую пользу в деле сокращения преступности до возможного минимума – это учреждение областного розыскного органа, наподобие учрежденного в гор. Екатеринодаре. Польза такого органа будет несомненна, что видно из того, что со времени функционирования сыскного отделения в Екатеринодаре, грабежи и разбои в городе совершенно прекратились, а простые кражи, если и случаются, то почти всегда виновные и похищенное тотчас обнаруживаются»⁴⁹¹.

По сути, в канцелярии Наместника на Кавказе от рапорта начальника Кубанской области фактически отмахнулись: «...вопрос входит в область мероприятий, не связанных с исключительным положением (усиленной охраной), дальнейшее разрешение этого вопроса подлежит ведению Штаба

⁴⁸⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 11.

⁴⁸⁹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 30-31об.

⁴⁹⁰ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 2об.

⁴⁹¹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 3.

Кавказского военного округа»⁴⁹². Не откладывая дело в долгий ящик, М.П. Бабыч вышел с ходатайством об учреждении Кубанской областной сыскной полиции на начальника штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Г.Э. Берхмана, который порекомендовал «рассмотреть этот вопрос в Общем присутствии Кубанского Областного Правления и представить, кроме журнального постановления, выработанный штат и расчет единовременного расхода учреждаемого областного органа сыска»⁴⁹³.

Совершенно не обескураженный бюрократическими препонами и, не отказавшись от задуманного проекта, во «Всеподданнейшем отчете начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1909 год», М.П. Бабыч изложил императору Николаю II свою позицию: «Стремление оградить и в будущем мирный труд и жизнь населения от посягательств злонамеренных лиц, позволяют выразить мне предположение о целесообразности учреждения областного сыскного органа, ведающего преступления исключительно уголовного характера... Деятельность отдельных лиц и управлений (полицмейстеров в городах, атаманов отделов, станичных атаманов, участковых начальников) носит разрозненный характер, чем грабители пользуются, совершая преступления в районе деятельности одного лица и скрываясь в другом. Организованный сыск в одних руках, распространяя свои наблюдения на всю область, вне сомнения, имел бы возможность открывать следы сокрытия преступлений и преступников всюду»⁴⁹⁴.

Последний тезис не ускользнул от внимания императора. Как следует из переписки начальника Казачьего отдела Главного штаба с начальником штаба Кавказского военного округа, при рассмотрении отчета М.П. Бабыча за 1909 г., Николаю II «благоугодно было собственноручно отчеркнуть мнение Наказного Атамана о том, что сыск в одних руках, распространяя свои наблюдения на всю область, вне сомнения, имел бы возможность открывать следы сокрытия

⁴⁹² ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 1.

⁴⁹³ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 12.

⁴⁹⁴ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 4.

преступлений и преступников всюду»⁴⁹⁵ (по канонам императорского делопроизводства это означало, что первое лицо государства ожидает разъяснения по конкретному вопросу от соответствующего министра). 31 октября 1910 г. Военный министр, генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов представил свое «объяснение» Николаю II: «Об учреждении в Кубанской области особого областного сыскного органа никакого представления от местного начальства в Военное Министерство не поступало. Сыскные учреждения повсеместно ведаются Министерством Внутренних Дел. В виду сего, соответствующее представление Наказного Атамана с Высочайшею отметкою Вашего Императорского Величества вместе с сим сообщено Министру Внутренних Дел»⁴⁹⁶.

Не дожидаясь разрешения вопроса в МВД, 8 февраля 1911 г. М.П. Бабыч на заседании Общего присутствия Кубанского областного Правления поднял вопрос о создании областной сыскной полиции. В ходе обсуждения было признано целесообразным создать «сыскной орган в форме летучего отряда», который бы откомандировывался «в ту или иную станицу, хутор, город, которые по количеству преступлений оказываются на данный момент в положении, угрожающем общественной безопасности». Штаб-квартира областного сыскного органа должна была дислоцироваться в Екатеринодаре, «как центре области по местоположению, так и по пребыванию высшей администрации и сосредоточению всех сведений»⁴⁹⁷.

Особо подчеркивались два момента. Во-первых, если Екатеринодарское СО финансировалось из казны, то Кубанский областной сыскной орган должен содержаться за счет «средств» Кубанского казачьего войска, поскольку, «распространяя свои действия на область, он, главным образом, будет охранять от злонамеренных посягательств жизни и имущество Кубанского казачества». Во-вторых, в виду того, что деятельность обоих органов фактически была однородна, во избежание дублирования, а также «нежелательных между ними

⁴⁹⁵ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 13.

⁴⁹⁶ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 14.

⁴⁹⁷ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 20-21.

столкновений и недоразумений», представлялось необходимым влить Екатеринодарское СО в структуру создаваемого Кубанского областного органа сыска, причем начальник городского уголовного сыска по своей должности являлся бы одновременно и помощником начальника областного органа – «заведывающим сыском в Екатеринодаре»⁴⁹⁸.

В ходе дискуссий был выработан первоначальный проект штата областного органа сыска с ежегодными расходами на его содержание. В завершение совещания Общее присутствие Кубанского областного Правления определило: «В виду действительно сильно развившейся преступности в области и малоуспешности борьбы с ней наличными средствами существующего типа наружной полиции, является крайняя необходимость в успешно организованной сыскной полиции летучего типа». В этой связи, последовало журнальное постановление:

«1) Организовать областную сыскную полицию, поручив ее непосредственно Начальнику области и Наказному Атаману Кубанского казачьего войска;

2) Впредь до принятия участия казны в расходах на содержание и деятельности этой полиции весь расход в сумме 31.942 рубля ежегодно и 2.000 рубля единовременно принять на счет войсковых средств...»⁴⁹⁹.

Журнальное постановление было направлено начальнику штаба Кавказского военного округа, который по команде препроводил его в Казачий отдел Военного министерства, а оттуда – в Министерство внутренних дел. 27 апреля 1911 г. им был вынесен вердикт: «Законом 6 июля 1908 г. сыскные отделения образованы в составе полицейских управлений Империи, но не в губернских учреждениях, как намечено Кубанской областной администрацией. Положение сыскных отделений в качестве полицейского, а не губернского органа, устанавливается и по предположениям, выработанными Комиссией по реформе полиции, состоящую под председательством сенатора А.А. Макарова.

⁴⁹⁸ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 21об.

⁴⁹⁹ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 23.

При таком положении данного дела МВД затрудняется высказаться за осуществление ходатайства Кубанской областной администрации об организации сыскной полиции в качестве областного органа»⁵⁰⁰.

Следует сказать, что особая межведомственная комиссия под председательством товарища (заместителя) министра внутренних дел А.А. Макарова приступила к работе еще осенью 1906 г. Основной задачей ее была подготовка законопроектов по реформе полиции. После того, как в конце 1912 г. к тому времени уже министр внутренних дел А.А. Макаров ушел в отставку, его место занял новый министр Н.А. Маклаков, и комиссия продолжила работу. В конечном итоге, результатом ее деятельности стало, утвержденное Николаем II 30 октября 1916 г., положение «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»⁵⁰¹. По словам З.И. Перегудовой, «работа комиссии свелась не столько к поискам более современных способов и форм организации полицейской службы, сколько к борьбе различных группировок внутри полицейского аппарата»⁵⁰².

Между тем, М.П. Бабыч не оставлял попыток воплотить проект создания областной сыскной полиции в жизнь. 1 июня 1911 г. он направил начальнику штаба Кавказского военного округа Г.Э. Берхману ходатайство «о возбуждении вновь вопроса об учреждении в Кубанской области областного сыскного органа, не ожидая общей реорганизации полиции». В качестве аргумента начальник области ссылаясь на тот факт, что 27 мая возле станицы Нефтяной, Майкопского отдела было совершено ограбление кассира Майкопской нефтепромышленной конторы, а через четыре дня были задержаны грабители – «восемь армян и у них отобрано 8.743 рубля», причем «задержание злоумышленников совершено только с помощью Екатеринодарской сыскной полиции»⁵⁰³. Тем не менее, Кавказский военный округ «не признал возможным

⁵⁰⁰ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 28-29.

⁵⁰¹ СУ. – 1916. – № 307. – Отдел первый. – Ст. 2426.

⁵⁰² Перегудова З.И. Указ.соч. – С. 366.

⁵⁰³ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 32-33.

вновь возбудить ходатайство»⁵⁰⁴. Таким образом, организационно-правовые меры, предпринятые начальником Кубанской области М.П. Бабычем, в целях создания Кубанской областной сыскной полиции не увенчались успехом вследствие косности государственного аппарата и отсталости законодательной базы от существовавших реалий. Во многом благодаря усердию М.П. Бабыча проблемы борьбы с уголовной преступностью на Кубани стали известны лично императору Николаю II, однако даже он не смог побороть бюрократизм и консерватизм, царящий в верхних эшелонах власти.

Проблемы «крупного недостатка в постановке уголовного розыска» (отсутствие системного взаимодействия между начальниками СО и административно-полицейской властью на местах), благодаря М.П. Бабычу, были услышаны в Кавказском наместничестве. 17 января 1914 г. помощник Наместника на Кавказе по гражданской части, гофмейстер Н.Л. Петерсон секретным циркуляром № 85 объявил губернаторам и начальникам областей Кавказского края о проекте «объединения в виде общего правила организации уголовного розыска в губерниях и областях Кавказского края в лице местных начальников сыскных отделений, с возложением на них обязанностей руководства розыском в пространстве каждой губернии или области». В частности, проектом регламентировались следующие формы взаимодействия по розыскной деятельности:

1. «Обо всех разбойных и грабительских выступлениях, а также о выдающихся уголовных преступлениях чины полиции немедленно по получении сведений о совершенном преступлении, одновременно с донесением по начальству, сообщают также Начальнику сыскного отделения по телеграфу или с нарочным».

2. «Все сведения о передвижениях разбойников, равно как о предполагаемых выступлениях, уездные начальники (начальники округов) обязаны сообщать по поступлении этих сведений Начальнику сыскного отделения» тем же способом, как в п.1 или по почте в пакете с надписью

⁵⁰⁴ ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 35.

«совершенно секретно» и «лично»; при наличии фотографий преступников, их также отсылать, «каким бы путем фотографии эти не были добыты».

3. «Начальник сыскного отделения, по получении сведений (п.п. 1 и 2)» или «из других источников», докладывают губернатору (начальнику области) «о плане предварительных своих действий» и по их указанию «приступает к розыску».

4. «По всем, указанным в п.п. 1 и 2 преступлениям и обстоятельствам», уездные начальники «безотлагательно приступая к расследованию и розыску на общем основании», о всех подробностях докладывают губернатору и «продолжают самостоятельно свои действия, впредь до поставления их в известность о сосредоточении всего агентурного розыска по данному делу у Начальника сыскного отделения».

5. После получения указаний губернатора «о сосредоточении всего агентурного розыска» у начальника СО, уездные начальники «самостоятельные действия свои в отношении сыскных мероприятий прекращают и в отношении последних действуют только по указанию» начальника СО, передавая ему «весь добытый ими материал» и «все те сведения, которые к ним могут впоследствии поступить».

6. «Чины уездной (окружной) полиции обязаны оказывать чинам сыскного отделения всемерное содействие».

7. Все материалы «по делам агентурного розыска должны храниться в строгой тайне, а переписка по сим предметам производится и хранится лично уездными начальниками (начальниками округов)».

Уведомляя об этом, Н.Л. Петерсон просил губернаторов и начальников областей «сообщить соображения Ваши по существу» проекта⁵⁰⁵. В свою очередь, М.П. Бабыч поставил в известность о циркуляре всех полицмейстеров городов Кубани, начальника Екатеринодарского СО и атаманов отделов⁵⁰⁶.

⁵⁰⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1129. – Л. 23-24.

⁵⁰⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1129. – Л. 27.

Мнения административно-полицейских властей о проекте, как следует из их «соображений», оказались разно полярными. Так, полицмейстер Майкопа, коллежский советник В.И. Узунов полагал, что «издание общего правила, объединяющего организацию розысков, при условии сосредоточения их и непосредственного руководства у начальников сыскных отделений, с ведома начальников областей, было бы весьма желательным». Вместе с тем, отправление телеграмм о преступлениях было очень накладно, ибо «отпускаемых в распоряжение Городского Полицейского Управления средств едва хватает на покрытие самых необходимых расходов по канцелярии»⁵⁰⁷. Полицмейстер Анапы, есаул М.А. Левитес находил «предполагаемое объединение вполне уместным» и предлагал, «чтобы в Анапе был образован отдел сыскного отделения, заведывание которым ляжет на помощника пристава Анапы»⁵⁰⁸. Полицмейстер Ейска, войсковой старшина Е.Т. Ромащук сомневался: «...Кубанская область, имеющая громадную площадь с тремя миллионами населения, вряд ли может обслуживаться одним централизованным пунктом сыска»⁵⁰⁹. Полицмейстер Темрюка, губернский секретарь В.Я. Графов был краток: «...для посылки телеграмм или нарочных нет средств»⁵¹⁰. И лишь полицмейстер Екатеринодара, подполковник Д.С. Захаров остался безучастен: «...добавить что-либо к предположениям, изложенным в циркуляре, я ничего не имею»⁵¹¹.

Среди атаманов отделов области мнения также разделились. Так, атаман Ейского отдела, генерал-майор П.И. Кокунько полагал, что «при Управлениях отделов подлежало бы учредить по одной должности особого агента сыскной полиции, который бы находился в подчинении не только начальника сыскного отделения, но и в непосредственном подчинении атаманов отделов»⁵¹². Атаман Лабинского отдела, полковник А.П. Филимонов усматривал, что «возлагаемые обязанности на уездных начальников настолько значительны, что выполнить их

⁵⁰⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 106-107.

⁵⁰⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 105-105об.

⁵⁰⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 109-110.

⁵¹⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 119.

⁵¹¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 111.

⁵¹² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 120.

в полной мере затруднительно атаману отдела, обремененному и так сложной работой. Намеченные предположения осуществимы, если при атамане отдела будет особый чиновник с 2–3 низшими агентами. Они бы ведали сыском в районе отдела, причем чиновник, являясь в своем роде начальником сыска, докладывая атаману отдела о ходе работ, одновременно сносился бы с начальником Областного сысского отделения, а последний уже бы докладывал начальнику Кубанской области»⁵¹³. Более острая реакция последовала со стороны атамана Екатеринодарского отдела, полковника П.Н. Камянского: «...при существовании в Кубанской области одного Екатеринодарского сысского отделения едва ли возможно объединить сыск на началах, предположенных циркуляром, вследствие обширной области, густоты населения, обилия совершающихся преступлений и, нередко, сложности их обстановки. В самом проекте проглядывается намерение подчинить атамана отдела в полицейском отношении начальнику сысского отделения, что, конечно, недопустимо, да и не способствовало бы успешности дела. Более целесообразным было бы учредить в каждом отделе Кубанской области особое сысское отделение, подчинив его атаману отдела и предоставив ему руководить таковым для более спешной и успешной деятельности розыска»⁵¹⁴. Атаман Кавказского отдела, генерал-майор И.Е. Гулыга был «вполне согласен с мерами, изложенными в циркуляре»⁵¹⁵, а атаман Таманского отдела, генерал-майор В.В. Мищенко был по-военному лаконичен и каких-либо своих «соображений» не высказал: «...циркуляр принят к сведению и исполнению»⁵¹⁶. Примечательно, что атаманы Баталпашинского отдела, войсковой старшина С.Л. Безладнов и Майкопского отдела, полковник П.П. Лагунов и вовсе не уяснили содержание циркуляра: если первый просил сообщить, «с какого времени начать делать сообщения по телеграфу начальнику Екатеринодарского сысского отделения о производстве

⁵¹³ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 122-122об.

⁵¹⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 155-155об.

⁵¹⁵ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 114.

⁵¹⁶ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 121.

розысков»⁵¹⁷, то второй просил «указать время начала действия циркуляра» и «дать указания, в какое именно сыскное отделение следует сообщать о выдающихся преступлениях обще-уголовного характера», а также, «из каких средств производить расходы на посылку шифрованных телеграмм, т.к. канцелярские средства Управления Майкопского отдела весьма ограничены»⁵¹⁸. Пожалуй, здесь и комментировать нечего, если иметь в виду, что и С.Л. Безладнов, и П.П. Лагунов являлись представителями административно-полицейской власти Кубанской области среднего звена, отвечающими, в том числе, и за состояние борьбы с уголовной преступностью на вверенной им территории. Между тем, рассмотрение проекта затянулось в связи с началом Первой мировой войны, а потом и вовсе стало невозможным вследствие Февральской революции 1917 г.

Следует отметить, что еще до Февральской революции Ф.К. Колпахчев внес предложения, направленные на повышение эффективности предупреждения и пресечения преступлений. Они сводились к следующему:

«1) В возможной непродолжительности образовать военно-полицейские отряды, состоящие из нижних чинов военного ведомства под командой своего начальства, которые вошли бы в состав охраняющих город от преступного посягательства, как лиц уголовно преступных, так и проявлениях, имеющих характер действия скопом.

2) Усилить по возможности отпуск средств на сыскные надобности.

3) Приобрести для сыскного отделения пару лошадей.

4) Выстроить фотографический павильон.

5) Установить при сыском отделении, по примеру сыскных отделений 1-го и 2-го разрядов, стол привода, т.е. ежедневно в определенный час доставлять в сыскное отделение задержанных во всех частях лиц, безразлично, есть ли за ними преступление или попался в часть спьяна.

6) Если возможно, совершенно воспретить продажу вина, даже легкого.

⁵¹⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 113.

⁵¹⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2 – Д. 1129. – Л. 108-108об.

7) Увеличить размер административного взыскания за нарушения обязательных постановлений, ограждающих продовольственное дело»⁵¹⁹.

28 февраля 1917 г., когда в Петрограде власть перешла к Временному правительству, Кубанское областное правление по существу предлагаемых мероприятий Ф.К. Колпахчева приняло решение: «Отложить до окончания войны и более благоприятного состояния Государственного Казначейства, и не входить в настоящее время с ходатайством о мерах, имеющих штатный характер и вызывающих новые расходы казны»⁵²⁰. Через несколько дней в Екатеринодар пришли известия о падении в России монархии.

Известие о свержении самодержавия не привело на Кубани к немедленному смещению старых властей – начальник области М.П. Бабыч объявил о подчинении Временному правительству и продолжал осуществлять административное управление регионом. 2 марта 1917 г. прошли выборы в Екатеринодарский Совет рабочих депутатов (ЕСРД) и в тот же день на заседании Совета был образован его исполнительный комитет. Таким образом, на Кубани установилось двоевластие⁵²¹. Как следует из официального документа, «8 марта 1917 г. при проезде бывшего Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича через Кубанскую область в Ставку, ему было передано прошение наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерала-от-инфантерии Бабыча об увольнении от службы, а также просьба его же об увольнении в отпуск. По этой последней просьбе телеграммой Николая Николаевича от 9 марта сообщено генералу Бабычу, что ему разрешен двухнедельный отпуск, о положении же просьбы об увольнении от службы сведений не имеется»⁵²². Позднее, в марте 1917 г. он по приказу Временного правительства был уволен со службы «за болезнью, с мундиром и пенсией» и выехал в Кисловодск с семьей. 7 августа 1918 г. был убит большевиками у подножия горы Машук в Пятигорске; в апреле 1919 г. прах

⁵¹⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1386. – Л. 10.

⁵²⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 1386. – Л. 16.

⁵²¹ Очерки истории Кубани... – С.495-497.

⁵²² ГАКК. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 1048. – Л. 12-12об.

М.П. Бабыча был перевезен в Екатеринодар и захоронен в усыпальнице Екатерининского собора⁵²³.

В рассматриваемое время, после падения Российской империи, на Кубани началось строительство милиции. Приказом по Кубанской области № 198 от 6 марта 1917 г. вр.и.д. полицмейстера Екатеринодара, вместо Д.К. Михайлопуло, был назначен пристав 1-й части, коллежский асессор М.М. Саникидзе⁵²⁴. На состоявшемся 11 марта 1917 г. заседании Исполкома ЕСРД было принято решение: «Предложить Гражданскому Комитету озаботиться через Комиссара о скорейшем обновлении полиции, заменой чинов ея новыми, вполне надежными людьми» и «организовать милицию на следующих основаниях:

1) Вооруженная милиция находится в ведении ЕСРД и управляется избранным Исполкомом товарищем.

2) Наружная и внутренняя полиция состоит в ведении городского Комиссара.

3) Начальник милиции и Комиссар действуют во взаимном согласовании.

4) Организацию милиции поручить тов. Солнцеву»⁵²⁵.

Существование одновременно в городе новой милиции и старой полиции, да еще и «во взаимном согласовании», изначально являлось вздором. 11 марта 1917 г. на заседании Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов было принято решение о передаче вопроса о милиции на обсуждение Исполкома, а 14 марта 1917 г. Исполком ЕСРД постановил: «Соглашаясь с тем, что полиция будет распущена и что в городе будет создана вооруженная милиция, как полиция безопасности, принять все меры к сохранению подлежащего влияния на нее за Советом Р. и В.Д. через посредство выборного лица, равного Комиссару»⁵²⁶. В связи с новым курсом начался отток старых полицейских кадров. Вслед за полицмейстером Д.К. Михайлопуло, 23 марта 1917 г., «согласно просьбы», от занимаемой должности был уволен помощник

⁵²³ Энциклопедический словарь по истории Кубани... – С. 36.

⁵²⁴ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 569. – Л. 60б.

⁵²⁵ ГАКК. – Р-1547. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 2об.

⁵²⁶ ГАКК. – Р-1547. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 2об.-3.

полицмейстера Екатеринодара Ю.И. Гапонов⁵²⁷, 27 апреля 1917 г., «по состоянию здоровья», – полицейский надзиратель Екатеринодарского СО П.С. Донцов⁵²⁸, 5 мая 1917 г., «согласно прошению», – полицейский надзиратель Екатеринодарского СО Л.А. Григонис⁵²⁹, единственный сыщик, прослуживший в уголовном сыске города с первого дня учреждения СО, и, наконец, 1 июня 1917 г. Екатеринодарским Гражданским Комитетом был уволен начальник бывшего Екатеринодарского СО Ф.К. Колпахчев⁵³⁰. Все «зубры» екатеринодарского сыска не пожелали служить новой власти, а между тем она начала выстраивать в областном центре, взамен сыскному отделению, судебно-уголовную милицию.

Последний Екатеринодарский полицмейстер М.М. Саникидзе, «согласно прошению», 20 апреля 1917 г. был уволен Екатеринодарским Гражданским Комитетом, который в тот же день назначил «заведывающим милицией в гор. Екатеринодаре» некоего прапорщика Выдюрю⁵³¹. Примечательно, что 15 июля 1917 г. «заведывающий милицией» Выдюря докладывал в Кубанское областное правление, что «в настоящее время Саникидзе содержится в Метехском замке»⁵³² (в Тбилиси, цитадель и резиденция грузинских царей с V в.; в конце XIX – начале XX вв. политическая тюрьма, в советское время также использовался как место заключения).

С учетом изложенного следует констатировать, что в начале XX в. Екатеринодарское сыскное отделение, при небольшом постоянном штате сыщиков (восемь человек, включая начальника), несмотря на достаточно сложную оперативную обстановку в городе, добивалось стабильно положительной динамики в их раскрытии и розыске лиц, их совершивших, при веской поддержке начальника Кубанской области. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий Екатеринодарским сыскным отделением использовались агентурные возможности, осуществление розыска по

⁵²⁷ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 146. – Л. 3.

⁵²⁸ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 157. – Л. 1.

⁵²⁹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 159. – Л. 4об.

⁵³⁰ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 162. – Л. 4.

⁵³¹ ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 569. – Л. 7.

⁵³² ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 569. – Л. 12об.

линейному принципу, а также процессуальные и не процессуальные формы деятельности. В случае совершения особо тяжких преступлений по области, туда командировались сыщики, которые, однако, не всегда находили взаимопонимание по вопросам взаимодействия в раскрытии преступлений со стороны станичных и сельских административно-полицейских властей.

Организационно-правовые меры, предпринятые начальником Кубанской области, в целях создания Кубанской областной сыскной полиции не увенчались успехом вследствие косности государственного аппарата и отставания законодательной базы от существовавших реалий. Во многом благодаря усердию М.П. Бабыча проблемы борьбы с уголовной преступностью на Кубани стали известны лично императору Николаю II, однако даже он не смог перебороть бюрократизм и консерватизм, царящий в верхних эшелонах власти.

Усилия Кавказской администрации и реформы, направленные на оптимизацию взаимодействия сыскных отделений в губерниях и областях Кавказского края с общей полицией, определенно запоздали и не были доведены до логического своего завершения в связи с крахом монархии в России.

Заключение

С момента учреждения полиции в начале XVIII в., уголовно-розыскная деятельность постепенно сосредотачивается в ее руках. Однако вплоть до второй половины XIX в. в структуре полиции отсутствовали специализированные подразделения по раскрытию преступлений и розыску преступников. Необходимость создания сыскной полиции возникает в ходе общедемократических преобразований в России в 1860-х годах, в том числе и судебно-полицейской реформы.

Во второй половине XIX – начале XX вв. уголовный сыск в России по-прежнему осуществлялся местными органами общей полиции на значительных территориях государства, за исключением обеих столиц и крупных губернских городов, в которых учреждались специальные подразделения сыскной полиции. Образованная в конце 1866 г. Петербургская сыскная полиция, в процессе своей деятельности трансформировалась из небольшого по штату подразделения в эффективную специальную полицейскую службу уголовного сыска, оснащенную последними научными разработками и методиками, располагавшую действенной внутриведомственной организацией и достаточным финансированием. Петербургская сыскная полиция стала своеобразным эталоном для учреждения аналогичных служб и в других крупных городах Российской империи.

Органы уголовного сыска разделялись на две формы, исходя из источников финансирования, – 1) на уровне законов, издаваемых высшей государственной властью, функционировали постоянные штатные подразделения (Петербургская сыскная полиция, сыскное отделение Варшавской полиции, Московская сыскная полиция, Рижское сыскное отделение, сыскное отделение Одесской городской полиции, Ростово-Нахичеванская сыскная часть и Бакинская сыскная часть), и 2) на уровне распоряжений местных территориальных (губернских или городских) властей – «временные» или «внештатные» (сыскная часть Киевской городской полиции,

сыскное отделение при Харьковской городской полиции и др.). Положительный опыт и практика функционирования пионеров сыскной полиции, в первую очередь Петербургской, впоследствии были взяты за основу при образовании общероссийской системы уголовного сыска в 1908 г.

С принятием закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. и последовавшего в его развитие «Инструкции чинам сыскных отделений» от 10 августа 1910 г., а также внутриведомственных инструкций, регламентировавших агентурную деятельность и финансовую отчетность, уголовный сыск, как одна из функций общей полиции, впервые законодательно был выделен из общих, достаточно емких, задач полиции и сосредоточен в специально на то уполномоченных органах сыскной полиции – сыскных отделениях, рассредоточенных в губернских и иных городах, имевших стратегическое значение в связи с их геополитической дислокацией. В целом же, можно выделить три этапа развития сыскной полиции России:

1) В 1866–1908 гг. органы сыскной полиции существуют лишь в обеих столицах и некоторых крупных городах, по форме учреждения и финансирования разделявшихся на образованные законодательно высшей государственной властью с определенными, постоянными штатами и по распоряжениям местных территориальных (губернских или городских) властей – «временные» или «внештатные». В этот период вырабатываются формы и методы деятельности, привносятся в практику последние достижения науки, прикладные к решению главных задач уголовного сыска;

2) В 1908–1913 гг. происходит законодательная и внутриведомственная регламентация оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности сыскной полиции. На территории государства учреждаются, помимо уже существующих подразделений сыскной полиции, еще 89 сыскных отделений. Контроль за всей системой уголовного сыска осуществляется специально созданным в Департаменте полиции 8-м делопроизводством;

3) В 1913–1917 гг. совершенствуется, посредством организационно-правовых нововведений, работа сыскных отделений, расширяется круг

субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершенствуется подход к подбору и расстановке кадров. Претерпевает эволюцию 8-е делопроизводство Департамента полиции, ставшее активно участвовать в организации деятельности сыскных отделений. Однако дальнейшее развитие и совершенствование института уголовного сыска в Российской империи прерывается с крушением монархического строя в государстве.

Специфика становления и развития уголовного сыска на Кубани характеризуется особыми геополитическим, социально-экономическим и военно-стратегическим факторами региона, в котором дислоцировалось Кубанское казачье войско. К началу XX в. на территории Кубанской области и в ее областном центре Екатеринодаре сложилась крайне взрывоопасная криминогенная ситуация, подпитываемая, с одной стороны, притоком иногородних рабочих из центральных губерний России с антимонархическими настроениями, а с другой – масштабными волнениями и беспорядками, вызванными революционными событиями 1905–1907 гг., охватившими практически весь патриархальный казачий регион. В условиях, когда тяжкие преступления совершались уголовниками под прикрытием политических лозунгов, а все силы полиции были брошены на пресечение массовых уличных правонарушений, выявились слабые стороны органов охраны правопорядка и безопасности, как то: стремительное отставание штатной численности полиции от реалий жизненной необходимости; крайне низкое материальное содержание полицейских, в особенности нижних чинов; их недостаточная профессиональная подготовка; слабое техническое оснащение полиции. В целях стабилизации ситуации и взятии ее под контроль местная администрация и законодательная власть неоднократно принимали решения о выделении денежных средств из городского бюджета для финансирования вновь создаваемых временных полицейских подразделений и дополнительного стимулирования штатных чинов полиции. Несмотря на поддержку в этом вопросе начальника Кубанской области, в ряде случаев проблема встречала недопонимание в Кавказском наместничестве, в ведении которого по

гражданской и военной части находилась Кубань как административно-территориальная единица. Наконец, остро давали о себе знать недофинансирование Департаментом полиции сыскной части в отделах области и отсутствие специализированного сыскного отделения в Екатеринодаре для предотвращения, пресечения и раскрытия уголовных преступлений.

Крайне драматическая ситуация в борьбе с преступностью сложилась в селении Армавир, с его проблемой специфических межнациональных отношений. Этот фактор не мог не сказаться на состоянии оперативной обстановки, особенно обострившейся в период 1905–1907 гг. Содержание временного штата Армавирской полиции за счет финансирования сельским обществом и организация сыскной части в период нахождения Кубанской области на военном положении позволили достичь стабилизации в борьбе с уголовной преступностью. Однако после отмены военного положения криминальная ситуация вновь осложнилась. Даже после законодательного обращения Армавира в город вопрос о постоянном штате городской полиции не нашел своего разрешения.

С образованием в областном центре в 1908 г. Екатеринодарского сыскного отделения, оно, при небольшом постоянном штате сыщиков (восемь человек, включая начальника), несмотря на достаточно сложную оперативную обстановку в городе, добивалось стабильно положительной динамики в раскрытии преступлений и розыске лиц, их совершивших, при веской поддержке начальника Кубанской области. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий Екатеринодарским сыскным отделением использовались агентурные возможности, осуществление розыска по линейному принципу, а также процессуальные и не процессуальные формы деятельности. В случае совершения особо тяжких преступлений по области, на места командировались сыщики, которые, однако, не всегда находили взаимопонимание по вопросам взаимодействия в раскрытии преступлений со стороны станичных и сельских административно-полицейских властей.

Организационно-правовые меры, предпринятые администрацией Кубанской области, в целях создания Кубанской областной сыскной полиции, финансируемой из средств Кубанского казачьего войска, не увенчались успехом вследствие косности государственного аппарата и анахронизма законодательства.

В настоящее время по-прежнему остаются актуальными проблемы предотвращения, пресечения и раскрытия уголовных преступлений в Российской Федерации в целом и в Краснодарском крае в частности. В виду этого, исторический опыт организации оперативно-розыскной деятельности в Российской империи и Кубанской области востребован и использован, а его, порой, негативные стороны, позволят не допустить повторения несостоятельных выводов и решений в работе криминальной полиции МВД Российской Федерации, а также в других правоохранительных органах и спецслужбах, являющихся субъектами оперативно-розыскной деятельности. В особенности это касается дальнейшего совершенствования на практике линейного и зонально-территориального принципов организации розыскной, профилактической и регистрационной работы. К этим аспектам примыкают и вопросы дальнейшего развития специализации в сфере агентурной деятельности по видам преступлений, а также модернизации и оптимизации комплекса оперативно-поисковых мероприятий, связанных со служебно-розыскной кинологией, включая достаточно перспективное одорологическое направление, что, безусловно, будет способствовать достижению положительных результатов в борьбе с преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

І. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102.«Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917»

Оп. 207. Д. 3. Ч. 70.

Ф. 117.«Русский народный союз имени Михаила Архангела. 1908–1917»

Оп. 1. Д. 28.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1276.«Совет Министров. 1905–1917»

Оп. 3. Д. 74.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. 249.«Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска (бывшая канцелярия кошевых и войсковых атаманов Черноморского казачьего войска). 1783–1870»

Оп. 1. Д. 2425,2905.

Ф. 318. «1-е и 2-е казачьи отделения Кубанского казачьего войска. 1820–1917».

Оп. 6. Д. 14,25, 44, 1012, 1048.

Ф. 449.«Кубанское областное правление. 1870–1917»

Оп. 2. Д. 594, 631, 651, 677, 719, 752, 753, 809, 811, 853, 926, 927, 945, 1053, 1057, 1089, 1106, 1129, 1136, 1183, 1185, 1274, 1386, 1428, 1438; Оп. 9. Д. 146, 157, 159, 162, 569.

Ф. 454.«Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. 1870–1917»

Оп. 1. Д. 1, 65, 228, 231, 240, 249, 253, 272, 288, 326, 374, 379, 380, 753, 1065, 3160, 3175, 3180, 3344, 5191, 5194, 5204, 5311; Оп. 2. Д. 2988, 3070; Оп. 4. Д. 194, 206.

Ф. 468.«Канцелярия Черноморского губернатора. 1896–1917»

Оп. 2. Д. 131.

Ф. 583.«Кубанское областное жандармское управление. 1880–1917»

Оп. 1. Д. 711.

Ф. 584.«Канцелярия помощника начальника Кубанского областного жандармского управления. 1881–1917»

Оп. 1. Д. 199.

Ф. 585.«Екатеринодарское отделение жандармско-полицейского управления Владикавказской железной дороги. 1904–1917»

Оп. 1. Д. 186.

Ф. 586.«Екатеринодарский охранный пункт. 1907–1914»

Оп. 1. Д. 1, 25.

Ф. 723.«Пристав Таманского полуострова. 1872–1887»

Оп. 1. Д. 43.

Ф. Р-1547.«Коллекция документальных материалов по истории Кубани, собранная П.В. Мироновым»

Оп. 1. Д. 31, 124, 153.

Ф. Р-1700.«Управление по делам архивов Краснодарского края и ГУКК «Государственный архив Краснодарского края»

Оп. 1. Д. 2905.

Новороссийский филиал Государственного архива Краснодарского края (НФ
ГАКК)

Ф. 2. «Новороссийская городская управа. 1893–1920»

Оп. 1. Д. 342.

II. Опубликованные источники

Документальные публикации, статистические сборники

1. Алькинская А. «И всеми сысками сыскивать...» / Наша служба – уголовный розыск: Историко-публицистический сборник. – М., 1998.
2. Борисов А.В., Детков М.Г., Кузьмин С.И., Малыгин А.Я. и др. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996.
3. Бразоль Б.П. Очерки по следственной части: история, практика. – Пг. 1916.
4. Всеподданнейшие отчеты о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции за 1867–1868 годы. – СПб., 1868-1869.
5. Всеподданнейшие отчеты С.-Петербургского градоначальника за 1873–1890 годы. – СПб., 1874-1891.
6. Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903: Краткий исторический очерк. – СПб., 1903.
7. Генсиор И.П. Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. – Ревель, 1914.
8. Изложение обязанностей полиции по уголовным делам на основании Устава Уголовного Судопроизводства 20-го ноября 1864 года. – Одесса, 1869.
9. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Сост. по распоряжению Министра внутренних дел, Чиновником особых поручений при Министре Е. Анучиным. – СПб., 1872.
10. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. – СПб., 1913.
11. История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998.
12. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России. Применение научных методов в розыске и расследовании преступлений: Факты, документы, комментарии / Науч. ред. В.В. Крылов. – М., 2005.

13. Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Т. 1-3. – Париж, 1929.
14. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений: Дактилоскопия (Пальцепечатание). – СПб., 1909.
15. Лебедев В.И. Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого словаря воровского языка. – М., 1903.
16. Лебедев В.И. Судебно-полицейская фотография: Пособие для слушателей курсов, учрежденных при Департаменте полиции для начальников сыскных отделений. – СПб., 1908.
17. Обзор деятельности С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции за 1896 год. – СПб., 1897.
18. Обзор настоящего состояния и деятельности Санкт-Петербургской полиции. – СПб., 1883.
19. Отчет о деятельности сыскного отделения Киевской городской полиции за 1906 год. – Киев, 1907.
20. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 2001.
21. Приложения к Всеподданнейшим отчетам по С.-Петербургскому градоначальству за 1901–1907 годы. – СПб., 1902-1908.
22. Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Г.Т. Чучмай. – Краснодар, 1956.
23. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1900 год. – СПб., 1901.
24. Сборник циркуляров МВД за период март – апрель 1917 г. – Пг., 1917.
25. Статистический временник Российской Империи. Т. 1. – СПб., 1866.

Законодательные акты и инструкции

1. Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции / Сост. К. Бахмутов. – СПб, 1870.
2. Временное Положение о Бакинском градоначальстве. Высочайше утверждено 28 октября 1906 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26. – № 28494.
3. Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых. Высочайше утверждены 25 декабря 1862 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 37. – № 39087.
4. Городовое Положение. Высочайше утверждено 11 июня 1892 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8708.
5. Инструкция чинам Киевской сыскной полиции от 3 января 1905 года. – Киев, 1905.
6. Инструкция чинам полиции округа С.-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. В 2-х частях / Сост. прокурор С.-Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев. – СПб., 1882.
7. Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. / История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы. – М., 1998.
8. О восстановлении Петербургского градоначальства. Именной указ от 2 июня 1883 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 3. – № 1617.
9. О временном отпуске сумм на усиление личного состава и денежных средств Петербургского Полицейского Управления. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 марта 1883 / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 3. – № 1430.
10. О дополнительном штате Варшавской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 июня 1892 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8661.
11. О новом штате Варшавской городской полиции. Высочайше утвержденное положение Комитета по делам Царства Польского от 17 марта 1874 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 49. – № 53274.

12. О преобразовании Московской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 мая 1881 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – № 131.

13. О преобразовании Петербургского столичного управления. Именной указ от 17 июля 1871 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 46. – № 49833.

14. О преобразовании полиции в Прибалтийских губерниях. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 9 июня 1888 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 8. – № 5308.

15. О упразднении должности С.-Петербургского Военного Генерал-Губернатора и состоящего при нем особого Управления. Именной указ, данный Сенату от 4 мая 1866 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 41. – № 43262.

16. О штате Петербургской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 27 июня 1867 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 42. – № 44772.

17. Об изменении штата Варшавской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 апреля 1906 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26. – Отд. 1. – № 27655.

18. Об организации сыскной части. Высочайше утвержден 6 июля 1908 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 28. – № 30672.

19. Об упразднении должности Петербургского Градоначальника с возложением тех обязанностей на Обер-Полицеймейстера. Именной указ от 12 августа 1881 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – № 347.

20. Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов. Высочайше утвержденное постановление Совета Министров от 23 октября 1916 г. / Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1916. – № 307. – Отдел первый. – Ст. 2426.

21. Об усилении состава Харьковской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 июня 1902 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 22. – № 21647.

22. Об усилении штата сыскной полиции города С.-Петербурга. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 2 февраля 1904 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – № 23974.

23. Об установлении нового штата Ростово-Нахичеванской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 апреля 1906 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26. – № 27832.

24. Об устройстве и штате Управления Московского градоначальника. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 апреля 1906 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26. – № 27829.

25. Об утверждении штата Московской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 мая 1893 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 13. – № 9663.

26. Об утверждении штата Рижского городского полицейского управления. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 января 1900 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 20. – № 18004.

27. Об учреждении в составе Одесской городской полиции Сыскного Отделения. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 июня 1902 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 22. – № 21588.

28. Положение о Петербургском Градоначальстве. Высочайше утверждено 20 марта 1873 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 48. – № 52032.

29. По проекту временного росписания должностей управления Петербургского градоначальника и столичной полиции, а также присвоенных сим должностям окладов содержания. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 9 апреля 1885 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 5. – № 2855.

30. По проекту временного штата С-Петербургских градоначальства и столичной полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 мая 1887 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 7. – № 4428.

31. По проекту штата Екатеринодарской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 января 1887 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 7. – № 4164.

32. По проекту штатов Петербургского Градоначальства и Петербургской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 30 декабря 1876 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 51. – № 56784.

33. Правда Русская: Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. – М.; Л., 1940.

34. Правила агентурной работы. Приложение к секретному циркуляру Департамента полиции от 16 августа 1910 г. за № 126699. – СПб., 1910.

35. Правила расходования чинами полиции кредитов сметы МВД на сыскные надобности и формы отчетности этим издержкам от 4 октября 1911 г. / ГАКК. – Ф. 585. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 107об.

36. Устав уголовного судопроизводства. Высочайше утвержден 20 ноября 1864 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 39. – № 41476.

III. Периодическая печать

1. Вестник полиции. 1907–1916 гг.
2. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
3. Кубанские областные ведомости. 1904–1916 гг.
4. Кубанский край. 1912–1915 гг.
5. Речь. 1908г.
6. Русское слово. 1910 г.

IV. Мемуары. Дневники. Переписка

1. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой. – М., 2009.

2. Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. / Под общ. ред. А.Л. Паниной. – М., 1997.

3. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. – Париж, 1930.

4. Карпец И.И. Сыск: Записки начальника уголовного розыска. – М., 1994.

5. Кони А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин. Из записок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. – 1907. – № 12.

6. Ланге, фон В.В. Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове. – Одесса, 1908.

7. Ланге, фон В.В. Преступный мир: Воспоминания сыщика / Предисл. и подг. текста А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013.

8. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта. – М., 1907.

9. Максимов М. Московские тайны, рассказ сыщика. – М., 1862.

10. [Путилин И.Д.] Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. – СПб., 1904.

11. Путилин И.Д. Сорок лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции. Т. 1-2. – Пг.; М., 1916.

12. Селезнев В.П. Воспоминания старого исправника. – Верхнеднепровск, 1902.

13. Соколовский Н.М. Острог и жизнь: Из записок следователя. – СПб., 1866.

14. Чулицкий М. Петербургские бродяги. Из записной книжки бывшего судебного деятеля. – СПб., 1904.

15. Ярон С. Киев в восьмидесятых годах: Воспоминания старожила. – Киев, 1910.

V. Справочные издания

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. 24. – СПб., 1898.

2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Общество и государство. Правители и полководцы, Народы и страны. – М., 2003.

3. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. В 2 т. – М., 2012.

4. Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 года / Сост. Центр. стат. ком. на основании подсчетов местных особых комиссий. – СПб., 1898.

5. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / Сост. А.С. Азаренков, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вершышева. – Краснодар, 1986.

6. Петербург весь на ладони: Настольно-справочная книга / Сост. Вл. Михневич. – СПб., 1874.

7. Сысоев А. Сыскная полиция / Иркутск: Историко-краеведческий словарь. – Иркутск, 2011.

8. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / Сост., науч. ред. Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1997.

VI. Литература

Монографии, исследования, статьи

1. Абдулмаликов А.М. Нормативно-правовое регулирование борьбы полиции с правонарушениями в сфере экономики в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 33.

2. Байкиева С.Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3.

3. Бардадым В.П. Атаманы. – Краснодар, 2009.

4. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. – Краснодар, 2000.

5. Борисов А.В., Ермаков Е.Г., Яковлев К.Л., Яковлева Е.И. Развитие организационно-правовых основ управления полицией России в XVIII – начале XX в.: Учебное пособие. – М., 2002.

6. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995.
7. Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. – М., 1994.
8. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. История розыскного процесса в России (законодательство и практика): Монография. – Домодедово, 1997.
9. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (историко-правовое исследование). – Домодедово, 1997.
10. Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. – Киев, 1973.
11. Гамерман Е.В. Сыскные отделения дореволюционной России: уголовный мир на службе дальневосточной полиции / Полиция России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 28-29 июня 2012 г. – Хабаровск, 2012.
12. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. – М., 1997.
13. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – М., 2001.
14. Говоров И.В. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции // Новейшая история России. – 2012. – № 2.
15. Говоров И.В. «Полиция не была приучена к какой-либо активной службе»: Письмо московского градоначальника А.А. Рейнбота сенатору Н.П. Гарину // Исторический архив. – 2011. – № 4.
16. Говоров И.В. Проблемы коррупции в российской полиции на рубеже XIX – XX вв. // Новейшая история России. – 2011. – № 2.
17. Голдинов В.Ю. Обеспечение правопорядка и особенности борьбы с уголовной преступностью в предреволюционной России (1901–1904 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1.
18. Гуркин Я.А. Как создавалась Санкт-Петербургская сыскная полиция // История Петербурга. – 2011. – № 3.

19. Гуркин Я.А. Санкт-Петербургская сыскная полиция: совершенствование структуры и методов работы в начале XX в. // Клио. – 2012. – № 7.
20. Гурьев В.И. Московская сыскная полиция // Российская история. – 2011. – № 6.
21. Гурьев В.И. Организация и кадровый состав Московской полиции в 1898 г. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 3.
22. Елинский В.И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX вв.). – М., 1997.
23. Елинский В.И., Исаков В.М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – нач. XX вв.). – М., 1998.
24. Елисеев Ф.И. Наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал Бабыч. 1844–1918. – Нью-Йорк, 1971.
25. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968.
26. Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов Ю.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1965.
27. Жаров С.Н. А.Ф. Кошко и его подчиненные в воспоминаниях и документах // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 4.
28. Жаров С.Н., Спришевский Н.С. О создании системы правового регулирования политического и уголовного сыска России в XIX – начале XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 20.
29. Жилина Ю.А. Вопросы финансирования сыскной полиции России в начале XX века / Проблемы права. – 2011. – № 1.
30. Жилина Ю.А. Использование секретного агентурного аппарата в деятельности чинов сыска отделения // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – № 2.

31. Жилина Ю.А. Коррупция в сыскной полиции в России в начале XX века // Вестник Белгородского юридического института. – 2011. – № 1.

32. Жилина Ю.А. Профессиональная подготовка чинов сыскной полиции России в начале XX века: цели, средства и результаты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2011. – № 5.

33. Жилина Ю.А. Создание сыскной полиции в России // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: Сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей Белгородского юридического института МВД России. – 2008. – № 5.

34. Жилина Ю.А. Участие чинов сыскных отделений в производстве дознания и предварительного следствия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2011. – № 1.

35. Жилина Ю.А. Чины сыскной и общей полиции дореволюционной России в борьбе с общеуголовной преступностью // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 1.

36. Зирин С.Г. «Генерал, не знавший поражений»: Николай Николаевич Юденич // Белое дело. – 2013. – 21 июля.

37. Зуев А.В. Петербургская Коломна. – СПб., 2013.

38. Зуев Г. Съезжий дом второй Адмиралтейской части // Нева. – 2003. – № 11.

39. Иван Путилин. Гений русского сыска / Сост. Г. Беляев. М., 2002.

40. Известные теракты / Авторы-сост. Д.В. Нестерова, А.В. Нестерова, О.В. Шумахер. – М., 2003.

41. Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений: Блистательный и преступный криминальный Петербург. 1861–1917. – СПб., 2007.

42. Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005.

43. История Кубани / Под общ. ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар, 2005.

44. Ищенко О.В. Эстафета подвига. Страницы летописи Харьковского уголовного розыска. – Харьков, 2010.
45. Кладов В.Ю. Организация службы Пензенской городской полиции в начале XX века // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 3.
46. Ковешников В.Н. Краеведческие статьи о Кубани. – Краснодар, 2006.
47. Конев Г. Два Маршалка // Вести сегодня. – 2013. – 25 сентября.
48. Коновалов И.А. Организационно-правовое развитие полиции Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. – 2013. – № 4.
49. Короткова С.В. Сыскное отделение Самары (К истории вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2.
50. Кравченко С.А. Организационно-правовая основа сыскной полиции в пореформенной России второй половины XIX – начала XX века // Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Нижегородской Академии МВД РФ. – 2003. – № 1.
51. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М., 1984.
52. Крылов И.Ф., Быстрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: Учебное пособие. – Л., 1984.
53. Крылова Н.А. Из истории полицейской фотографии в России второй половины XIX – начала XX столетия // Исторический вестник. – 2013. – Т. 6.
54. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). – Армавир, 2002.
55. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII – начало XXI в.): Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Краснодар, 2013.
56. Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2.

57. Курукин И. Полиция старой России: будочники, жандармы, «фараоны» // Отечественные записки. – 2013. – № 2.

58. Лобанов А.В., Кузнецов О.В. Деятельность Саратовского сыскного отделения по борьбе с общеуголовной преступностью в начале XX века // Информационная безопасность регионов. – 2011. – № 1.

59. Логинов О. Легенды русского сыска // Секретные материалы 20 века. – 2005. – № 25.

60. Луговин С.М. Правовой статус сыщика общеуголовной полиции в дореволюционный период (историко-правовой аспект) / Осуществление и защита прав граждан в современном обществе: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. – Омск, 2013.

61. Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппов С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. – СПб., 1996.

62. Любвин Р. Он сажал Соньку Золотую ручку // Милиция. – 2000. – № 3.

63. Лядов А.О. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России // История государства и права. – 1999. – № 1.

64. Лясович Т.Г., Фролов В.В. Особенности правовой регламентации деятельности сыскных полицейских подразделений в начале XX века в Российской империи / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 4-х ч. Ч. III. – Тамбов, 2011.

65. Масалимов А.С., Масалимов Т.С. Нарушение законности полицией Российской империи при осуществлении полномочий по охране общественного порядка (1900–1917 гг.) // Вестник Академии Восточного экономико-юридического государственного университета. – 2008. – № 5.

66. Матиенко Т.Л. Организационно-структурные особенности сыскной полиции Российской империи (1908–1917) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18.

67. Матиенко Т.Л. «Сыск» как специальное научное понятие: историко-правовые доводы // Журнал российского права. – 2009. – № 2.
68. Меламед Е. «Красовский, известный по делу Бейлиса...» // Егупец: Художественно-публицистический альманах (Киев). – 2011. – № 20.
69. Милованов С.В. Между двух революций. Деятельность Темрюкской городской полиции против революционного подполья в 1905–1917 гг. // Вестник архивиста Кубани. – 2014. – № 9.
70. Михайлов М.А. Аркадий Францевич Кошко и его «Очерки уголовного мира царской России» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2010. – Т. 23. – № 2.
71. Моргунов С.В. Вопросы совершенствования предупреждения рецидивной преступности в деятельности уголовного розыска // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 4.
72. Москва криминала и сыска. – М., 2009.
73. Мулукаев Р.С. Из истории борьбы с профессиональной преступностью в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Материалы научно-практической конференции (17–18 мая 1994 г.). Вып. I. – М., 1994.
74. Мулукаев Р.С. История полиции дореволюционной России. – М., 1981.
75. Мулукаев Р.С. Общеуголовная полиция дореволюционной России, ее классовый характер. – М., 1979.
76. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). – Н.-Новгород, 1993.
77. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. – М., 1964.
78. Мулукаев Р.С. Система государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1974.
79. Мулукаев Р.С., Борисов А.В., Малыгин А.Я. Полиция Российской империи: Монография. – М., 2013.

80. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественный органов внутренних дел. – М., 2005.
81. Мулукаев Р.С., Полубинский В.И. Сказ о сыске // Советская милиция. – 1990. – № 1-12.
82. Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. – СПб., 2002.
83. Невский С.А. Взаимоотношения сыскных отделений и общей полиции Российской империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 1/2.
84. Невский С.А. Создание сыскных отделения в Российской империи // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1.
85. Огурцов А.Е. Становление и развитие оперативно-поисковых подразделений в полиции МВД России: исторический аспект // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 1.
86. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России: 1826–1880 гг. – М., 1982.
87. Островский А. Кто стоял за спиной Сталина? – СПб.; М., 2002.
88. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / Под ред. Г.И. Соломахи. – М., 1980.
89. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996.
90. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 2002.
91. Очкур Р.В. «По своей выдающейся служебной деятельности обращает на себя особое внимание» // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 1.
92. Пазин М. Маэстро сыска // Секретные материалы 20 века: Криминальный отдел. – 2005. – № 3.
93. Панько И.В. Нормативно-правовые и организационные основы взаимодействия сыскной полиции и судебных следователей в дореволюционной России (историко-правовой аспект): Монография. – СПб., 2007.

94. Паталашко С.В. История возникновения оперативно-розыскной деятельности и ее развитие в дореволюционной России // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2008. – № 2.

95. Пачин П.А. Становление и развитие сыска в дореволюционной России // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2009. – № 8.

96. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М., 2000.

97. Петров А.В. К вопросу о функциях полиции Урала и Западной Сибири в начале XX века: историко-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 7.

98. Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской Империи в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3.

99. Петров А.В., Девятов В.Ю. К вопросу о системе органов охраны общественного порядка в дореволюционной России // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2011.

100. Пиджаренко А. Криминальный сыск Киева во II половине XIX – начале XX вв. – Киев, 2006.

101. Политов В.Е. Тамбовская криминальная полиция в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – № 1.

102. Полиция России / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2010.

103. Полиция Российской империи / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2005.

104. Полубинский В.И. Сыскальная полиция царской России // Журнал российского права. – 2000. – № 5/6.

105. Рассказов Л.П., Сирица И.В. Спецслужбы монархической России: Монография. – Краснодар, 2003.

106. Рассказов Л.П. - Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII – начало XXI в.): Монография, Краснодар, 2013.

107. Рассказов Л.П. и др. Кубань и казачество (конец XVIII в.-1920 г.) (историко-правовое исследование: Монография // Под ред. Л.П. Рассказова. – Ростов-на-Дону, 2003.

108. Рассказов Л.П., Рассказов В.Л. Полиция Кубани в период первой революции (1905-1907 гг.) // Аграрное и земельное право. 2015 г. № 3 (123). С. 47-53.

109. Рассказов Л.П., Рассказов В.Л. Деятельность полиции Кубани в условиях резкого обострения криминальной ситуации 1905-1907 гг. // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г. № 52. С. 264-269.

110. Рассказов В.Л., Гучетль А.А. Историография специальных служб императорской охраны России. // Философия права. 2014 г. № 3 (64). С. 113-116.

111. Рассказов В.Л. Деятельность начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска М.П. Бабыча по организации Екатеринодарского сыскного отделения. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015 г. № 1 (80). С. 101-103.

112. Рассказов В.Л. Московская сыскная полиция в конце XIX – начале XX в.: организация, функции, штаты. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2 (81). С. 118-122.

113. Рассказов В.Л. Учреждение Санкт-Петербургской сыскной полиции. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015 г. № 3 (82). С. 106 -110.

114. Рассказов В.Л. Полиция Кубанской области в конце XIX – XX вв.: структура, функции, штаты и содержание. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г. № 107. С. 243-258.

115. Рассказов В.Л. Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 года: недостатки и достоинства в регламентации деятельности сыскных отделений в системе общероссийского уголовного розыска. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015 г. № 107. С. 259-271.

116. Рассказов В.Л. Учреждение Екатеринодарского сыскного отделения. // Философия права. 2014 г. № 6 (67). С. 111-116.

117. Рассказов В.Л. Организационно-правовые меры по учреждению на Кубани областной сыскной полиции в 1909-1911 годах. // Юристы-Правоведы. 2015 г. № 1 (68). С. 105-109.

118. Рассказов В.Л. Анализ закона от 6 июля 1908 года «Об организации сыскной части». // Право и государства: теория и практика. 2015 г. № 5 (125). С. 16-20.

119. Рассказов В.Л. Полиция Кубанской области на рубеже XIX – XX вв. // Аграрное и земельное право. 2015 г. № 4 (124). С. 41-47.

120. Рассказов В.Л. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности сыскных отделений Российской империи. // Гуманитарные и социальные науки. 2015 г. № 2. С. 144-154.

121. Рассказов В.Л. Деятельность сыскной полиции Петербурга в начале XX века. // Общество и право. 2015 г. № 3 (53). С. 40-43.

122. Ратушняк В.Н. Об организации сыскной полиции на Кубани в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3.

123. Ратушняк В.Н. Реорганизация Кубанской полиции в 1860–1890-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 4.

124. Руга А., Кокорев А. Московский городской, или Очерки уличной жизни. – М., 2012.

125. Руга А., Кокорев А. Сыщики и воры // Наш современник. – 2013. – № 2.

126. Руднев П.И. Начальник Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко // Вопросы истории. – 1999 – № 4/5.

127. Руженцов А. Санкт-Петербургская столичная полиция в царствование Анны Иоанновны (По бумагам Кабинета Министров) // Вестник полиции. – 1914. – № 14/15.

128. Русская полиция / Сост. В. Пиотровский, Д. Кудрявцев, Р. Очкур. – М.; СПб., 2007.

129. Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М., 1993.
130. Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.): Монография / Под общ. ред. А.В. Горожанина, А.Я. Малыгина. – Самара, 2001.
131. Рязанов Д.В. Российская полиция и ее методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века) // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8.
132. Самойленко Е.А. Киевская городская полиция. – Киев, 2000.
133. Седунов А.В. История Псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв. – Псков, 2004.
134. Сидоренко В.П., Говоров И.В., Николаенко П.Ф., Ремнева С.В. Полиция в событиях февраля 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3.
135. Сизиков М.И. Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. – М., 1992.
136. Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв.: Учебное пособие. – Челябинск, 2002.
137. Сичинский Е.П., Хакимов С.Х. Из истории формирования органов полиции г. Уфы в XVIII– начале XX вв. // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12. – № 4.
138. Тарасов А.В. Реформа расследования преступлений в Российской империи XIX века и ее особенности на Кубани. – Краснодар, 2003.
139. Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. – М., 1885.
140. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9.
141. Токарева С.Н. Источники по исследованию деятельности полиции Российской империи начала XX в.: По материалам федеральных архивов и архивов Центрального Черноземья // Вестник архивиста. – 2012. – № 1.

142. Торвальд Ю. Век криминалистики / Пер. с нем. И.С. Власова, Л.А. Пэк. – М., 1984.
143. Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. – Краснодар, 2000.
144. Тушемилов М.В. Организация и деятельность полиции России в XIX – начале XX в. в документах Полного собрания законов Российской империи // Власть. – 2010. – № 5.
145. Файтельберг-Бланк В.Р., Шестаченко В.В. В «клещах» знаменитого сыщика / Бандитская Одесса. «Двойное дно» Южной Пальмиры. – Одесса, 1999.
146. Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. – Ростов-на-Дону, 1976.
147. Фролов В.В. Организация и деятельность сыскных отделений // История государства и права. – 2004. – № 3.
148. Фукс В. Суд и полиция. В 2-х частях. – М., 1889.
149. Хлысталов Э.А. Аркадий Кошко (Невыдуманый Шерлок Холмс России) // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. – 1993. – № 2.
150. Хлысталов Э.А. Он служил отечеству (К 100-летию кончины известного русского сыщика И.Д. Путилина) // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах. – 1993. – № 1.
151. Храмцов А.Б. Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 2.
152. Чисников В.Н. В.В. фон Ланге – сыскных дел мастер // Юго-Запад. Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 7. – Одесса, 2009.
153. Чисников В.Н. Забытые имена (о царском сыщике фон Ланге) // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 1.

154. Чисников В.Н. Три портрета мастеров сыска / Антология сыска: От полиции к внешней разведке. Т. 2. Сыск, сыщики и преступный мир. – Киев, 2006.
155. Чисніков В.М. Г.М. Рудий – піонер української криміналістики // Криміналістичний вісник: Науково-практичний збірник. – 2004. – № 2.
156. Чисніков В.М. Собаки-шукачі на службі карного розшуку Російської імперії // Криміналістичний вісник: Науково-практичний збірник. – 2010. – № 1.
157. Шаламов А.Ю. Развитие организационной структуры сыска полиции Российской империи: (вторая половина XIX - начало XX в.) // Вестник Московского университета. – 2001. – № 4.
158. Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: Сыскальная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / Под ред. В.Л. Телицына. – М., 2013.
159. Шаханов А. Московские обер-полицмейстеры и начальники сыскальной полиции // Московский журнал: История государства Российского. – 2005 – № 2.
160. Шеф столичной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Собрание сочинений в 2 т. / Сост. Л. Беляева, Д. Нечевин. – М., 2012.
161. Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. – Омск, 1974.
162. Шинджикашвили Д.И. Сыскальная полиция царской России в период империализма. – Омск, 1973.
163. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогоаев. – Екатеринодар, 1914.
164. Энтина О. Гений русского сыска // Секретные материалы 20 века: Досье. – 2005. – № 6.
165. Якупов Р.Х. Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 4.
166. Ярхо В. Байки русского сыска. – М., 2004.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Гибов В.В. Сыскная полиция в механизме Российского государства. (Теоретический и историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.
2. Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2012.
3. Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.
4. Гусенков А.С. Полиция Новгородской губернии и борьба с преступностью во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Новгород, 2009.
5. Ершов Ю.А. Полиция России в пореформенный период: комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.
6. Захватов Д.В. Сыскная полиция Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
7. Иванова Е.А. Правовые основы организации и деятельности общей полиции России (XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.
8. Калашникова С.И. История уголовного сыска в России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Забайкальской области: Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2007.
9. Канцев А.Б. Формирование органов полиции Черноморской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009.

10. Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области: 1860–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
11. Карякин А.В. Становление и развитие органов прокуратуры на Кубани в 1801–1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2013.
12. Кокшаров А.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1999.
13. Короткова С.В. Уголовная полиция в системе органов охраны общественного порядка Российской империи в начале XX века: по материалам Самарской, Саратовской и Пензенской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2008.
14. Лядов А.О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
15. Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск в конце XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003.
16. Матиенко Т.Л. Сыскная полиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
17. Матиенко Т.Л. Организация сыска в России в IX - начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.
18. Москвитин Ю.Н. Полиция в Томской губернии в 1867–1917 гг. (Устройство, численность и материальное обеспечение служащих): Дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.
19. Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция, 1906–1913 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000.
20. Нарбутов Р.В. Полиция дореволюционной России (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992.

21. Небратенко Г.Г. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001.

22. Помигалов А.А. Санкт-Петербургская полиция в XIX в.: структура, организация, деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

23. Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002.

24. Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866–1917 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.

25. Сичинский Е.П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра. ист. наук. – Челябинск, 2006.

26. Сысоев А.А. Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730-х – 1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2004.

27. Сысуев Ю.Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002.

28. Тарасов А.В. Институт судебных следователей по реформам середины XIX века (историко-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.

29. Юдин Е.Г. Организационно-правовые основы развития уголовного сыска в системе МВД России в 1866–1917 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2001.

Интернет-ресурсы

1. Кириченко Ю.Н. Пластунские батальоны и станица Уманская (Ленинградская) //Электронный ресурс
http://samlib.ru/k/kirichenko_j_n/publicistika.shtml.

2. Курьянович Ю. Александр Ильюкевич. Возвращение из небытия (МВД Республики Беларусь)// Электронный ресурс
<http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=161413>).

3. Радьков А. Уголовный розыск Нижнего Новгорода начала 20 века и периода Гражданской войны / История государства // Электронный ресурс

<http://statehistory.ru/4623/Ugolovnyy-rozysk-Nizhnego-Novgoroda-nachala-20-veka-i-perioda-Grazhdanskoj-voyny/>.

4. Рапорт начальника Тамбовского сыскного отделения Х.А. Рейнберга тамбовскому полицеймейстеру К.Ю. Старынкевичу о вооружении нижних чинов отделения револьверами // Тамбовские древности // Электронный ресурс <http://otambove.ru/antiqua/?p=10562>.

5. Фридгельм Е. Сыскное отделение в Калуге на рубеже XIX–XX в. / Компас-Калуга // Электронный ресурс <http://kompas-kaluga.ru/historyitem/5858/>.